

БОРИС КРИГЕР

ОКСАНА КУЛЬНЕВСКАЯ

Как такое может быть? Человечество достигло фантастических успехов – освоение космоса, расшифровка генома, микроэлектроника, автоматизация. А один из самых важных общественных институтов, судопроизводство, практически не претерпел качественных изменений.

Искушенный читатель может отметить, что так было всегда, суды и юристов ругали во все века. Но разве это аргумент? От того, что в старину люди не были знакомы с антисептиками, вовсе не значит, что и в наше время нужно пользоваться не стерилизованным хирургическим инструментарием!

Тогда нам возразят: а что, собственно, вы предлагаете? Радикальные реформы судопроизводства встретят непреодолимое сопротивление со всех сторон, от всех заинтересованных в существующей системе, и, если даже и будут произведены, могут не удался, и тогда как справиться с хаосом? Как разрешать споры? Как защищаться от обидчиков и преступников?

В том-то и дело, что система правосудия, как впрочем и органы правопорядка, в основном физически никого не защищает. Ведь сосед не убивает нас не потому, что между нами и ним стоит полицейский с пистолетом и не только потому, что сосед боится суда и тюрьмы. То есть на страже нашей жизни и благосостояния стоит не правосудие и не полиция, а добрая воля окружающих не причинять нам вред, так называемое правосознание индивидов, соединяющееся в общественное правосознание. А эти понятия более касаются философии и психологии, чем юриспруденции. Именно поэтому книга написана не юристами, а философом и психологом.

БОРИС КРИГЕР
ОКСАНА КУЛЬНЕВСКАЯ

РАЗОЧАРОВАНИЕ
В ПРАВОСУДИИ

БОРИС КРИГЕР
ОКСАНА КУЛЬНЕВСКАЯ

РАЗОЧАРОВАНИЕ В ПРАВОСУДИИ

ФИЛОСОФСКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ ПРАВОСОЗНАНИЯ

 ALTASPERA
PUBLISHING & LITERARY AGENCY INC.

© 2020 – **Борис Кригер**

© 2020 – **Оксана Кульневская**

ISBN 978-1-716-53639-7

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to krigerbruce@gmail.com

Published in Canada
by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

СОДЕРЖАНИЕ

О чем эта книга?	5
Глава 1. Попытка переосмысления правосудия	12
Глава 2. Правосознание и психология преступлений	33
Глава 3. Разочарование в принципе «Преступление и наказание» в гуманном обществе	46
Глава 4. Закон что дышло, куда повернул, туда и вышло	52
Глава 5. Насилие над свободой личности под предлогом соблюдения принципа законности.....	58
Глава 6. Низкий уровень правосознания и правовой нигилизм.....	66
Глава 7. Отсутствие обратной связи между применением норм права и нормотворчеством.....	73
Глава 8. Необоснованное расширение границ правового регулирования.....	81
Глава 9. Преступление и психическое здоровье	87
Глава 10. Бессмысленность принципа справедливости.....	97
Глава 11. Самоуправство – крах принципа осуществления правосудия только судом.....	110
Глава 12. «По судам затаскаю!» – использование судебной системы как средства давления.....	120
Глава 13. Невозможность обеспечения принципа независимости судей	129
Глава 14. Произвол и самодурство судей	136
Глава 15. Судебные ошибки намеренные и непреднамеренные.....	144
Глава 16. Правосудие СМИ и соцсетей и разочарование в презумпции невиновности.....	156

Глава 17. Двойная мораль и разочарование в принципе равенства перед судом и законом.....	171
Глава 18. Разочарование в принципе неотвратимости наказания	177
Глава 19. Разочарование в гарантии на судебную защиту .	188
Глава 20. Разочарование в праве на защиту обвиняемого ..	195
Глава 21. Разочарование в принципе состязательности сторон: судебная машина и маленький человек	203
Глава 22. Тарабарский язык судопроизводства	210
Глава 23. Подмена сути дела процессуальными формальностями.....	215
Глава 24. Давление на подследственного и сделки со следствием	219
Глава 25. Жалкие спектакли: гласность судебных процессов и иллюзия участия граждан в правосудии	231
Глава 26. Разочарование в принципе обязательности соблюдения судебных решений	236
Глава 27. Насилие в тюрьмах как не установленное законом дополнительное наказание.....	240
Глава 28. Условия заключения и нарушения прав человека в местах лишения свободы	244
Глава 29. Нигилизм заключенных: исправительная система штампует новых преступников	249
Глава 30. Проблемы отбывания наказания условно.....	252
Глава 31. Клеймо уголовного прошлого: проблемы адаптации бывших заключенных в обществе	255
Глава 32. Смертная казнь, убийство граждан полицейскими и право на жизнь	259
Глава 33. Правосудие будущего	261
Послесловие.....	266

О ЧЕМ ЭТА КНИГА?

Консервативность человечества поражает, ибо на многие вещи взгляды не пересматриваются веками. Каждое поколение бормочет: «доживём свой век как предки, а вот молодые, пусть потом экспериментируют...», но и следующее поколение тянет ту же лямку. Хотя нужно признать, что о консерватизме можно говорить лишь с некоторыми оговорками. В последнее столетие изменения происходят весьма интенсивно, и чем ближе к современности, тем стремительнее. Однако некоторые области отстают и практически не модернизируются.

То, что в какой-то мере, было благоразумно в прежние времена, становится вредным в современном обществе. Такими стали системы правосудия в современном мире. Они не только не обеспечивают соблюдения основных принципов, таких, как равенство всех перед законом, справедливость, независимость судей, презумпция невиновности, соответствие - меры вины и наказания, но и сами эти принципы потеряли первоначально закладываемое в них значение и превратились в не более чем рудиментарные выцветшие лозунги, ведущие к возрастающему правовому нигилизму человечества.

Что уж говорить о практике правосудия, когда её основы стали иллюзорны и противоречивы. Суды, вне зависимости от стран и судебных систем, вместо того, чтобы помогать людям находить выходы

из затруднительных ситуаций, разрешая споры, сами являются авторитарными и неэффективными органами, обращение в которые чревато волокитой, осложнениями и неоправданными потерями, а главное - стойким чувством разочарования. Причем речь не идет об отдельно взятой юрисдикции или области права. Состязательность судебного процесса повсеместно превращена в фарс. Адвокатура представляет собой профессионалов, вызывающих горькие нарекания практически во всех культурах. Их обвиняют, хоть иногда и слишком сурово, в циничности, неэффективности и непомерной алчности. Исправительные учреждения не исправляют, а штампуют новых преступников, полиция прежде всего защищает свои интересы, в которые входит право на узаконенное насилие.

Неотвратимость наказания превратилась в осмеянную иллюзию, а химера равенства всех перед законом давно вызывает нервный смех. Наказания, призванные устрашать, более не устрашают, с другой стороны, в тюрьмах практикуется насилие, разумеется, не учтённое в уголовном кодексе как часть наказания, и поэтому, в общем и целом, в рамках уголовного права царит хаос и беспредел.

Интеграция в общество освобождённых лиц затруднена наличием регистрируемого уголовного прошлого. Система правосудия словно бы заботится о том, чтобы преступники не покидали свои ряды.

Весь этот бал правит политика и бизнес, которые используют правосудие как эффективную и безжалостную систему давления на оппонентов и конкурентов.

Как такое может быть? Человечество достигло фантастических успехов – освоение космоса, расшифровка генома, микроэлектроника, автоматизация. А один из самых важных общественных институтов, судопроизводство, практически не претерпел качественных изменений.

Искушенный читатель может отметить, что так было всегда, суды и юристов ругали во все века. Но разве это аргумент? От того, что в старину люди не были знакомы с антисептиками, вовсе не значит, что и в наше время нужно пользоваться нестерилизованным хирургическим инструментарием!

Тогда нам возразят: а что, собственно, вы предлагаете? Радикальные реформы судопроизводства встретят непреодолимое сопротивление со всех сторон, от всех заинтересованных в существующей системе, и, если даже и будут произведены, могут не удался, и тогда как справиться с хаосом? Как разрешать споры? Как защищаться от обидчиков и преступников?

В том-то и дело, что система правосудия, как впрочем и органы правопорядка, в основном физически никого не защищает. Ведь сосед не убивает нас не потому, что между нами и ним стоит полицейский с пистолетом и не только потому, что сосед боится суда и тюрьмы. То есть на страже нашей жизни и благосостояния стоит не правосудие и не полиция, а добрая воля окружающих не причинять нам вред, так называемое правосознание индивидов, соединяющееся в общественное правосознание. А эти понятия более касаются философии и психологии, чем юриспруденции.

Юристы возразят, что система правосудия так или иначе работает, а идеальные системы в этом мире не достижимы, и что альтернативой может стать только хаос.

Юридическая ментальность общественного сознания не поддается абсолютно точной оценке. Законодатель не может полностью предвидеть все общественно-правовые последствия своей правотворческой деятельности. Он не всегда знает, как отреагируют люди на принятый закон: слишком сложна социальная жизнь, слишком разнообразна юридическая действительность. Но это вовсе не означает, что государство не должно и не может прогнозировать последствия своих законодательных усилий.¹ Во всяком случае, прежде чем предпринимать какие либо изменения, необходимо убедиться, не принесут ли они больше вреда, чем пользы, как это нередко случается.

Впрочем, касательно благополучных стран, факт остается фактом, - люди живут более или менее терпимо и, главное, с мирно, и система правосудия является своего рода гарантом этого нормального существования. Да, она не может встать на фактическую охрану каждого индивида, но своим существованием обеспечивает стабильность общества. Поэтому призывы к каким либо реформам должны восприниматься очень осторожно. В прошлом было немало социальных экспериментов, и большинство из них закончились катастрофами.

¹ PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF LEGAL CONSCIENCE by Zhigulin Andrey Alekseevich, PhD in psychological sciences, associate Professor, assistant Professor of Psychology

Прежде чем приступить к рассмотрению причин разочарования в правосудии, необходимо установить, о каких правовых системах и каких областях права пойдет речь. Ведь что отличает профана от человека, имеющего представление о правосудии? Понимание того, что существуют различные правовые, судебные системы, и разные области права. В мире есть большое количество систем права, каждая из которых имеет отличительные особенности.

Наиболее известной является классификация правовых систем, в соответствии с которой выделяются:

- романо-германская правовая семья,
- англосаксонская правовая семья,
- религиозная правовая семья (мусульманская, иудейская и др.),
- социалистическая правовая семья,
- традиционная правовая семья,
- некоторые другие правовые семьи.

Романо-германская система объединяет правовые системы Европы и возникла на основе римского права. Основной источник права — нормативный акт. Ей присуща кодификация законов и чёткое деление норм права на отрасли, а все отрасли подразделяются на две подсистемы: частное право и публичное. К сфере публичного права относятся административное, уголовное, конституционное, международное публичное. К частному относятся гражданское, семейное, трудовое, международное частное. В системе органов государства проводится четкое различие на законодательные и правопримени-

тельные органы. Законотворческие функции составляют монополию законодателя. То есть законы принимаются парламентом, а в судах они исполняются.

Англо-американская правовая система оперирует так называемым «Общим правом» и доминирует в США, Великобритании, Канаде, Австралии, Новой Зеландии и некоторых других странах. Прародительницей этой правовой семьи была Англия. В ее основе — принцип, что при выработке решения судом господствующая сила принадлежит прецеденту. Основным источником права в Англо-американской правовой системе является обычай, подтверждённый судебным прецедентом. Таким образом, в отличие от романо-германской системы, судебные решения играют большую роль в собственно формировании права, тогда как романо-германская система оставляет за судами функцию толкования и применения права.

Итак, упомянув отличия между двумя основными правовыми системами и опустив подробности о других системах, необходимо отметить, что эта книга о правосудии ведёт речь об общих проблемах, связанных с универсальными принципами, разочарование в которых мы упомянули выше.

То, что у нас нет готового решения проблем, еще не значит, что проблемы можно безнаказанно игнорировать.

Необходимо заново пересмотреть в свете современности основные понятия, издревле лежащие в основах того, что мы именуем «правосудием», и попытаться понять, почему они вызывают во многих из нас горькое разочарование как на сознательном, так и подсознательном уровне.

Пусть у нас нет лекарства от этих недугов, которыми страдает современное правосудие, но первым шагом к выздоровлению должна стать верная диагностика. Именно этим автор и предлагает заняться совместно с достойным читателем, ибо трудно прожить жизнь, ни разу не соприкоснувшись с правосудием, ведь недаром в народе говорят «от сумы и от тюрьмы не зарекайся».

ГЛАВА 1. ПОПЫТКА ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ.

Во все времена люди пытались каким-то образом регулировать поведение друг друга. Так зарождалось то, что в последствии получило название «правосудие», попытка установления порядка, то есть: «ты должен поступать так или иначе не потому, что я так хочу, а потому, что *так положено.*»

Среди человекообразных обезьян путем определенных экспериментов установлено, что приматы готовы нападать и наказывать одного из своих собратьев за нарушение определенного запрета, даже если его смысл никому из них не ведом. В одной из версий эксперимента банан подвешивают на верхней перекладине лестницы и тех, кто пытается взобраться и его достать, поливают из шланга холодной водой под напором. Причем достается не только смельчаку, но и всем, кто находится в клетке. Холодный душ злит обезьян. Со временем они начинают мешать новичку, посаженному в клетку, лезть за бананом. При постепенной полной смене состава обитателей клетки, обезьяны, которых никогда не поливали, и которые очевидно не имеют понятия, почему нельзя лезть по лестнице за бананом, перенимают этот запрет от удаленных к тому времени из клетки собратьев, сами не лезут и другим не дают.

То есть даже высшие приматы демонстрируют способность регулировать поведение друг друга, апеллируя к определенному правилу, значение и смысл которого не очевиден. А ведь в этом примере можно усмотреть зачатки возникновения законов и их исполнения при том, что ни одному из членов сообщества не приходит в голову задуматься, а почему, собственно, нельзя лезть за бананом, и в крайнем случае убедиться на своем опыте, что скрывается за этим запретом, и, не получив холодной струи, отменить этот ставший бессмысленным запрет.

Понятие «правосудие» эволюционировало в процессе социально-исторического развития. Исследование самой сути этого понятия не часто становится предметом обсуждения, потому что считается, что всё и так само собой разумеется, и обсуждать тут нечего, всё равно что возвращаться к осмыслению простейших аксиом, не требующих доказательства.

Обыденное толкование понятия «правосудие» сводится к отождествлению его со «справедливым», «правдивым», «законным» судом, решения которого выносятся по совести, по правде. С другой стороны, народная мудрость фиксирует несоответствие реальной судебной практики представлениям о правде и справедливости. Это выразилось в пословицах многих народов, которые обличают судей в «неправде», «самоуправстве», «самодурстве», «алчности». Таким образом, уже в древности стала очевидной необходимость соответствия деятельности суда не только правовым, но и моральным нормам («правдоискательство»), при том, что, как это не звучит парадоксально, эти нормы не всегда совпадают.

Основные начала правосудия сложились задолго до возникновения современных судебных систем. Их можно встретить в текстах священных писаний, в работах ораторов и философов Древней Греции и Древнего Рима, в богословских трактатах средних веков. Положительные и отрицательные стороны правосудия упомянуты в легендах, отражены в трудах прошлых времён.

Старейшие из известных текстов цивилизации древней Месопотамии, которым присущ законодательный характер, восходят ещё к раннединастическому периоду, датируемому четырьмя тысячами лет назад. Законы Хаммурапи поражают своей жестокостью, ведь согласно им большинство преступлений должно караться смертью.

Уже с давних времен одни люди не хотели убивать других, не придав этому определенную законность, так, словно бы от этого убийство переставало быть убийством.

То есть за славными мыслями о справедливости скрывается простой и суровый смысл правосудия, а именно: оправдание убийства или, по крайней мере, оправдание причинения вреда как реакция на предположительно принесенный вред.

Одним из первых письменных свидетельств 431 - 310 годов до нашей эры, указывающих на характер отправления правосудия в древнем Китае, является раздел седьмой речи царств (Го юй). И там всё звучит чинно и благоразумно. Но мы прекрасно знакомы с практикой жестоких казней на протяжении всей истории Китая.

В древней Индии правосудие понималось как инструмент достижения правды и охраны существую-

щих государственных законов, но и там лились реки крови на вполне законном основании.

Существенный вклад в развитие представлений о сущности правосудия внесла древнегреческая философия. Платон так говорил о характере современного ему правосудия: «... судясь самому или заступаясь на суде за другого, можно выиграть дело независимо от того, прав человек или нет: если хорошо заплатишь, то и получишь нужный результат». Не зря шутят: «- Почему Фемида с завязанными глазами и в руках весы держит, что это значит? - А это означает ее беспристрастность: ей абсолютно все равно, какая из сторон больше положит денег на весы!» Платону должна была быть хорошо известна цена греческого правосудия, ведь его учителя и героя его диалогов Сократа, по приговору, вынесенному согражданами, принудили выпить смертельный яд цикуту², за то, что философ смущал своими речами молодежь.

Аристотель, считал, что вынесение правосудного приговора возможно только в том случае, если судья обладает внутренним, обращённым к самому себе морально-нравственным законом, который помогает ему осуществлять правосудие не только в отношении других, но и в отношении себя. Его знаменитый ученик Александр Македонский явно хромал на этот предмет, чем-чем, а обострённым чувством справедливости он не отличался.

² Легендарную известность цикуте принесла смерть Сократа. Исторически считается, что он покончил с собой (по приговору афинского суда), выпив именно сок цикуты.

Аналогичного аристотельскому подходу к определению существенных черт правосудия придерживался и Цицерон.

Кодификация римского законодательства, осуществлённая в VI веке нашей эры императором восточной римской империи Юстинианом, внесла значительный вклад в процесс формирования и юридического закрепления определения понятия «правосудие». Так, известный римский юрист Домиций Ульпиан давал следующее определение этому понятию: «правосудие есть неизменная и постоянная воля предоставлять каждому его право». Не очень продвигающее вперед определение, надо сказать, но чем богаты, тем и рады были законолюбивые римляне, хотя их история полнится абсолютным наплевательством на законы.

Распространение христианского учения послужило импульсом к переосмыслению существовавших ранее представлений об окружающей действительности.

Преподобный Исаак Сирин писал: «Милосердие противоположно правосудию, ведь оно есть уравнивание точной меры, потому что каждому даёт, чего он достоин, и при воздаянии не допускает склонения на одну сторону. А милосердие ко всем сострадательно преклоняется: кто достоин зла, тому не воздаст злом, и кто достоин добра, того преисполняет с избытком.»

Тема Божией любви является центральным звеном в богословских трактатах Исаака Сирина. Бог, по его мнению, есть, прежде всего, любовь, вся его воля исполнена любви к своим творениям. Любовь Божья не поддаётся человеческому описанию, в ней

нет «больше» или «меньше», нет «раньше» или «позже». В своей любви Бог никого не предпочитает, никого не отвергает.

Автор в другой своей книге «Счастливое одиночество» делает предположение, что любовь, о которой говорит христианство (по-гречески «агапэ») представляет собой скорее жертвенность, и характеризуется самой сутью христианства, утверждающей, что Бог стал человеком и пострадал на кресте, тем самым искупив наши грехи.

То есть Бог, будучи Судьей, вместо того, чтобы наказать нас, понёс наказание сам и тем проявил себя как абсолют жертвенности, которую мы трактуем как «любовь», хотя надо понимать, что на греческом есть разные слова для обозначения различных видов любви.

Христианство утверждает, что милосердие Бога беспредельно, оно превышает всякое человеческое представление о его правосудии и справедливости. Но наш земной опыт поражает нас жестокостью и бессмысленностью нашего мира, которые входят в противоречие с верой в Божественное милосердие.

Люди представляют собой товарищей по несчастью, заброшенных в этот жестокий мир, и единственное, что, казалось бы, в их власти, - это не делать его ещё более жестоким, совершая преступления, и тем более верша отмщение за них, именуемое правосудием. Но увы, и к этому простейшему выводу род человеческий прийти не способен и продолжает множить жестокость и в без того жестоком мире, полном распада и смерти, которые в нём изначально присутствуют и не зависят от человеческой воли. Вместо того, чтобы относиться друг к

другу бережно и внимательно, как к товарищам по несчастью, люди упорно и эффективно отравляют жизнь друг другу, причем очевидно, такими их создал милосердный Бог, или, по крайней мере, допустил, что они совершили первородный грех, вкусив запретный плод и тем повредив свою изначально совершенную природу.

Неверующий в осмысленное творение читатель может пропустить эти аргументы, хотя и ему придётся поискать ответ, почему мир самозародился и развился таким образом, что при критическом его рассмотрении никак не может удовлетворить даже самую скромную вероятность самозарождения. Иными словами, такая вероятность случайного возникновения мира практически равна нулю, хотя надо признать, что и у невероятного есть определенная вероятность.

Учение о Божественном милосердии звучит безусловно восхитительно, однако серьезным возражением этим христианским воззрениям может послужить утверждение, что создание мира, допускающего страдание, не является моральным актом и посему возможно вывести высший моральный закон для творцов – не создавать миров, мучительных для их обитателей. Эти идеи автор излагает в своей книге «Руководство по сотворению миров».

Западная религиозно-философская мысль отличалась своим подходом к исследованию сущности и содержания феномена правосудия. По мнению Фомы Аквинского, правосудие представляет собой одну из существующих добродетелей, в связи с этим исполнение правосудия, безусловно, есть оправдание. Старик Сократ легко бы разбил этот довод Фо-

мы, вкрадчиво спросив: «Правосудие наказывает смертью за убийство?». «Очевидно», ответил бы Фома, и почесал за ухом, предчувствуя подвох. «Так значит ты, Фома считаешь убийство добродетелью?» прихлопнул бы Сократ любимым риторическим вопросом, и Фома, подумал бы, что его оппонента древние греки осудили на смерть неслучайно.

Новое время изменило представление общества о характере и сущности правосудия, освободив его от ярко выраженного религиозного влияния. Учение о прощении и неосуждении входило в очевидное противоречие с воздаянием по заслугам за преступления.

Усиление монархической власти побуждало правителей к обоснованию их политических и правовых притязаний, теоретическому доказательству своего доминирующего положения, а ссылки на божественность царской власти вызывали у просвещенных подданных все больше скепсиса и даже негодования.

В первой половине семнадцатого века английским философом Томасом Гоббсом в трактате «Философские основания учения о гражданине» было сформулировано учение о так называемом «мече правосудия» как праве подвергать наказанию.

И действительно, кто дает право одному человеку судить и наказывать другого? Это право совершенно не очевидно и не обоснованно, особенно в свете демократических ценностей, нагрянувшей современности.

Известную демократизацию понятие «правосудие» получило в трудах Иммануила Канта. В своей работе «Метафизика нравов» он формулирует идею

опосредованного отправления правосудия народом. Согласно ему, только народ может творить суд над каждым в его составе, хотя и опосредованно, через им самим избранных представителей (суд присяжных). Однако народный суд над Сократом, который мы упоминали выше, не спас его от смерти, хотя его учение, за которое его и принудили распрощаться с жизнью, впоследствии легло в основу всей западно-европейской философии, верным сыном которой являлся Иммануил Кант.

Следующим шагом к определению сущности правосудия стали работы Гегеля, который противопоставлял правосудие архаичному праву на наказание преступника в форме мести, хотя, по сути, очень трудно отличить эти два весьма родственных действия. Ведь месть является возмещением чего-то, а правосудие, всего лишь его легитимизирует.

Прежде чем сформулировать философско-правовое определение понятия «правосудие», необходимо установить наиболее существенные признаки указанного процесса, характерные для всех этапов его развития.

Главной особенностью правосудия является его процессуальная природа, поскольку считается, что последовательное рассмотрение конкретного случая, поэтапное построение умозаключений и рассмотрение доказательств способствуют выработке наиболее объективного и справедливого решения. Следует отметить, что процессуальный порядок отправления правосудия во все времена придавал ему ярко выраженный обрядово-ритуальный характер, что не могло не повлиять на скептическое отношение к нему со стороны мыслящих людей. Ведь об-

рядом прикрывалась базисная неспособность человека приблизиться к истине, а последовательность размышлений вовсе не предохраняла от ошибочности выводов.

Любой процесс, проистекающий в объективной реальности, характеризуется определённой длительностью и продолжительностью, причём социальным процессам свойственна способность к постепенному и постоянному изменению. Так, на протяжении длительного исторического развития общества не раз изменялись процессы: принятия нормативно-правовых актов (указ монарха, папская булла, закон, принятый представительным органом путём голосования), выбора должностных лиц, осуществляющих непосредственное управление обществом (прямые или опосредованные выборы, путём выкрикивания имени на площади или отметки в соответствующем бланке) и т.д. Правосудие не стало исключением из этого правила, до сих пор оно продолжает развиваться и совершенствоваться соразмерно потребностям современного ему общества. Но увы, эта область человеческой деятельности реформируется медленнее всего.

Исторический характер отправления правосудия позволяет опровергнуть довод о том, что данный процесс на протяжении всего его существования осуществлялся исключительно специально уполномоченными судебными органами. Так, ещё до возникновения первых государств функции по отправлению правосудия могли осуществляться вождём, жрецом, советом старейшин или просто самым старшим представителем того или иного рода. В рамках религиозных правовых систем правосудие

могли осуществлять лица, наделённые религиозным авторитетом: брахманы, епископы, муфтии, раввины так далее. В периоды значительных социальных потрясений функции правосудия брали на себя иные государственные институты (например, казнь Карла Первого по решению парламента Англии). Более того, в истории возникали такие ситуации, при которых определённые должностные лица осуществляли рассмотрение не свойственных им судебных дел.

Важными задачами правосудия в любой исторический период являлись установление факта общественно значимого деяния (убийства человека, оскорбления божества, невозврата долга, захвата чужой собственности, приобретение вещи и т.д.) и соответствующая реакция на его совершение (смертная казнь, отсечение руки, отмена незаконного акта, наложение обязанности возратить имущество законному собственнику, признание права на вещь и т.д.). Установление такого факта было бы невозможно без наличия используемой социальной нормы (обычая, нормы морали, нормы права, религиозной нормы и т.д.), которая толкуется и применяется субъектом, отправляющим правосудие.

Таким образом, можно предложить следующее философско-правовое определение понятия «правосудие». Правосудие представляет собой общественно-историческое явление, в рамках которого обладающий судебной властью субъект осуществляет установление и санкционирование факта общественно значимого деяния путём толкования и применения конкретной правовой нормы.

Считается, что главная цель правосудия - обеспечение торжества справедливости вообще и в каж-

дом конкретном случае. Справедливость — понятие крайне относительное, о «должном», содержащем в себе требование соответствия деяния и воздаяния. Но чье это понятие? Сколько людей, столько и мнений. Более того, при разных обстоятельствах мнения одного и того же индивида могут быть разными. Очень часто люди понимают справедливость только так, как выгодно им, при этом совершенно искренне полагая, что во всех случаях безусловно правы и объективны. Эдакий перманентный самообман исключительно в собственную пользу, или по крайней мере, то что мы считаем для себя полезным. С таким путем рассуждений каждый из нас не раз встречался среди наших знакомых, и даже, при достаточной степени самокритичности, сможет подметить подобные наклонности и в себе самом. Несмотря на то, что психологии известны случаи болезненного самообличения, гораздо чаще наш изворотливый разум поможет найти оправдание любым нашим действиям. Нередко мы априори исходим из того, что всегда правы, и именно свое изменчивое мнение принимаем за основу истины в каждый отдельный момент времени. Разумеется, признаться себе в этом есть первый шаг к более взвешенному взгляду на мир вокруг нас, но такого признания добиться практически невозможно.

Итак, чье понятие справедливости ложится в основу правосудия? Усредненное, большинства, -- ответите вы. Но нам известна несостоятельность мнения большинства в назначении истинных моральных ориентиров. Не раз человеческая история показала, на что способны психопатические массы.

В таком случае признаем, что настоящая и основная задача правосудия скорее в том, чтобы обеспечивать порядок в обществе. Если встает выбор между «справедливостью» и «порядком», общество выбирает «порядок», если, конечно, им не манипулируют в каких-то целях, ибо беспорядок разрушителен для любого общества.

Таким образом, порядок является очевидным общественным благом. Но в то же время гарантом порядка является каждый индивид, а вовсе не правосудие. Судья не прибежит к нам на кухню и не остановит пощечины между супругами. Более того, даже полиция скорее прибудет уже к шапочному разбору. То есть несовершенство преступления есть проявление свободной воли индивида, а вовсе не заслуга правоохранения и правосудия.

Представим себе самое страшное преступление. Не просто массовое убийство, а уничтожение всего рода человеческого. Теперь один индивидуум может уничтожить всё человечество, скажем, спровоцировав ядерную войну, добравшись до ядерной кнопки. Пусть чисто теоретически, но до эпохи ядерных чемоданчиков таких возможностей не было даже в теории. Можно представить себе маньяка, который с детства задумает уничтожить человечество и последовательно будет добиваться восхождения на пост президента, и своей политикой и приказами начнёт таки ядерную войну.

Скажите, это невероятно? Ознакомьтесь с недавней историей, и вы убедитесь, что мир уже не раз стоял на пороге ядерной войны.

То есть преступление одного (которое еще может и не трактоваться как преступление, если речь идет

о президенте!) может обойтись существованием всего человечества. Что же касается неких террористов, ядерное оружие особо охраняется на этот случай, но в теории такое возможно. Это будет преступление преступлений. И если в теории оно возможно, то наверняка уже замышлялось, замышляется и будет замышляться.

Какой мотив у этого человека или группы заговорщиков? Так ли это важно! Ведь каждый из нас рано или поздно может задаться вопросом, а стоит ли человечество того, чтобы его сохранять?

Какая-нибудь защитница природы решит, что планета устала от человечества и технический прогресс всё равно ведёт его к самоуничтожению. Лет через сто ядерный туман развеется и у планеты появится второй шанс... Так не лучше ли, пока не поздно, освободить планету от людей? Или, как в фильме «Матрица», искусственный интеллект объявит человечество вредным вирусом. Так что мотивы могут быть разными.

То есть даже на предмет ценности существования всего человечества могут быть разные мнения, куда уж там вопросы о ценности отдельной человеческой жизни, хотя считается, что они универсально приняты всеми жителями планеты.

Автор ни в коем случае не считает, что убивать допустимо, просто мало кто знает, что вовсе не известно, каково мнение большинства относительно подобных вопросов, а коль скоро мы полагаемся на принятие решений демократическим путем, то вполне можно ожидать сюрпризов... Победа Гитлера и террористической организации Хамас на выборах вполне может квалифицироваться как примеры то-

го, что общечеловеческие ценности могут быть не так уж универсальны.

Философия правосудия утверждает, что ценность человечества неоспорима. Но не для всех это очевидно. Некоторые поспорили бы насчёт ценности человечества. Люди, возможно, как и динозавры, всего лишь временные жители на планете.

Однако, наряду с подобными ужасами, связанными со злонамеренными или обманутыми людьми, мы можем с уверенностью сказать, что наблюдаем целые сообщества, состоящие из довольно мирных индивидов, которые сами прекрасно регулируют отношения между собой без всякого стороннего вмешательства.

Причем они делают это не под страхом такого вмешательства, а в силу своего воспитания и убеждений. Но эти с виду добропорядочные граждане находятся в системе, регулируемой правосудием. Хотя очевидно, что наряду с высокой состязательностью и агрессивностью в людях присутствует кооперативность и самоорганизованность. Причем если в таком сообществе появляются нарушители спокойствия, оно довольно к ним толерантно, но если уж это становится совершенно неприемлемо, то сообщество предпочитает изгнать такого аутсайдера, чем наказывать его. Мирное сообщество хочет, чтобы никто не мешал его мирному существованию, но при этом избегает насилия.

Можно даже заявить, что глубоко внутри все люди имеют положительные побуждения, направленные на взаимопомощь. Но осознанно или чаще неосознанно участвуют в страшных играх, - политических, экономических, экологических, и в том числе

приносят вред самим себе, ведая или не ведая об этом.

Прежде, чем мы обратимся к недостаткам самой системы правосудия, надо критически рассмотреть ее основы. Главный философский постулат правосудия предполагает, что общественное благо выше личного. Но общество состоит из индивидов и нередко «общественное благо» является иллюзией, неудобной для каждого индивида в отдельности, но якобы необходимой для общества в целом. Именно это противоречие возникает, когда собирается налог, а потом деньги разбазариваются на идиотские цели, крадутся или пропадают любым другим образом. Примеров тому масса.

Руссо в своей работе "Общественный договор" постулирует, что справедливое устройство общества основывается на том, что индивид добровольно уступает часть своих свобод (а именно право поступать по своему усмотрению) взамен того, что общество обеспечивает его различными благами, в том числе безопасностью. То есть индивидууму больше не надо иметь собственную небольшую армию для охраны своей собственности, себя и семьи.

По идее, индивидуум добровольно соглашается подчиняться законам, принятым избранными им представителями, платить часть своего достатка в виде налога и за это получать все блага цивилизации.

Главная проблема здесь в недобровольности. Мы не даём согласия быть рождёнными на свет. Одна из проблем преступности в том, что законы общества не принимаются каждым индивидуумом в отдельности, а следовательно, ему навязываются.

Мы не можем формировать совершенно независимые сообщества. На планете нет мест, пригодных для проживания, на которые не распространялась бы власть того или иного государства. Нам говорят – и слава богу, – если бы такое место было, то там был бы хаос, пока не образовалось бы свое государство, или соседнее не принялось бы контролировать эту территорию. И вообще так оно и есть, как только сила государства ослабевает, на затронутой территории начинается беспредел и хаос.

Даже если все члены сообщества мирные люди, достаточно первого недопонимания, напрасного подозрения – и вот уже начинается цепная реакция агрессии. Суды и полиция её бы погасили, запретив самосуд, а без этих систем неизбежен хаос, война всех против всех. Возможно, это так, и даже без стороннего вмешательства внутри нерегулируемого сообщества начинаются разрушительные процессы, но это не оправдание для навязывания нам бесчисленного множества правил и ограничений. Ведь если основные законы (на основе 6 последних из 10 заповедей) действительно довольно значительны – не убий, не укради... То фактически индивиду в любой стране навязывается огромное число законов не столь очевидных. В современном мире, как и во все века, законы пишутся под нынешнюю власть. Но даже в такой системе предполагается, что потенциально при определенных условиях индивид может вполне законно обмануть, украсть и убить, если это делается в интересах государства. И при этом такой человек будет считаться героем. (Разведчик, полицейский, воин).

Итак, начиная отбирать у индивида свободы, современное общество иной раз порабощает его еще больше, чем рабовладельческое или феодальное. Сразу приходит на ум экономическое рабство современного человека, а также незначительность индивида в принятии решений общества.

Скажем, в древних демократиях слово одного человека могло решать многое, в силу того, что сообщества были весьма малочисленными. Сейчас же политика и капитал становятся законодателем, низводя индивида до уровня полного ничтожества.

Значимость вооруженного индивида в прошлом была больше, а его полномочия шире. Его уважали и знали, что у слова есть вес, а честь – не пустой звук. Запрет на пользование оружием в решении споров с обидчиком оставляет безнаказанными многие случаи издевательства над личностью, более того, не подпадающие под законы об оскорблении личности. Разумеется, автор не ратует за возвращение дуэлей, а просто констатирует, что достоинство современного человека нередко лишено эффективной защиты, а обидчики, зная это, совершенно спокойно позволяют себе то, за что в прошлом получили бы вызов.

Согласно психологической теории, право определяется как совокупность психических элементов, целиком обусловлено психикой индивида и является разновидностью этических эмоций, которые придают поведению характер обязанности. Именно эмоциональная сфера человека выступает главным источником права. Эмоции делятся на моральные и правовые. Моральные эмоции выступают в качестве внутренних детерминант поведения человека, а пра-

вовые эмоции носят атрибутивно-императивный характер, то есть отображают потребности индивида в чувственном переживании долга осуществлять определённые действия.

Л. И. Петражицкий выделяет следующие социальные сферы, отражая которые правовая психология обретает своё содержание:

- межличностные отношения: официальные отношения людей, ограниченные заданными формальными правилами, а также между близкими людьми, несвязанные с соблюдением формальностей.
- преступная правовая психика, племенное, религиозное, этническое представление о праве;
- императивно-атрибутивные переживания и проекции, в частности в детском возрасте.
- правовые переживания, основанием которых являются племенное, религиозное, этническое представление о праве, как субъектов правовых обязанностей и прав.

Среди многих проблем, занимающих внимание современных философов правосудия, наиболее значительной является совместимость индивидуальной и групповой ответственности в рамках единой концепции права. Дело в том, что в течение последних нескольких веков, а в особенности в двадцатом веке, доминирующей парадигмой права, всё более и более распространяющейся во всех современных обществах, равно как и в международном праве, является либеральная, согласно которой именно индивидуальная (личная) ответственность выступает отправ-

ной точкой для любого правового процесса. С таким постулатом связывается представление о свободном морально обусловленном выборе, принимаемом личностью автономно на основании ситуации. Соответственно, в области криминального права основная проблема всегда заключается в доказательстве вины или невиновности индивида,. Однако вместе с тем, чем более усложняются общественные отношения по самым разным поводам, тем запутаннее становится обоснование и мотивация, отражаемые в законодательном процессе с одной стороны и правоприменительной (в том числе пенитенциарной) практике с другой. Сведение правонарушений только к личной ответственности также претерпевает многообразные изменения просто потому, что юриспруденция с трудом поспевает за развитием человеческих представлений о собственной природе. За многое, что когда-то трактовалось однозначно как преступления, теперь невозможно судить с бывших незыблемых позиций. Психология, физиология, социология, политология, экономика накладывают отпечаток на системные сомнения в правильности (в данном случае – справедливости) как утверждений вины так и назначении наказаний. Новые виды потенциальных преступлений с традиционных позиций не могут быть обоснованы и объяснены. Требуются новые подходы, и они должны быть не менее комплексными, чем сами случаи, их вызывающие, и всё больше и больше нюансов, на которые ранее не обращали внимания, просто потому что либо не знали о них вовсе, либо не подозревали о их ключевой роли. Кроме того, особой сферой, почти совершенно неразработанной в праве,

остаётся коллективная ответственность. Двадцатый век породил многообразие такой ответственности, однако правовая база не учитывает самого масштаба, равно как и статусно-ролевой специфики правонарушителей. Если осуждению можно подвергнуть индивидов, то как этого добиться для корпораций, партий, государственных органов, сект и так далее? Ведь не быть преступником в преступном обществе преступно по стандартам этого общества. А кто решает какое общество преступно, а какое нет? Этот вопрос повисает без ответа, а между тем определение уровней общественной вины, а не только состава преступлений, могло бы стать революцией в праве и решить многие проблемы (при соблюдении, разумеется, ещё одного важного условия – действительного обеспечения равноправия и контроля при судопроизводстве). Вместе с тем, это последнее требует таких усилий, которые современный уровень морали в обществе и государстве практически не допускает.

ГЛАВА 2. ПРАВОСОЗНАНИЕ И ПСИХОЛОГИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.

То, как человек и общество в целом относится к правосудию, можно назвать «правосознанием», которое является одной из сфер сознания, включающую прежде всего отношение к судебной системе, органам правопорядка, законотворчеству и существующим законам. На общественном уровне оно не может быть однородным и характеризуется достаточной степенью зависимости от принадлежности к тем или иным социальным группам. Кроме того, оно беспрестанно эволюционирует, хотя все-таки сохраняет общие свойства, характерные для той или иной общины.

В психологии и педагогике под правосознанием понимается система психических свойств, реализующихся в когнитивной и чувственно-эмоциональной сфере и определяющих субъективное отражение правовой действительности, а также социально-правовое поведение человека³.

Определяясь уровнем развития общества, и в первую очередь экономических отношений, правосознание носит исторический характер. Каждая эпоха развития человечества характеризуется различ-

³ Стуканов, В. Г. Теоретико-методологические вопросы изучения правосознания / В. Г. Стуканов // Инновационные образовательные технологии. – 2013. – №1 (33). – С. 30-34.

ными, порой противоречивыми, правовыми взглядами (оправдание рабовладения, сословного деления населения, идеи народовластия и свободы личности и т.д.).

Правосознание тесно связано с другими формами общественного сознания - с моральными воззрениями, политическими взглядами, философскими концепциями, идеологическими теориями, отражает национальные, религиозные, бытовые и иные особенности.

Правосудие оказывает влияние на формирование правосознания и в процессе его реализации, особенно в форме применения. Деятельность по применению права судов, органов внутренних дел, прокурорских и других органов, основанная на законности, справедливости и гуманности, способствует становлению и развитию у людей положительных правовых чувств, утверждению высокого уровня правосознания. Если же в процессе этой работы допускаются грубые ошибки, произвол, беззаконие, то это вызывает возмущение, подрывает силу права, веру в саму идею справедливости. Таким образом, правосознание играет важную роль в правотворчестве, совершенствовании и реализации норм права.

Почему человек совершает преступления? А может быть он просто живет, и какие-то аспекты его жизни, поступки, или бездействие квалифицируются как нарушение закона или даже преступление? То есть, преступная деятельность человека - это прежде всего проблема тех, кто устанавливает законы. Например, если завтра по новому закону нам запретят дышать, то преступниками станут все жители земли. Звучит как антиутопия? Отчего же!

Пандемия коронавируса показала, что нам могут запретить выходить на улицу и даже свободно дышать, ибо в маске довольно душно.

Вот это понимание очень важно, и с ним мало кто согласится, что преступление – это не проблема преступника, а проблема тех, кто его таковым считает. Как говорится: «В том, что виновный виновен, виноват закон».

Конечно, бывают преступления, так сказать, вопиющие к небесам. Убийства, изнасилования и прочая мерзость. Но у каждого преступления есть своя история, свой контекст, своя философия, свои оправдания, и поэтому о них нельзя говорить в общем, теоретически.

Почему считается, что мораль общества всегда выше морали и чувства справедливости отдельного индивида? Почему общество взяло на себя право решать кто хороший, а кто плохой, и более того, заклеив плохого, назначать ему наказание? Разве хоть один из нас давал на это согласие?

А как же иначе? Как защититься от плохих людей? Воров, мошенников, убийц, насильников и прочих ублюдков. Но в том то и дело, что мы абсолютно от них не защищены. Каждый человек в любой момент по тем или иным причинам может превратиться в агрессора. Более того, мы сами можем его спровоцировать. Очень мало людей, которых невозможно вывести из себя.

То есть каждый из нас - потенциальный убийца, насильник и так далее по списку. При определенных условиях или стечении обстоятельств каждый человек может показать свою страшную сторону, иногда вольно, а иногда и невольно, в состоянии аффекта.

Посмотрите на человека рядом с вами. Ведь ничто не препятствует ему убить вас прямо сейчас. Никакая полиция, суды, законы, и прочие атрибуты правосудия не могут защитить вас от того, чтобы вас не огрели по затылку, пока вы смотрите в другую сторону.

Если вы вдумаетесь как много пропавших людей, то придете к выводу, что, возможно, статистика убийств не отражает истинное положение дел.

Многие люди в нашем обществе никому не нужны и их не спохватятся. А тело спрятать не такая уж проблема, или разыграть ситуацию, в которой смерть будет считаться естественной.

Можно вообще не пытаться ничего скрывать, и при этом все же не попасться.

А что, если человек, совершающий преступление, сам настроен на саморазрушение? Он хочет, чтобы его убили или чтобы его посадили? Такое бывает и, кстати, нередко. Подробнее об этом в книге автора «Философия саморазрушения».

Таким образом, мы обсудили только самое страшное преступление – убийство. О других не о чем и говорить. Они совершаются с легкостью и непринужденностью, оставаясь в своем подавляющем большинстве незамеченными, не попадая в статистику. О них никто не знает. Очень многие жертвы по разным причинам не подают жалоб. Итак, преступные действия -- это часть обычной жизни человека, и большинство из нас не мыслит о своих поступках в юридических рамках.

В одних сообществах преступлений меньше, в других больше. Это зависит от того, как их учитывать. По настоящему же совершение преступления

одним человеком против другого зависит исключительно от доброй воли и отношений между этими людьми, к которым закон и тем более система правосудия практически не имеет отношения. «Мучительный секрет богов и царей: они знают, что люди свободны», - любил повторять Сартр. Люди свободны и никто эффективно в массе не может ограничить их свободу, а следовательно защитить друг от друга.

Неизбежный вывод заключается в том, что для снижения количества преступлений нужно значительно сократить то, что считается преступлением, при том, что наше общество развивается в обратном направлении, всё более превращая нас в преступников. В качестве развлечения можно взять любого знакомого и перечислить целый ряд законов, которые он нарушает, не особо скрываясь, а чаще и не осознавая степень своей преступности.

Общество не способно оградить нас от преступлений. Только сами люди могут оградить себя от неудобства испытывать на себе последствия их преступлений. Но в том то и дело, что иногда совершаются преступления, от которых никому ни холодно не жарко. В то время как люди часто достают друг друга действиями, которые не квалифицируются как преступные.

Психологические причины совершения преступлений настолько разные, что вообще невозможно подвести единую базу под этот вопрос. Опять же, люди движимы своими мотивами, которые чаще всего, не сопоставляются с правовыми нормами. Поэтому Ришелье говорил, что может найти, за что приговорить любого француза к виселице. Конечно,

он имел в виду не только то, что уже тогда законов было так много и они настолько не соответствовали обыденной жизни людей, что любой человек мог бы быть обличен как преступник, но и то, что законами можно крутить так, что любое невинное действие легко квалифицировать как серьезное преступление. С другой стороны, любое страшное действие, по тем же законам, можно при желании оправдать.

Причины совершения преступлений включают в себя, прежде всего, неосознанность действий человека, неудовлетворённые потребности, незнание закона, протест, стремление к «драйву», адреналину, психические отклонения (а кто ж нормален?), влияние окружающих, желание принадлежать к определенной группе, месть, желание наказать кого-то (или даже наказать самого себя - саморазрушение), зависть, алчность, азарт, убежденность, что всё дозволено, чувство, что ты бог, желание доминировать, стремление к запретному плоду (запретный плод сладок), любопытство (всё, что запрещено, интересно), стремление к свободе и попытка сломать установленные границы, самовыражение: преступление как творчество, желание прославиться, обратить на себя внимание (Герострат сжёг храм и тем прославился в веках), детские травмы и желание доказать что-то своим родителям (да и кому угодно), выход агрессии и сублимация нерастраченной сексуальной энергии, а также реакция на разочарование от неоправданных и особенно затянувшихся ожиданий (например, ждал выигрыш в лотерею и не получил).

Кроме того, множество преступлений совершается просто от скуки или вообще без каких-либо причин.

А теперь ответим на вопрос: почему человек НЕ совершает преступлений. На первом месте, все таки надо признать, страх наказания (с чем однако спорят различные исследования), далее, моральные принципы самого человека, боязнь осуждения окружающими.

И главное – лень! Ведь совершать преступление хлопотно, если конечно оно связано с действием, а не преступным бездействием.

Кроме того, та же разновидность причин, что толкают одного на преступления, другого могут сдерживать.

Например, неосознанность действий человека ведёт к тому, что часто он не видит открывающихся возможностей для безнаказанного совершения того или иного преступления. Незнание закона нередко ограничивает воображение, ибо почитав уголовный кодекс можно набраться всевозможных преступных идей, которые нормальному законопослушному индивиду и в голову-то не придут. Стремление к протесту в некоторых странах выражается и в отказе совершать преступление (например не дать взятку гаишнику, как протест против коррупции). Это вызовет прилив адреналина, потому что может привести к большим приключениям (полицейский рассердится и серьезно накажет.) Психические отклонения могут вызывать болезненную законопослушность и страх быть обвиненным. Нежелание прославиться как преступник может препятствовать совершению преступления, как и стремление к свобо-

де ведёт к страху тюремного заключения. И так далее и тому подобное.

Из вышесказанного следует, что преступления могут совершаться или не совершаться по одним и тем же причинам, разница лишь в том, как индивид на них реагирует. А следовательно, изучение причин мало помогает провести психологический анализ мотивации преступников и не дает желаемого результата понимания природы преступных действий.

Мы опять возвращаемся к выводу, что закон сам по себе, а жизнь человека сама по себе, и они далеко не всегда пересекаются, вне зависимости от того, совершает человек противоправные действия или нет.

Нарисуем портрет неисправимого преступника, в то же время являющегося вполне нормальным и приятным человеком, со своей философией, которую чрезвычайно трудно, практически невозможно опровергнуть. Представьте, что вы психолог, работающий с преступником, каким образом вам удастся выяснить причины преступного поведения данного индивида? Ведь он сам чаще всего их не знает и будет выставлять в свое оправдание ложные причины. Вы начинаете беседовать с ним, наблюдая за его эмоциями. Таким образом можно увидеть, что для него представляет ценность, какая потребность или другая психологическая причина скрывалась за преступлением.

Перед вами молодой человек приятной наружности, улыбчивый, обаятельный, рецидивист, не первый раз совершивший преступление. Какое? Он член банды, которая устанавливала специальное

оборудование на бензозаправках и банкоматах, считывали данные кредитных карточек. Таким образом им удалось украсть за пару лет семь миллионов долларов, которые они не преминули спустить на веселую жизнь. Интересная личность. Такой индивид жил у автора в приюте. Героиновый наркоман. Имеет одну прекрасную пару ботинок. Любит одеваться красиво. Хвастлив, но не креативен. Без мозга группы он ничего не может. Но чем-то им он был ценен? В общем ничем. Они все из одной секции бокса. Друзья. Что их объединяет? Любят красивую жизнь, рестораны, девочек. Что про семью? Отец развелся с матерью, по полгода живет на Карибах, сына знать не хочет. Мать его чрезмерно опекала, заботливая, у сына явный эдипов комплекс. Он пытается маме заменять мужа, глядя на них кажется, что они влюбленная пара, а не мать с сыном. И, как водится у пар, периодически ссорятся. Теперь мать снова замужем, у нее ребенок в новом браке. Отчим не пускает нашего героя на порог, боится дурного влияния на своего ребенка. Поэтому наш герой и оказался временно бездомным.

Так он пытается привлечь внимание мамы: смотри, я бездомный из-за того, что ты выбрала отчима, променяла меня на него. А героин заменяет тёплые объятия мамы и ее любовь. Мама – предательница, она имела от него много благ, когда он был на коне. Он подарил ей новую машину -- желтый кабриолет, на которой она до сих пор разъезжает даже после второго замужества. Помогать сыну материально не желает, мотивируя тем, что не даёт ему денег на наркотики.

Он потерял связь с мозгом шайки, потому что всех посадили, нашему герою с трудом удалось отвертеться. Полгода предварительного заключения, но все обвинения сняты в виду неполноты и отсутствия доказательств. Парень активно ищет новые авантюры. Работать не желает.

Ему уже 30 лет. Совершал преступления, чтобы были деньги и чтобы переплюнуть отчима по уровню подарков или хотя бы дотянуться до его уровня. Хочет быстрые деньги.

Делать-то нам что с ним? Меняться он не желает. На вопрос, почему грабит людей, говорит, что не грабит, на все кредитные карточки есть страховки и люди ничего не теряют, а банки и страховые фирмы сами страшные воры и от них не убудет. Тюремного заключения не боится. Парень сам хочет решать, что делать со своей жизнью. Если бы он сказал: «помогите, хочу выйти из этого», ему можно было бы помочь.

Что обществу с ним делать? Оно не хочет чтобы он воровал деньги. Закрыть его в тюрьме? Известно, что тюрьмы портят людей. Значит, ничего не делать? У автора нет ответа. Он принимается писать книги не от того, что у него есть ответы, а потому, что возникают вопросы, которые необходимо решать.

Общество - это организм, существующий вместе со всеми его членами и составляющими частями, в том числе тюрьмами и ворами и всеми остальными. Кто-то же должен быть вором!

Давиду Бен-Гуриону, первому израильскому премьер-министру, молва приписывает следующую фразу: "Когда у нас появятся собственные воры и

проститутки, тогда можно будет считать Израиль нормальным государством"...

Психолог посоветовал бы посмотреть на изложенную ситуацию со стороны, что «я - ок, ты - ок», без осуждения. «Я - психолог, ты - вор. Каждый на своем месте.» Но наша книга не о психологии, а о правосудии, и поэтому такое решение нам не подходит.

Можно предположить, что у каждого преступника есть позитивное побуждение, и следует попытаться перевести его позитивное побуждение в хорошее русло.

Как проводить профилактику повторения преступлений, какова наша тактика с этим молодым человеком? Узнаем его ценности. Здесь делать нечего. Хорошая жизнь, девочки, воровская слава, жить, по его понятиям, счастливо, одним днем, весело, с огоньком, получая удовольствие.

Проработаем обиды на отца и мать. Здесь тоже особо искать нечего. Если вы женщина-психолог, он с вами флиртует и обаятельно улыбается, если мужчина – ведёт себя доверительно, по дружески. Спросим, как он видит себя через 10 лет. Отвечает, смеясь, что столько не проживет.

Что бы ты хотел, чтоб сказали на твоих похоронах? Отвечает, что ему пофиг, мол не услышит, материалист, в загробную жизнь не верит. Продолжает флиртовать. На просьбу прекратить отвечает, что перестанет флиртовать только после своих похорон.

Он настолько обворожительный, что начинаешь верить его философии. Смерти не боится совсем. Его не волнует, что останется после него. Говорит, что если Бог есть – то Он очень злой. Приводит в

пример огни концлагерей и приходится с ним соглашаться. Депрессиям не подвержен.

С гордостью демонстрирует статьи в Гугл о том как он во всем обвинялся, но ему удалось уйти от ответственности.

Он даже использовал это при устройстве на работу водителем к одному начинающему теневому бизнесмену, показав в Гугл, какой он крутой преступник. Любимой девушки не было и нет. Как ни странно, очень разборчив, не торопится переспать с каждой. Но в конце концов принимается спать с конченной алкоголичкой в приюте и они устраивают оргии и чуть ли не поножовщины, хоть и весело и почти без злобы, пока обоих не выгоняют куда подальше.

Кстати он не агрессивен и очень подчеркнуто обходителен, говорит правильным языком и со всеми на «вы» и по имени-отчеству. Совершенно не сквернословит. Сам любит, когда с ним обращаются так же. При этом смешлив и тем выводит одну старушку, жительницу приюта, из себя. Ему не хватает любви и внимания. Он переносит на старуху отношения с мамой, а старуха переносит на него отношения с ее дочерью. Они словно ругаются не друг с другом, а каждый со своими.

Однажды пуляет из детского ружья злой старушке в лоб. Завязывается потасовка. Выгоняют из приюта, потому что больше невозможно. Все это как будто эпатаж. С небольшими вариациями это портрет типичного неисправимого преступника. Нельзя сказать, что они плохие люди. У автора в приюте жили очень сердечные воры, которым он безусловно доверил бы свой кошелек (вор у своего

не ворует), трогательные бывшие проститутки со старомодными взглядами на отношения, всё еще ждущие своего принца. Во многом эти люди были скромнее, приятнее и надёжнее, чем те, кто не замечен в противоправных действиях. Парадокс. Преступники более искренние и приятные люди, чем добропорядочные граждане. Выдержит ли читатель такую ересь?

Мы подходим к выводу, что психология не в состоянии решить эти вопросы, и с этими людьми, по их мнению, всё в порядке, а не в порядке как раз с обществом и системой правосудия, а это очень смелое заявление, которое необходимо подробно рассмотреть.

ГЛАВА 3. РАЗОЧАРОВАНИЕ В ПРИНЦИПЕ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» В ГУМАННОМ ОБЩЕСТВЕ.

В условиях гуманизма и соответствующего уровня притязаний на толерантность сдвигаются пороги моральной терпимости по отношению к тому, что можно квалифицировать как «преступление». Одновременно и понимание сущности «наказания» также подвергается ревизии в сторону, соответствующую приемлемым критериям человеческого достоинства и жизни.

Если в прежние века многие наказания были наглядными и чрезвычайно жестокими (распять на кресте, посадить на кол, отрубить голову, расстрелять или повесить при всем честном народе), они были сдерживающим фактором для совершения преступлений, и если таковые и совершались, то исключительно в надежде не попасться и тем избежать наказания. Действительно, в прежние времена было проще уйти от ответственности вне рамок общества тотального контроля и развитой криминалистики. Не было камер с автоматическим распознаванием лиц, от которых в современных городах никуда не скрыться. Не было и электронных средств связи и платежей, без которых практически невозможно существовать в современном мире, но которые позволяют легко отслеживать любого.

С другой стороны, в старину суды были менее разборчивы при рассмотрении свидетельских показаний и допуске доказательств при отсутствии развитой системы процессуального права. Однако нельзя было сказать, что преступники не боялись наказания. Телесные пытки и жестокие виды казни имели мощный устрашающий эффект. Тюремное заключение также порой проходило в нечеловеческих условиях.

Отсутствие страха перед наказанием прозвучало бы в те времена как нонсенс. В наше время в гуманных обществах практически не встречается смертная казнь, пытки и телесные наказания повсеместно запрещены (по крайней мере на бумаге). В таких условиях, при определенном складе характера, преступник может совершенно не бояться наказания. Мягкие условия содержания и гуманное обращение может сделать заключение даже желанным в некоторых случаях, особенно в странах известных своим повышенным гуманизмом.

С другой стороны, угроза насилия от других заключенных (разумеется не прописанная в уголовных кодексах) становится новым фактором устрашения, а поскольку эта угроза не дозируется и не регулируется законом – такое положение дел становится не столь устрашающим фактором, сколь источником правового нигилизма и разочарования в правосудии.

Кроме того, по всему спектру правонарушений со временем начинают применяться идеологические критерии, поскольку условность самих понятий переходит в разряд относительности, то и грань условного и относительного однажды стирается, что

получает отражение на уровне законодательства и начинает касаться правоприменительной (в том числе и пенитенциарной) практики. В итоге сама реализация права становится некоей условностью. Выхолощенный гуманизм начинает оправдывать всё без разбора, нападая при этом на всё, что его уличает. Гуманное общество не просто не умеет судить. Оно отказывается это делать, боясь прослыть «негуманным». Оно само ограничивает свои возможности для справедливых суждений, отдавая себя на откуп идеологическим клише.

Христианство постулирует принципы неосуждения и прощения. Уже две тысячи лет они хорошо известны, однако, практически не применяются в системах правосудия, несмотря на то, что атрибуты принадлежности к христианству широко используются в судах. (присяга на библии, или «раскаяние смягчает наказание»)

Требование прощать, не противиться злу, и не судить лежат в основах христианской морали, но практически не используются на общественном уровне, при том что другие принципы, например, милосердия и миротворчества, участвовали в трансформации взглядов на социальные и другие проблемы современных обществ.

Даже церковные суды в течении веков были известны отнюдь нехристианскими приговорами вне зависимости от разновидности христианства.

Однако в идее неосуждения и непротивления злу насилием есть глубинная логика и рациональное зерно, ибо противление злу злом умножает зло, а осуждение всегда ведет к ложным выводам, в виду абсолютной невозможности для человеческого ра-

зума приблизиться к истине, а понятие справедливости всегда будет оставаться субъективным.

Наказание как устрашение, возможно, имеет смысл, но по мере гуманизации общества, устрашающая составляющая неизбежно перестает играть ощутимую роль.

Вместо того, чтобы направлять усилия на доказательство вины, наказание и устрашение, не лучше ли видоизменять системы, в рамках которых совершаются преступления, таким образом, чтобы их совершение становилось либо невозможным, либо маловероятным.

Например, сокращение личного общения индивидов снижает вероятность насилия и убийств, потому что через компьютер избить или убить практически невозможно. Если до всемирных карантин, связанных с пандемией, на автора набросились бы как на идиота, то теперь польза от отсутствия прямого общения и физического взаимодействия между людьми стала очевидна и законодательно подтверждалась во многих юрисдикциях. Сведение до минимума физического взаимодействия может в значительной мере решить определенные проблемы. Полный отказ от летального оружия также может стать хорошим подспорьем в сокращении числа убийств.

В своей книге «Невообразимое будущее» автор предлагает разукрупнение городов (основных рассадников преступности), расселение людей по большим территориям таким образом, чтобы их дома представляли собой автономные юниты, производящие энергию, питание и все необходимое вне зависимости от линий коммуникации. Такое жилье

может быть компактным, с multifunctional использованием пространства, снабжено солнечными батареями, 3-D принтерами для изготовления всех необходимых вещей и одежды, а также снабжаться дронами.

Если такие идеи были слишком фантастичными и революционными, когда они появились, то сейчас, с достижениями во всех областях, они кажутся не столь наивными. Человечество неизбежно погружается в виртуальную вселенную и уже сейчас большую часть времени многие из нас проводят в виртуальном мире, работая с компьютером или пользуясь смартфонами.

То ли еще будет в ближайшем будущем! Наказания в виде домашнего ареста, изоляции, тюремного заключения и прочие популярные меры пресечения постепенно перестают иметь смысл в подавляющем большинстве случаев. Многие из нас и так почти не выходят из дома, а с пандемией это стало повсеместной практикой, при том, что все системы довольно быстро приспосабливаются к этой новой реальности.

Виртуальные миры, создаваемые компьютерами позволяют снизить неравенство, ибо и у миллионера и у бедняка виртуальная реальность может быть одинаковой. Пропадает стимул совершать имущественные преступления. Гарантированный базисный доход, о котором всё чаще заговаривают в развитых странах тоже в связи с пандемией и возможностью ее повторения, описан автором в книге «Свобода от налогов» и автоматический налог на все финансовые операции позволит обеспечить необходимый бюджет для таких реформ.

То есть принцип «преступление и наказания» должен уйти в прошлое, как ветхозаветный принцип «зуб за зуб, глаз за глаз» уже давно был заменен новозаветным «не суди, не судим будешь», и если раньше это звучало только в проповедях, то теперь вполне рационально может быть применено на практике.

ГЛАВА 4. ЗАКОН ЧТО ДЫШЛО, КУДА ПОВЕРНУЛ, ТУДА И ВЫШЛО.

Не зря в народе говорят: «Закон что дышло, куда повернешь, туда и вышло»

Начнём со знаменитого примера: Дело Билла Клинтона об импичменте. Его обвиняли, что он со-
врал под присягой, а именно, утверждал, что не
имел сексуальных отношений с Моникой Левински.
Моника предъявила юбку, испачканную семенем
президента. Тогда Клинтон заявил, что у него не
было сексуальных отношений, потому что минет
такowymi не является.

Это все на полном серьезе транслировалось по
всему миру. Проблема интерпретации законов поз-
воляет вертеть ими как угодно. И это несмотря на
то, что, пожалуй, язык законов призван быть наибо-
лее точным. В начале закона обычно приводятся все
основные понятия, используемые в законе с опреде-
лениями. Но, как говорится, всё находится в руках
того, кто принимает окончательное решение. Прак-
тически в любом деле, при желании, закон, доказа-
тельства или свидетельские показания можно ис-
толковать в ту или иную сторону.

Таким образом, исход судебного процесса пол-
ностью зависит от того, кто имеет власть принять
окончательное решение, и его можно обосновать
как угодно.

В чем же смысл законности, если всё равно в конечном итоге всё зависит от воли принимающего решения (судьи)?

Вы можете возразить, что существует состязательность процесса, и защита может опротестовать решение судьи в более высокой судебной инстанции. Но в таком случае конечное решение всё равно опирается на волю судей высшей судебной инстанции или международного трибунала. Но всё равно в конечном итоге всё сводится к индивидуальной воле отдельных людей.

Насколько отдельному человеку свойственно ошибаться, настолько и нескольким людям это свойственно. Только в первом случае ошибка основывается на субъективном мнении, а во втором на якобы объективном, но от этого она не перестаёт быть ошибкой

Например, возьмите с сотни свидетелей показания под присягой, что они видели, как солнце погрузилось на закате в море. Но это же не значит, что светило действительно утонуло в море!

Понятие *beyond reasonable doubt* «вне резонных сомнений» тоже чрезвычайно размытое.

Мы уже не говорим о том, что в самих законах попытка дать определение тому или иному понятию терпит фиаско, ибо ещё Сократ довольно эффективно показывал, что ни одно определение не может быть исчерпывающим и непротиворечивым. За что его, кстати, в конечном итоге и приговорили к смертной казни за развращение молодых умов. И это очевидно было судебной ошибкой, если вы, конечно, не считаете, что основоположника современной западноевропейской философии надо было казнить.

Обвинение во лжи под присягой является для президента основанием для импичмента и тогда линия защиты Клинтона (по образованию юриста) была в том, чтобы дать своё определение половых отношений, в которые оральный секс он предложил не включать.

Палата представителей проголосовала за импичмент, а сенат против. А если бы палата представителей проголосовала против импичмента, на этом основании можно было бы внести таким или иным образом поправку в юридическое определение полового акта.

Конечно, есть определение сексуальных домогательств, но они разнятся с изнасилованием. Итак, определение что является sexual relationship (половые отношения) может быть разным. Например рот не является половым органом и можно утверждать, что Клинтон не имел контакта с половыми органами Левински и таким образом не находился с ней в половых отношениях.

Автор просит прощения, что затронул такую тему, Но это ярчайший пример полного отсутствия основания того, чтобы полагаться на соответствие с законами, ибо определение любого понятия невозможно с достаточной степенью точности.

Как раз основная причина отмены законов о смертной казни или мораториев на смертную казнь основывается в первую очередь на опасении совершения судебной ошибки, которая в случае смертной казни будет непоправимой, а не только из соображений гуманизма.

Как можно предотвратить использование закона по усмотрению того, кто выносит решение? И если

это невозможно, то какова может быть альтернатива законам? Ведь принцип законности, в данном случае это буква закона, то что сказано в правовом документе не подлежит изменению или трактованию в любую из сторон. По сути закон мы должны принимать буквально, ничего не додумывать и перекручивать. Но человеческий язык не может передавать образы и понятия в точной форме. Не суди и не судим будешь -- христианский принцип, возможно, основывается именно на неспособности человека судить.

Но как тогда обосновать право человека судить другого человека? Или группы людей судить одного, или группы судить группу, или одного - судить группу людей. Ведь и законы и судебные решения принимают люди. А человеческий язык не позволяет дать исчерпывающее определение ни одному понятию.

Людям всегда хочется наказать кого-то, кто по их мнению поступил не так. Но как оправдать право человека судить другого человека? Значит любой суд есть необъективное неабсолютное и по сути преступное действие. Значит преступник не тот, кто предстает перед судом, а тот, кто этот суд совершает.

Любой суд есть навязывание воли одного другому. А если эта воля судьи против воли подсудимого, почему у судьи должно быть право навязывать свою волю. Разве они оба не являются равными людьми? Вы скажете, что это софистика. Ничуть. Побывайте на судебных заседаниях. Вы очень часто встретите момент, когда дискуссия сторон прекращается по воле судьи, и он принимает то или иное авторитар-

ное решение. И вот в этот момент его личная воля навязывается сторонам процесса.

По сути право судить предоставляется человеку или группе людей обществом и эти люди имеют исключительные права совершать так называемое правосудие, по сути даже не понимая, что они совершают преступное насилие, как бы узаконенным оно не казалось.

В случае нескольких судей или наличия присяжных - это сумма "воль" нескольких индивидов, которая навязывается другим индивидам в качестве вердикта или приговора.

Общество дает на это санкцию. Но разве общество не состоит из людей?

Как запретили патентовать вечный двигатель, еще две тысячи лет назад Христос настоятельно провозгласил принцип «не суди, не судим будешь». Принцип уравнивающий судью и подсудимого и исключаящий саму возможность осуществления справедливого человеческого суда.

Физик Роберт Вуд очень любил шутку и розыгрыш. С его именем связано много легенд. Согласно одной из них Вуд однажды, управляя автомобилем, проехал на красный свет. Остановившему его полицейскому Вуд объяснил свой проступок тем, что вследствие эффекта Доплера красный свет ему показался зеленым. Полицейский тоже любил шутку. Поэтому он согласился принять версию Вуда, однако оштрафовал его за превышение скорости.

Скорость, с которой нужно двигаться, чтобы проявился эффект Доплера и красный свет превратился в зеленый, равняется десяткам тысячам километров в секунду.

На этом примере мы видим, что полицейский, хоть и не знавший, с какой скоростью нужно двигаться, чтобы произошло укорочение длины волны настолько, чтобы свет воспринимался зеленым, предположил, что если все остальные водители видели красный свет и остановились, то Вуд явно двигался с превышением скорости, хотя по сути развитие такой скорости на автомобиле, разумеется, невозможно. То есть полицейский все равно наказал Вуда, хоть и на другом основании.

Как говорил Высоцкий в роли Глеба Жеглова: «Вор должен сидеть в тюрьме... И людей не беспокоит, каким образом я его туда упрячу!». И этот принцип – прекрасная иллюстрация того, что «закон - что дышло, когда повернул - туда и вышло».

ГЛАВА 5. НАСИЛИЕ НАД СВОБОДОЙ ЛИЧНОСТИ ПОД ПРЕДЛОГОМ СОБЛЮДЕНИЯ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ.

Если общество налагает те или иные ограничения на поведение людей, то оно, как минимум, должно четко и недвусмысленно очертить границы этих требований. В частности, правовые нормы не должны зависеть от усмотрения и решения конкретных лиц. Принцип законности — принцип чёткой определенности норм права. Но как мы установили в прежних главах, определенность — это слабое звено в человеческом мышлении и природе вообще. Ведь даже в физике всё относительно и неопределенно. Более того, вот уже сотню лет ученые не могут совместить теорию относительности с квантовой физикой, в основе которой лежит принцип неопределенности. Чего же ожидать от человеческих законов?

Более того, на чём основывается право одних устанавливать законы для других? Или это не право, а возможность, ставшая правом? Можно возразить, что в демократическом обществе мы выбираем представителей, которые принимают и отменяют законы, как бы выражая нашу волю. Но фактически индивидуум появляется на свет в обществе, которое навязывает ему массу законов без его согласия. Возможно, это не право, а волеизъявление сильных.

То есть, кто может устанавливать правила, тот их и устанавливает.

В идеальном обществе сильные заботятся о слабых, от этого проистекает взаимная польза, и общество действует и воспринимается людьми как непротиворечивое единое целое. В таком случае законность является неоспоримым благом. Но вот только загвоздка в том, что мироздание не терпит идеальности, а все что касается человека – тем более неидеально. И эта неидеальность неизбежно приводит к тому, что любые ограничения становятся формой насилия. Чем отличается подобное насилие над свободой личности от любого другого насилия? Как мы можем обосновать право одних навязывать определённые законы другим? С другой стороны, воля сильных – это не всегда насилие. Бывает такое, что она совпадает с волей слабых. Но, что если она не совпадает? Почему принцип законности должен быть важнее принципа свободы личности? Разве насильно навязанное благо лучше его отсутствия?

Всякий индивид стремится к контролю над собой и над его окружающим. Можно определить благо как проявление и удовлетворение воли индивида. То есть, что индивиду надо, то и есть благо для него. А что ему не надо, то есть отсутствие блага. И это верно даже если речь идет о саморазрушительных наклонностях. Например, если некто выбирает самоуничтожиться, то всякое препятствие на пути самоуничтожения индивид будет воспринимать как зло, и всякое содействие своей саморазрушительной цели – как благо. Порой мешать саморазрушению есть занятие неблагодарное. В книге автора «Фило-

софия саморазрушения» демонстрируется, что саморазрушение можно считать основной направленностью мироздания (от расширения вселенной, энтропии и вплоть до садомазохизма), и поэтому становится на пути саморазрушения всего сущего не более чем блажь и безумие. Однако мы упорно пытаемся это делать, и установление ограничений и законов является ничем иным как такой попыткой. Законы тщетно селятся исправить недостатки этого мира и человека в нём. О том, что наш мир далеко неидеален автор рассуждает в своей книге «Руководство по сотворению миров». Увы, он приходит к выводам, что наш мир неисправим, ибо имеет непоправимые недостатки в своей основе, и любые попытки его исправить чаще всего бесполезны или даже ведут к ухудшению.

С другой стороны, при том, что в основе желания сильных навязывать ограничения слабым лежит благая цель оградить слабых от саморазрушительных тенденций, деятельность по введению ограничений достаточно разрушительна сама по себе и по своим последствиям. Чем больше законов и правил тем тяжелее их соблюдать, тем меньше свобод, тем меньше выбора. Почему же прогрессивное общество всегда идёт по пути обрастания новыми законами и правилами? Казалось бы, что прогресс общества должен идти в обратном направлении, от внешнего ограничения к внутреннему самоограничению, от навязывания правил, к расширению свобод. Ведь так происходит при воспитании детей, по мере взросления подростку все больше позволяется, но при этом и увеличивается ответственность и ожидаемая осознанность его действий, пока человек

не становится взрослым, и уже никто не указывает ему когда ложиться спать и что есть на завтрак (если он конечно не женат). С обществом всё наоборот, чем оно более зрелое, тем меньше в нём свобод, тем больше зарегулированности до абсурда. И всё это основывается на иллюзорном понятии справедливости.

Что такое справедливость? Это принципы, которые позволяют группе людей продолжать существовать вместе и процветать. Однако, чем больше группа, тем больше вероятность, что найдутся в ней люди очень разные, и тем более затруднительно подыскать нечто такое, что бы подошло всем. Увы, неоспоримых моральных принципов не существует. Всё меняется и всему есть своё время. Решения о том, что правильно, а что нет, принимаются индивидом ежеминутно. Невозможно решить, что правильно для людей, которых лично не знаешь. Более того, попытка контролировать близких тоже ни к чему хорошему не приводит. Можно попытаться решать, что правильно только для себя самого. И то здесь мешают сомнения и заблуждения, ведущие к частым изменениям решений.

Что же говорить о принятии решений, что можно, и чего нельзя, для масс незнакомых людей?

Не пора ли принять окончательный закон, запрещающий принимать законы с элементами насилия, или такой закон опровергнет сам себя?

Законодатель в ходе осуществления своей правотворческой функции должен учитывать не только требования юридической техники, догмы права, но и реально существующие на данном конкретном историческом отрезке времени материальные и духов-

ные потребности и интересы индивидов и социума. Это относится и к перспективному прогнозированию развития данных социальных феноменов. Законодатель должен твердо усвоить одну истину: нормативные акты не будут эффективно «работать», если их содержание расходится с жизненными интересами и потребностями людей.⁴

А если серьезно, не пора ли во всяком обществе создавать специальный орган, комиссию, сокращающую количество правил и ограничений? (Такие тенденции уже встречаются).

А лучше вместо запрещений вводить такие меры, чтобы нарушение было невозможно. Например, чтобы перестать штрафовать за превышение скорости сделать обязательным автоматический ограничитель скорости в каждом автомобиле. Предотвратить пересечение сплошной разделительной, установив бетонное ограждение. Прекратить вождение в нетрезвом виде, встроив алкотестеры в системы зажигания или переведя в конце концов все автомашины на авторежим управления, так чтобы люди вообще ими не управляли.

Может быть с автомобилями это сработает, а как насчёт других преступлений? Проблема увы, не решается только наличием или отсутствием законов. Люди все равно делают то, что считают для себя допустимым. Насилие, агрессия, и прочие преступления - как можно системно сделать их менее частыми? И с такими преступлениями можно принять меры, которые бы сделали их невозможными. Преступления против личности легко предотвратить,

⁴ Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л.И. Петражицкий. - СПб.: Наука, 2010. -608 с.

расформировав такие места как школы и тюрьмы. Именно там подобные преступления наиболее часты. Соберите группу молодых людей и поставьте их в условия тесного проживания, и не нужно быть провидцем, чтобы предсказать, что в этой группе наметятся аутсайдеры и одни станут совершать насилие над другими. Во всяком случае направленность усилий должна быть не на наращивание числа ограничений, а на перестройку системы так, чтобы нежелательные действия были затруднены или невозможны.

Что же касается преступлений, где нет пострадавших (имеется немало и таких), отменив ряд законов, многие преступления перестанут быть таковыми

Все замечательно, возразят нам, но почему свобода личности должна стоять выше законности? Ведь тогда общество может погрузиться в хаос!

Не проще ли отказаться от принципа свободы личности, как универсального принципа современного общества? В конце концов многие тысячелетия никто особо и не заморачивался на этот счёт.

Да, и вообще, почему считается, что человек рождается свободным, как утверждает Руссо в первой строке своего труда «Общественный договор»?

Человек не рождается свободным уже потому, что он, очевидно, не выбирает появляться ему на свет или нет. Уже в самом акте рождения кроется какое-то вселенское насилие. Но родившись, он может стать или не стать свободным.

Впрочем, что есть свобода? Действительно ли она является универсальным и абсолютным благом? Индивидуальная, или если хотите, внутренняя сво-

бода ведь не более чем субъективное ощущение того, что все что хочется - дозволенно и возможно. Это чувство даёт ощущение лёгкости и счастья или беспокойства и страха упустить возможности? Но если речь идет о чувствах, как можно сравнивать его с благом общества? Как ради чувства отменять конкретные законы и ограничения?

Кроме того, так ли нужна людям эта пресловутая свобода? Наличие свободы чрезвычайно хлопотно, ибо постоянно требует принятия решений, а известно, что люди этого не любят. Они нередко предпочитают, чтобы решали за них

Возможно, только единицы хотят свободы и особых прав. Не получится ли, что свободу в очередной раз будут навязывать нам насильно? Надо быть очень осторожным с такими глобальными понятиями как свобода. Ни у одного человека не было возможности встретиться со всеми людьми, которые когда-либо существовали и опросить их, чего они хотят. У каждого есть только малая часть полной картины человечества и таким образом никто не может знать что же нужно людям на самом деле, тем более сами люди порой не знают чего они хотят.

Это возвращает к мысли о том, что нельзя навязывать всем одинаковые законы. Следует максимально отходить от принуждения, от наказания, к стимуляции и поощрению, если люди совершают нечто выгодное для общества в целом.

Необходимо пересмотреть пресловутое право большинства навязывать правила меньшинству. И уж точно наоборот. Идеально было бы, чтобы каждый мог продумывать и устанавливать свой моральный закон в рамках категорического императива

Канта, видя в человеке цель, и не используя его как средство. Устанавливать свой моральный закон – это развивать умение правильно выбирать, выбирать так чтобы потом об этом не жалеть, чтобы не мешать своим выбором окружающим. Ведь, как говорится, чисто не там где убирают, а где не сорят...

Законность подразумевает в первую очередь приоритет общественно значимых интересов над интересами индивида. Но кроме того, даже индивиду – как и обществу, состоящему из таких индивидов в целом – отказывается в праве на индивидуальность. Это имеет ключевой характер для понимания того, почему каждая личность на определённом уровне взаимодействия с системой отношений, основанной на принципе законности, неизбежно приходит в конфликтное состояние со всем обществом, и следовательно, с законом как таковым. Закон и законность подразумевают усреднённость и обезличенность. Они не могут существовать в иной системе координат, поскольку должны, по идее, воплощать объективную сумму общезначимых интересов и потребностей, вырабатываемую и принимаемую на основе консенсуса абсолютного (или максимально возможного) большинства заинтересованных индивидов. Личность же всегда тяготеет к субъективности по своей природе. Личности отказывается в праве реально влиять на правотворчество.

ГЛАВА 6. НИЗКИЙ УРОВЕНЬ ПРАВОСОЗНАНИЯ И ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ.

Чем больше законов, тем меньше хочется их соблюдать. Стремление человека к свободе имеет глубинную природную основу, ведь будучи свободным, легче контролировать среду обитания, а значит и легче выживать. Накладываемые ограничения, словно путы, сдерживают человека и заставляют его тратить больше усилий, а значит и энергии на достижение целей, которые были бы легче достигнуть, если бы ему не мешали.

Корни отрицательного отношения человека к ограничениям лежат именно в инстинкте самосохранения, потому что теоретически законами можно довести человека до голодной смерти и прочих несуразиц. (Таковыми примерами полнится история).

В чем заключается правовой нигилизм? В отрицании и неприятии главенства права, в презрительном отношении к любым ограничениям, которые вместо уважения вызывают раздражение. Всё, что запрещено (а законы обычно запрещают или регулируют, или заставляют совершать действия, которые естественным образом индивид совершать бы не стал), то, обычно, вызывает неприязнь и желание нарушить, иногда хотя бы ради интереса (запретный плод сладок), но чаще, в результате прагматическо-

го желания сэкономить энергию, требуемую на соблюдение того или иного запрета или требования.

Правовой нигилизм очень развит в современном обществе еще и потому, что средства массовой информации вываливают на нас ворох новостей, из которых всякий здравомыслящий человек понимает, что законы в основном никем не соблюдаются, а наказывают только тех, кто попался, или кого хотят таким образом задавить по политическим соображениям, в результате конкурентной борьбы или просто на основе амбиций и садистической жажды власти.

Основным фактором уровня правосознания и законопослушности являются культурные особенности населения. Можно поделить эти особенности на два типа: один — бунтарский, второй — законопослушный. Эти типы, безусловно, основаны на воспитании, подражании ролевым моделям и культурным особенностям населения. То есть прежде всего важно, что модно в том или ином сообществе, что считается "круче" — плевать на законы, или их соблюдать. Причём, оказавшись в таком сообществе, неизбежно со временем подпадаешь под влияние основных настроений. Это отношение общества к законам не является постоянным. На протяжении жизни одного поколения оно может значительно меняться, то есть один и тот же индивид, переходя от одной эпохи к другой меняет своё отношение от бунтарского к законопослушному и обратно. Причём эти изменения могут зависеть как от глобальных факторов (революции, смены режимов и т.д.), так и частных — взросление, переход из бунтарских

студенческих компаний в более умеренные, взрослые.

Человек как пластилин, из него можно попытаться вылепить всё что угодно, чем и занимаются все кому не лень – государственные институты, секты, общественные и политические движения. Все они пытаются создать ту или иную среду, в которой действия человека соответствовали бы их ожиданиям и планам.

Проблема с пластилиновыми людьми в том, что как можно придать им одну форму, так и очень легко её изменить. Поэтому налёт культуры и воспитания мгновенно слетает, как мы нередко наблюдаем во время так называемых народных волнений.

Очень большое значение имеют ролевые фигуры, с которых берут пример. Стадный инстинкт заставляет людей подражать тем, кого они считают формальными или неформальными лидерами. Заставить человека в осознанном возрасте изменить свою точку зрения, приравнивается к самоубийству, но с другой стороны, по собственной воле человек нередко кардинально меняет свое поведение под влиянием примера других людей.

Правовой нигилизм — отрицание правосудия, системы правил поведения, которая может успешно регулировать взаимоотношения людей. Люди создают параллельные механизмы урегулирования конфликтов и разногласий. Стараются не обращаться к властям, в суды. По сути дела подавляющее число конфликтов решается без участия властей. А те, дела, которые попадают в их поле зрения – обычно доводятся до абсурда, и, что называется, выходят боком тем, кто обратился.

Как может быть такое несоответствие? Человек достиг небывалого технического прогресса, но при том, так ничего и не смог изменить в принципах регуляции отношений в обществе. Неужели, единственное объяснение – чья-то злая воля? Неужели создать прекрасные смартфоны проще чем организовать общество эффективным и разумным образом?

Правовой нигилизм может быть активным или пассивным; бытовым, связанным с незнанием закона, или философским, связанным с построением личностью мировоззрения, в котором отрицается социальная роль права; в то же время правовой нигилизм может наблюдаться у людей, активно взаимодействующих с правом в качестве номинального института, но реально для реализации своих интересов использующих коррупцию и властные структуры.

Почему с одной стороны людям удается создавать сложнейшие высоко организованные структуры не только в техническом плане, но и в области организации различных видов деятельности (сложные производства и т.д.), в то время как государство и право практически в каждом обществе представляют собой плохо скрываемый фарс?

Многими теоретиками права правовой нигилизм указывается как одна из причин совершения преступлений, так как он характеризует посредством низкого правосознания отсутствие уважения к праву, и преимущественное неиспользование его в повседневной жизни, когда личность или группа, прежде всего, руководствуется в своих действиях

традициями, политическими, экономическими или иными интересами, но не законом.

Но ведь это не спроста, что людям не нравится система правосудия. Она громоздка и вздорна практически во всех своих проявлениях. Причем в так называемых законопослушных обществах законы вовсе не обязательно соблюдаются. Просто в определенных культурах принято лицемерное показное следование законам, когда же контроля нет, то люди поступают так, как им удобно.

Технический прогресс налицо, но возможен ли прогресс в морали? Как бы выглядел такой прогресс? Что еще можно изобрести в области морали, после того, как люди уже побывали во всех точках между полюсами крайней жестокости и самопожертвования? Возможно необходима прагматизация морали. Перестать искать и восстанавливать справедливость, и, наказывая других, прежде всего наказывать себя.

Люди, утверждающие, что правовой нигилизм является основной причиной совершения преступлений, явно считают ценностные и моральные установки основной причиной также и соблюдение законов. Этому прямо противоречит экономика преступления и наказания, исключаяющая из решения гражданина о соблюдении или несоблюдении закона морально-этическую составляющую. Соответственно правовой нигилизм не будет причиной преступлений в случае, если человек знает законы, и эти законы устроены так, что этому человеку выгоднее и главное удобнее жить по законам, а не преступать их.

Люди ненавидят системы, мешающие им жить. Но любят те, которые помогают. Сказать, что правосудие есть необходимое зло - мало. Оно подлежит реформированию и пересмотру, причем в самых своих основах.

Также причиной правового нигилизма является знание людей о том, что законы не исполняются. Когда человек узнаёт о правонарушении, за которым не последовало наказание, его вера в силу закона падает и может упасть до такого уровня, что он вообще не будет учитывать закон в своих действиях, дойдя до крайности — правового нигилизма.

Большинство правонарушений остается безнаказанными, что также добавляет к укоренению правового нигилизма. Лучше уж не запрещать, если не имеешь возможности обеспечить соблюдение запрета. Ведь люди легко переносят свой скепсис с одного направления на другое. «Раз так можно, то и все дозволено» и это подпитывает правовой нигилизм.

В истории человечества вновь и вновь наблюдается определённый критерий, по которому можно реально судить об уровне цивилизованности, достигнутом в то или иное время в том или ином отдельно взятом обществе. Это средний уровень распространённости правовой грамотности с одной стороны, и средний уровень развития и функциональности институтов права с другой. При этом очень важным критерием для оценки их взаимодействия, в свою очередь, будет то, насколько правосознание реально востребовано, иными словами, насколько развитость и функциональность правовых институтов воплотима в действительности

межчеловеческих отношений. Однако, какое общество мы бы ни рассматривали, общим для подавляющего большинства из них является низкое реальное распространение всех означенных критериев в большинстве массы населения. Высокое правосознание было обычным лишь как аномалия и исключение, а в основном приводила в других обществах к подражанию, мимикрии, копированию, а подспудно стремлению этот уровень подорвать и уничтожить у тех, кому подражали. Дело в том, что правовая система не только отражала уровень развития массового сознания в отдельных обществах, но и всегда, неизбежно, со временем начинала становиться всё более громоздкой и менее доступной – подобно тому как сознание деградировало и выходило из строя. По мере того, как законы вытесняли традиции и мораль, они должны были регулировать самые немыслимые ранее мельчайшие подробности человеческих отношений и подменять уже собственную функциональность угрозами потенциального наказания. Поэтому в основном люди всегда в массе своей стремились избегать контакта с правом, вырабатывали самые разнообразные фобии, переходившие затем в культуру, противостояли правовым институтам и носителям права, равно как и карательным институтам.

ГЛАВА 7. ОТСУТСТВИЕ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ МЕЖДУ ПРИМЕНЕНИЕМ НОРМ ПРАВА И НОРМОТВОРЧЕСТВОМ.

Навязывание одинаковых законов всем приводит к настоящему насилию в тех общинах, где традиции и понятия значительно отличаются от общепринятых. Такое происходит когда общество меняется слишком быстро и обычаи не успевают за этими изменениями. Теоретически, такие общины могут выбирать своих представителей, которые могли бы попытаться внести изменения в законодательство.

Однако сам принцип универсальности законов не позволяет эффективно регулировать отношения в разнородных общинах.

Даже в федеративных государствах законы могут разниться на муниципальных и региональных уровнях, но никак не на федеральном. Невозможно подобрать правильный закон подходящий для всех. Поэтому, кстати, в некоторых странах существуют параллельные системы права. Например в Израиле можно оформить развод через гражданский суд, а можно через раввинатский (хотя гражданские браки там заключить невозможно, браки между евреями и не евреями не регистрируются, и им приходится выезжать за рубеж, если они все же хотят пожениться).

В Пакистане уголовные дела может рассматривать либо гражданский, либо религиозный суд. То есть там, где традиции в определенных общинах се-

рьезно отличаются от общепринятых - делается исключение.

Попытки объединить общество, то есть всех причесать под одну гребенку - подход оккупантов и колонизаторов, но ни как не демократического общества, основанного на парламентаристских репрезентативных принципах.

Кстати, эти принципы возникали в странах с однородным населением и при закладывании основ демократии чаще всего не сталкивались с таким разнообразием групп населения, имеющих право голоса, но не способных его осуществить, потому что система не предполагает, чтобы меньшинство навязывало свои взгляды большинству (что очень верно), но как раз наоборот, демократические системы предполагают навязывание мнения большинства всем находящимся в меньшинстве. (и согласиться что это допустимо - трудно).

Конечно, чем больше люди узнают друг друга, тем более чувствуют себя как единое целое с близкими целями и интересами. Однако идти по пути унификации общества - это пагубный путь. Необходимо поддерживать разнообразные традиции и не ожидать, что со временем они должны слиться в нечто безликое и единое.

У автора был опыт, когда он столкнулся с насилием в восточной семье, и должен был бы доложить об этом властям, но женщина взмолилась, что у них так принято веками, что ее все устраивает и она умоляет не привлекать властей.

И действительно, возможно, автор бы принес гораздо больший вред, если бы последовал первоначальному намерению привлечь власти. Женщина

могла подвергнуться всеобщему осуждению в своей общине и даже изгнана из нее, чего она явно не хотела.

Выходом из проблемы, по мнению автора, является создание законов, основанных на согласии граждан. Например, если граждане принадлежат к определенной группе и хотят жить определенным образом, более того, каждый из граждан индивидуально дает добровольное и анонимное согласие на такой образ жизни - то государство должно обеспечить эту группу людей защитой таким образом, чтобы они могли жить по угодным им законам.

В противном случае насилие и противоречия неизбежны. Конечно, не имеется в виду традиции кровной мести или жестоких религиозных практик. Тут кажется, что автор сам себе противоречит. Если некоторых людей такое устраивает, кто мы такие что бы им запрещать? Всегда будет нечто навязанное извне. Но это не всегда должно восприниматься болезненно. Здесь нет противоречия, потому что речь не идет о принятии отдельного закона, а о согласии каждого индивида, путем даже не локальных референдумов, а прямого согласия определенных граждан. Им надо дать жить в соответствии с нормами принятыми ими добровольно, а не навязанными.

Если индивид хочет наказать себя в соответствии с традицией кровной мести, никто не сможет ему помешать. Он покончит с собой. (Хотя попытка самоубийства в большинстве юрисдикций считается проявлением психической болезни).

Нет, это не автор утверждает, что у каждого есть право на собственную смерть. Просто таково мне-

ние подавляющего большинства тех, кто уже наложил на себя руки, и по всей видимости и тех, кто собирается это сделать. (Если ознакомиться со статистикой – цифра окажется весьма впечатляющей.)

Автор консультировался с высоким полицейским чином из Грузии. Сейчас он в отставке. Согласно его словам, в их стране в девяти случаях из десяти убийство происходит вследствие провокации со стороны жертвы, что тоже иначе чем самоубийственным поведением не назовешь.

Но защитить жизнь человека, не дающего согласия стать жертвой, разумеется, обязанность государства.

Однако, речь идет снова и снова о насильственном характере навязываемых нам законов и невозможности практически их изменить или на них повлиять.

Связь между нормотворчеством и практикой применения очень слабая. Система совершенно неповоротлива и неэффективна.

Конечно, за последние 50 лет общество разросло и изменилось больше чем за всю человеческую историю вместе взятую. Если дать системе время, то может быть все будет казаться совсем не так уж плохо. Это так, но если не обсуждать существующие проблемы сейчас, то никаких изменений и не произойдет. Люди строят своё будущее коллективно. Нельзя сказать, что каждый из нас не имеет влияния на будущее. Да, мы имеем мало влияния на то, какие у нас законы, но соблюдая их или не соблюдая, мы фактически творим будущую реальность.

А также, рассуждая о путях исправления системы, мы приближаем необходимые реформы, как бы

это влияние ни было незначительным и малозаметным.

Например, наши дети - посланцы в будущее. Дети отправятся в будущее дальше, чем их родители и молодое поколение сможет оказать влияние на то, каким это грядущее будет. Поэтому общение, понимание и тесная связь между поколениями очень важна. Но, к сожалению, в современном обществе, особенно западном, эта связь между поколениями не культивируется.

У каждого человека есть способность создавать собственные законы хотя бы для самого себя, и самый верный и лёгкий путь направить всё в правильную сторону - развивать в себе эту возможность. Если слишком сильно делать опору на перемену глобальных законов, не усовершенствуя собственные принципы, то мало что получится. И главный принцип, который необходимо установить себе на личном уровне – прекратить судить и искать виноватых.

Допустимо ли физическое насилие, и существуют ли ситуации когда оно позволено? Насилие совершенно не допустимо и каждый из нас, не только государство, должны воздерживаться от всякого насилия. Препятствовать преступнику приносить вред надо, но с минимальной угрозой для его здоровья и жизни. Надо наконец заменить летальное оружие, разработав другие не менее эффективные, но безопасные способы защиты от агрессии.

Также надо принимать во внимание, что иногда определенные действия, кажущиеся со стороны насилием, таковым не являются, если тот, к кому

насилие применяется, согласен и более того, хочет, чтобы эти действия производились.

На этом основываются БДСМ практики в садо-мазохистических сообществах, например.

Тот же подход должен быть и в других случаях, потому что разнообразие отношений и отклонений не может подпадать под рамки закона.

Но, если не отменять наказательную направленность правосудия, то надо ввести древнюю практику ответственности за оговор. Например, в законах Хаммурапи было указано, что если кто оговорит другого, к нему следует применить наказание, которое грозило оговорённому.

Создание норм права подчиняется большому количеству факторов, из которых основными можно считать уровень компетентности законодателей или инициаторов правового процесса; уровень реальных знаний о правовой практике, приведшей к осознанию необходимости системных правовых изменений; уровень представлений о реальной эффективности тех или иных типов принятия правовых решений для каждой данной правовой системы; наконец, уровень подготовки и восприятия общественной системой в долгосрочном плане тех или иных форм правовых решений. Нередко наблюдается, что по каждой из перечисленных позиций в дело вступает элемент случайности и непредсказуемости, который может нередко предопределить ту форму, которую в итоге примет вариант закона на финальной стадии в зависимости от того, сколько игроков задействованы в процессе, какие они преследуют ситуативные политические цели (иногда не связанные напрямую с самой предполагаемой нормой права), и

какие события совершаются по ходу процесса, нося иногда импульсивный определяющий конечное решение характер. Также обезличенный, статистический метод, применяемый для обоснования норм и их формулировок в процессе принятия законов используется для целей, напрямую не связанных с самим законом и интересами людей, которые будут по нему функционировать и определять свои отношения. Помимо этого, принятие многих норм не влечёт за собой модификацию правоприменительной практики и системы задействованных в ней институтов, поскольку подразумевается автоматически, что сумма и потенциал данных полномочий уже достаточен для осуществления новых норм. Так накапливаются несоответствия внутри системы всех общественных отношений в части нормотворчества и правоприменения, что в свою очередь влечёт за собой неизбежные конфликты. Весьма часто те, кто предлагает законопроекты не являются теми, кто имеет опыт отрицательного действия предыдущих норм, либо заинтересованными лицами, либо даже компетентными специалистами в данной сфере.

Просто поразительно насколько появление тех или иных законов и ограничений может оказаться случайным и не обоснованным, и даже раздражающим и мешающим подавляющему большинству. Изменение или отмена существующего закона слишком сложна. Так и получается, что происходит накопление различных правил и ограничений, которые никем не соблюдаются, но при этом в потенциале могут быть применены против тех, к кому необходимо придрататься. Поразительно, что в такой важной сфере, как законотворчество и правопримени-

тельная практика царит спонтанность и неопределенность. Ведь если бы организм принялся действовать по таким принципам он бы немедленно сдох. Так и общество смертельно больно своими законами.

ГЛАВА 8. НЕОБОСНОВАННОЕ РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ.

Не пришло ли время запретить запрещать? Итак, уже трудно себе представить область в современном обществе, в которой бы не было массы запретов и ограничений. Какие области жизни человека должны законодательно регулироваться, а какие нет, и как остановить разрастание регулирования во все области жизни общества, как замедлить рост злокачественной опухоли законотворчества.

Карантин в связи с коронавирусом показал, как быстро каждый из нас может быть лишен базисных прав на свободу передвижения, по сути дела оказаться под тотальным домашним арестом. То, как система работает сейчас, регулированию может подвергнуться любая область жизни.

Причем, нередко мы встречаем ситуации, когда, некий выборный орган принимает решение неудобное для каждого из его членов, но политические мотивы требуют принятия такого решения.

В чьих интересах всё возрастающий строжайший контроль? Ведь это столько мороки - и времени, и денег, и энергии. Чтож, люди во власти любят контроль! А иначе на что нужна власть, если ей не пользоваться властью?

Кроме того вокруг любого ограничения или лицензирования возникают организации, наживающие-

ся на тех препонах, которые раньше не то, что не могли давать дохода, но и вообще не существовали. И главное опасение состоит в том, что эта опухоль останавливает свой рост только, когда убьет пациента, в данном случае наше многострадальное бестолковое общество.

В сложившихся обстоятельствах человек ощущает себя совершенно незащищенным. Завтра может быть принят любой закон!

Закон, запрещающий слишком глубоко или слишком часто дышать, выходить из дома без панамки или без маски, или наказывающий за пользование смартфоном в общественном туалете. Мало ли что принесёт нам очередной разудалый приступ законотворчества!

Нередко новые запреты мотивированы политически или приносят некоторую выгоду тем, кто их принимает, или тем, кто их лоббирует. Но чаще всего новые законы неудобны никому и тайна их принятия порой неведома даже тем, кто их принимает. По сути, идет процесс узаконенного насилия и издевательства над населением. Причем регулирующих институтов становится все больше, а механизмов сопротивляться этому процессу – нет.

К человеку, мирно прогуливающемуся с собакой по парку, можно применить десятки запретов на муниципальном, региональном, федеральном уровне, а так же различные организации и даже частные предприятия дополняют разнообразие запретов.

Конечно, если создать слишком много мелких законов, не найдётся достаточно сил, чтоб за всеми уследить, но не важно, насколько законодатели могут

следить за выполнением, важно насколько человек становится **закомплексованным!**

Например в некоторых юрисдикциях в рамках новых законов, запрещающих отвлекаться за рулём, воспрещено не только разговаривать по телефону, держа его в руках, но и есть, и даже пить. Также запрещается курить.

И такой проступок может обойтись штрафом до 500 долларов и выше за поднесенную к губам бутылку с водой, если это заметит полицейский в соседней машине. Благородная цель снизить количество аварий потенциально выворачивает руки всему населению, терроризируя его угрозой непосильных штрафов.

В новостях обсуждался характерный казус – в Китае камера зафиксировала водителя приложившего руку к уху и автоматически он получил штраф за разговор по телефону. При детальном изучении фото становится очевидным, что он просто поднес руку к щеке (возможно почесал), а в руке у него никакого телефона нет. Можно себе представить, сколько усилий потратил этот человек, чтобы отменить штраф.

Статистику можно подогнать как угодно, доказывая, что после принятых мер положение на дорогах улучшилось. И дело даже не в совершенно неадекватном штрафе, а в том, что человек должен постоянно находится в напряжении, беспокоясь, не нарушает ли он какой-нибудь закон. То есть вчера глотнуть воды из бутылочки или съесть пригоршню чипсов за рулем было обычным невинным действием, а сегодня – проступок, карающийся огромным штрафом!

Постоянно умножается количество новых законодательных актов. Большинство из них вносят поправки в уже существующие и действующие законы и ко-

дексы. Так законодатель изменяет правовое поле, тем самым часто затрудняя действие субъектов правоотношений, доводя их до отчаяния, до полного правового нигилизма, когда принимается решение игнорировать все законы вообще. Тем более, что вероятность «попасться» в некоторых областях невелика, и чаще всего законы применяются только для того, чтобы оказать давление на оппонента.

Чем же объяснить столь активное законотворчество? Ну, для парламентария считается престижным стать инициатором принятия нового закона, они кичатся этими «подвигами» и гордо заносят их в свой послужной список. Вероятно, система законотворчества пытается таким образом доказать свою востребованность и актуальность, или считается, что если все ещё маловато законов в какой-либо области — это показатель плохой системы, что любые правовые лакуны и коллизии можно разрешить только путем создания новых законов. Словом, по мнению законодателей зарегулированность — это лучше, чем недоурегулированность. Но так ли это?

Законов стало так много, что их количество превысило пределы когнитивного восприятия: обычный гражданин просто не сможет плечом повести, чтобы что-нибудь не нарушить.

Роль закона гипертрофирована. По идее законы — это необходимое зло, ограничение свобод, довольно абстрактные правовые предписания, которые являются ориентиром для ежедневной социальной жизни и правоприменительных практик. Закон — не пошаговая инструкция, это, скорее, набор принципов, основных подходов и идей. Реальная жизнь — слишком быстрая, изменчивая, и законодатель в принципе не способен

предвидеть всё многообразие возможных жизненных ситуаций. А это значит, всё отдается на откуп тому, кто поставлен этот закон интерпретировать и применять.

Правители через новоиспеченные законы способны значительно влиять на судьбы десятков, сотен миллионов людей. Но любые изменения встречают трудности. Макиавелли пишет: "Трудность состоит прежде всего в том, что правителям приходится вводить новые установления и порядки, без чего нельзя основать государство и (или) обеспечить себе безопасность." Однако чем большую часть населения затрагивают перемены, тем больше появляется противников изменений. Ведь то, к чему мы привыкли, считается более положительным (эффект инерции мышления). "Надо знать, что нет дела, коего устройство было бы труднее, ведение опаснее, а успех сомнительнее, нежели замена старых порядков новыми. Кто бы ни выступал с подобным начинанием, его ожидает враждебность тех, кому выгодны старые порядки, и холодность даже тех, кому выгодны новые", - пишет Макиавелли.

Холодность объясняется страхом перед властью, недоверчивостью людей. Враждебность же воплощается в ситуации, когда противники предпринимают все усилия для слома новых порядков при любой возможности. Макиавелли считает, что утвердить новые порядки невозможно уговорами; только директивное внедрение, подкрепленное силой даёт результат: "Вот почему все вооруженные пророки побеждали, а все безоружные гибли; нрав людей непостоянен, и даже если обратить их в свою веру легко, то удержать в ней трудно. Поэтому надо быть готовым к тому, чтобы,

когда вера в народе иссякнет, заставить его поверить силой". Увы, из этой мысли следует, что правители убеждены, что общество способно развиваться только через насилие, и совершенно не способно к саморегулированию.

Несмотря на то, что мы уже не можем представить себе нашу жизнь без Гугла, Ютьюба, Фейсбука, еще хуже, когда регулирование отдается в частные руки. Например, поисковик Гугл постоянно меняет правила отображения результатов поиска, что разоряет многие бизнесы, которые вдруг становится невозможно найти. А альтернативных каналов рекламы в некоторых областях уже практически не существует. Википедия, казалось бы саморегулирующийся проект, давно превратился в тенденциозную клику доморощенных редакторов, которые считают доблестью стирать все, до чего дотянутся их завистливые ручки, которые при пристальном рассмотрении нередко оказываются продажными!

Отсутствие какой-либо управы на сайты-гиганты еще хуже, чем запредельная зарегулированность государства.

Часто политические мотивы, основанные на идеологическом подходе, требуют импульсивных решений по части нормотворчества, не подкреплённых никакими реальными интересами и потребностями общества. Государство всегда стремится расширить собственную сферу применения, и если законодательный процесс разбалансирован, оно естественно притязает на необходимость регулирования человеческих отношений там, где ранее достаточно было саморегуляции. Так не пора ли повсеместно запретить запрещать?

ГЛАВА 9. ПРЕСТУПЛЕНИЕ И ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ.

Государство и правосудие как системы давно себя дискредитировали, поскольку исправно служили любому, даже самому бесчеловечному режиму. В них нет встроенных механизмов, защищающих от подобных извращений. Вечно повторяется принцип – кто у власти, тот и прав. То есть ни законы, ни номинальный парламентаризм не способны стать гарантом истинного правосудия. Невменяемое государство не может и не должно судить людей, вынося им либо приговор, либо психиатрический диагноз с принудительным лечением, которое, увы, нередко превращается в узаконенную пытку.

Грань преступности и психических расстройств может быть весьма зыбкой, особенно когда в обществе нет чёткого представления, где кончается групповая и даже общественная психопатия и начинается личностное расстройство индивида. Многие законодательные нормы и связанные с ними практики исходят из того, что есть понятие «нормальности» и его противоположность, которая, при соблюдении определённых условий, переводит ситуацию в «аномальную». Современная психология, психиатрия и ряд смежных дисциплин претендуют на то, что в рамках их диагнозов возможно правильное и обоснованное определение таких границ, которые затем могут и должны быть переведены в правовую

плоскость. Государство и общество, ориентированное на гуманитарные цели и задачи, стремятся соответственно направлять действие законодательства по отношению к психическим отклонением. Однако парадоксально, но именно такой подход раз за разом приводит к тому, что общепринятые «нормальные» формализованные патологии определяют судьбу личностных отклонений, в них не вписывающихся. При разбалансировании государственных функций такие нормы легко обращаются против любых видов «инакомыслящих», чьё официально признанное «психическое отклонение» становится предлогом для своеобразной правовой и институциональной сублимации больного общества, стыдливо стремящегося к изоляции личностей, ему неугодных. При этом, то же государство и общество способно легитимизировать психопатические практики внутри самих себя через принятие соответствующего законодательства. Этаким «коллективный маньяк» становится судьёй и палачом для тысяч беспомощных жертв. И только потому, что было фундаментально искажено понятие «нормы» - посредством закона. Это приводит к следующей проблеме: будучи с течением времени «пропущенной» через легализованную психопатию, множество людей приобретает признаки этих отклонений, воспринимая их отныне как «норму». Так законодательство, формируемое через неправильно артикулированное «общественное мнение», в итоге обуславливает его. Нормы права, уничтожавшие когда-то мораль, порождают в итоге новую, психопатическую, псевдомораль, узаконив её незаметно через санкционирование её легальными путями.

Теоретические аспекты антипсихиатрического движения отражены в книгах Дэвида Купера «Психиатрия и антипсихиатрия» и Рональда Лэйнга «Политика переживания», появившихся еще в 1967 году, а также в книге «Разум и насилие», появившейся в 1964 году в результате их совместной работы. Немного позже вышли книги Мишеля Фуко «История безумия в классическую эпоху» и Томаса Саса «Миф душевной болезни», внёсшие значительный вклад в антипсихиатрическое движение.

Антипсихиатрическое движение поставило два принципиальных вопроса:

- классификации и критерии психических расстройств являются нечёткими и произвольными, допуская множество толкований и мнений о том, насколько они соответствуют основным медицинским стандартам;
- широко распространённые психиатрические методы лечения приносят пациентам больше вреда, чем пользы.

Антипсихиатрическое движение способствовало появлению критики в адрес психиатрии. В частности, критике подвергались:

- отсутствие чётко очерченного и законодательно закреплённого стандарта психической нормальности;
- неправомерное использование медицинских категорий и методов в отношении социальных и психических явлений;

- высокая степень условности психиатрических диагнозов и сомнительный медицинский статус, установленный посредством политических решений и, в частности, процедур голосования Американской психиатрической ассоциации, включающей данные категории в Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам (DSM), на основе которого составлен психиатрический раздел Международной классификации болезней;

- чрезмерные токсичность, седативное и побочные действия антипсихотических препаратов, их способность вызывать гибель нервных клеток головного мозга;

- широкое применение недобровольного лечения;

- игнорирование других подходов к психическим расстройствам;

- компрометирующие связи с фармацевтическими компаниями; (психиатры подозреваются в том, что имеют выгоду от излишнего назначения лекарственных средств. Установлена преступная связь между теми, кто принимает решения о диагностике и стандартах лечения психических болезней, и теми, кто производит лекарства.

- жестокое обращение с пациентами и жёсткий контроль за ними.

Антипсихиатрическое движение способствовало ограничению применения негуманных методов лечения и развивалось благодаря людям с негативным опытом пребывания в психиатрических учреждениях. Среди тех, кого госпитализировали в психиатрические учреждения в недобровольном порядке (в

том числе с применением физической силы) и подвергали недобровольному лечению или физическому стеснению, были и те, кто считал, что пострадал или что мог бы получить другой, более эффективный вид помощи. По мере того, как формировалось движение прошедших через психиатрические учреждения или пострадавших в них, оно добивалось, чтобы их признали психически здоровыми, восстановили в правах, предоставили возможность самостоятельно распоряжаться собственной жизнью или полную свободу. Предпринимались попытки преодолеть стигматизацию и дискриминацию, связанную с ограничениями дееспособности, оказать помощь и поддержку людям, имеющим проблемы с психическим здоровьем, для того, чтобы они смогли принять более активное участие в трудовой и социальной жизни (например, через общественные организации), в работе психиатрической службы и её оценке.

Этому движению уже более полувека. Но давайте посмотрим, как работает система в наши дни в одной из благополучных стран, Канаде.

У автора в его доме был много лет приют, и там проживали разные люди, в том числе и психически нездоровые. Один из них выскочил ночью на улицу с огромным тесаком и стал им размахивать, крича что у него открылись супер-силы, что он опасен и его нужно застрелить.

Вызвали скорую. Медики, приехав, заявили, что с тесаками не работают и вызвали полицию. Приехали шесть полицейских машин и пожарники. В маленьком городке редко происходили происшествия,

и скорее всего событие собрало практически всех, дежуривших в эту ночь.

Дело было в ноябре. Представители закона почему то решили, что этот человек держит жителей дома в качестве заложников и через заднюю дверь вывели всех не одетыми, укрывая одеялами.

Переговоры шли всю ночь. Потом дежурство стало подходить к концу, полицейские заскучали, шибанули нарушителя спокойствия электрошокером и увезли с собой.

Думалось, товарищ не скоро вернется. Но нет, через пару недель появился. Оказывается, его держали в каталажке, а не в психбольнице, и выпустили под залог на поруки матери, от которой он сразу сбежал. Суд состоялся только через год. Все это время сверхчеловек был на свободе и периодически устраивал армагеддоны мелкой и средней значимости. (Например, звонил и угрожал взорвать телебашню). Его не трогали. Когда он не явился на суд, его всё же выловили и посадили в спецбольницу для криминально-ненормальных. Больше его никто не видел.

Такие и подобные истории происходят скорее всего повсеместно, когда не ясно, кто больший идиот, нарушитель порядка, или те, кто этот порядок призваны поддерживать.

Вообще показуха является самой главной силой, скрывающей от нас истинное положение вещей. Каждый в своей области знает, что дела организованы неважно, но почему-то полагает, что в других областях уж точно царствует идеальный порядок. Но если опросить всех, то станет очевидно, что положение практически везде весьма идиотическое, всё висит на волоске и непонятно, как до сих пор не

привело к глобальной катастрофе. Впрочем, почему не привело? Пандемия коронавируса, возникшая, как считается в результате утечки вируса из биологической лаборатории, находившейся вблизи города миллионника в Китае, прекрасный пример балагана, царящего в самых опасных областях человеческой деятельности. И что же? Кто-то сделал выводы? По всему миру закрылись подобные лаборатории? Прекратились исследования, как сделать смертельным обычный вируса гриппа? Увы, государства, совершающие преступления в масштабах человечества, продолжают усердно судить своих граждан за ерунду, при том, что сами совершают преступления неслыханного размаха.

Люди поразительно хороши в показухе и плохи в разумной последовательной деятельности.

Единственное, что выбивается из общей картины - это смартфоны. Просто поразительно, как их изобрели и почему они работают. Но это факт, пожалуй единственный, который поддерживает в авторе весьма ослабшую веру в человечество. Хотя он не удивится, если скоро станет очевидным, что мобильная связь вызывает рак мозга или что-нибудь в этом духе.

Вот вам революционная, хоть и не новая мысль. Дело в том, что все люди ненормальные. Им вообще нельзя ничего вменять. Мораль человеческая слишком зыбкая. Нужно ко всем относиться как к сумасшедшим, или по крайней мере как малым детям. Человек и не может быть нормальным. Люди ведут себя как бог на душу положит. Их поведение нелогично, саморазрушительно и опасно. Необходимо признать всех людей невменяемыми с точки зрения

ответственности за свои поступки. Ведь мир вообще отвратительное место, в нём невозможно не страдать. Зачем же увеличивать страдания окружающих?

Нередко судьи судят за то, что и сами бы совершили, будь они в положении подсудимого. Изредка доказательства тому попадают в СМИ, но чаще, конечно, остаются в тайне. Никто не проверяет на психическую вменяемость самих судей перед каждым заседанием.

Невозможно создать точную науку человеческого поведения. Все юрисдикции требуют оценок вменяемости, чтобы решить вопрос, имеет ли обвиняемые психическое заболевание. Большинство судов считают невменяемыми подсудимых со значительными психическими заболеваниями такими, как психоз, но не принимают во внимание диагнозов расстройства личности как основание для признания невменяемости. Главным вопросом, интересующим суд, является, мог ли подсудимый различать между добром и злом в момент совершения преступления. Кроме того, в некоторых юрисдикциях добавляется вопрос о том, мог ли обвиняемый контролировать своё поведение в момент совершения преступления (состояние аффекта).

Судебно-медицинские специалисты в области психического здоровья представляют свои оценки в суд. Причем эксперт, приглашенный защитой, нередко противоречит эксперту, приглашенному обвинением. Поскольку вопрос о вменяемости или невменяемости становится юридическим вопросом, а не только медицинским, судья или присяжные принимают окончательное решение о психическом статусе ответчика и может ли он быть признан не-

виновным на основе невменяемости. Не очень эффективная и справедливая система, надо сказать.

В большинстве юрисдикций в Соединенных Штатах, если невменяемость установлена судом, ответчик направляется в психиатрическое учреждение по крайней мере на 60 дней для дальнейшей оценки, а затем его состояние переоценивается по крайней мере раз в год после этого. Тоже не скажешь, что это разумно и справедливо. Всё строится на субъективных мнениях тех, от кого зависит решение.

Симулировать сумасшествие не составляет труда. С тем чтобы ввести в заблуждение, преступник, планирующий совершение преступления, может спровоцировать несколько раз госпитализацию, дабы обзавестись соответствующими диагнозами. Далее, совершив преступление, он скорее всего будет признан невменяемым, мол «Я придурок. Убью, и мне за это ничего не будет!»

Присмотритесь к правосудию - там вы найдете мрак и балаган.

Но вот мы входим в зал заседаний суда. Какие там все напыщенные, какие солидные. «Встать, суд идет!» И все встают. Странно, что не требуется всем пасть ниц. Без пафоса не получится творить мрак и беззаконие. Издеваться над слабыми. Ибо как могло прийти в голову назвать процесс справедливым, когда против человека встает безликая махина государства?

Не забывайте, что человечество постоянно балансирует на грани пропасти, которую само для себя создало, и автор, разумеется имеет в виду не только запасы ядерного оружия. Оказалось, на примере пандемии коронавируса, что биологическая угроза

может оказаться не менее губительной при определенных условиях.

Мы живем в розовом пузыре наивных иллюзий, и одной из таких иллюзий является правосудие, особенно касательно установления психической вменяемости.

ГЛАВА 10. БЕССМЫСЛЕННОСТЬ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ.

Что может быть субъективнее справедливости? Ведь сколько людей, столько и мнений. Тем более, что индивидуальное понятие справедливости меняется с возрастом, с изменением обстоятельств, даже со временем суток. (Простите за иронию).

Это вовсе не значит, что автор против того, чтобы слабого защищали, обиженного утешали, он лишь против провозглашения принципа справедливости как идола, словно бы существует объективная независимая справедливость, универсальная для всех.

Самые страшные преступления совершаются во имя справедливости, как впрочем, и справедливая кара всегда вызывает ощущение вздорности и чрезмерности.

Еще Солон говорил «Справедливость воцарится тогда, когда каждый будет воспринимать чужую обиду, как свою!», но в том-то и дело, что не всякая обида обоснована, да и людям не свойственно вставать на чужое место и пытаться понять друг друга. Они верят в свою правду, так удобнее и выгоднее.

Человеческий ум может оправдать и объяснить что угодно. Какими бы страшными и бесчеловечными ни были доводы, наш гибкий разум оправдает и их. Так что, всякий искренне берущийся восстанавливать справедливость, уподобляется «двулико-

му Янусу», пытаюсь повернуться то к одному, то к другому оппоненту. Дать одному, забрать у другого, или поступить наоборот? Такая справедливость основывается на торговле бедой. То есть за всякую беду можно потребовать компенсацию.

Любое рассуждение о справедливости можно проследить от знаменитого библейского "зуб за зуб, глаз за глаз". Но если в библейские времена это было скорее ограничение безудержной кровной мести (чтобы за выбитый зуб не убивали все соседское семейство), то сейчас это звучит по крайней мере жестоко и бессмысленно.

Самое страшное начинается тогда, когда кто-то принимается восстанавливать справедливость.

Что можно сказать в защиту справедливости?

Считается, что справедливость – одно из базовых понятий человеческой культуры, но как и всякое основное понятие, оно совершенно извращено и применяется исключительно для оправдания своего антонима – несправедливости.

На протяжении многих веков философы рассматривали справедливость как основной принцип, лежащий в основе идеального общественного устройства, обеспечивающий сотрудничество между людьми и, как следствие, выживание человечества. Первоначально считалось, что справедливость существует вне зависимости от человека и общества в целом. Она является мостом между двумя мирами – космическим (божественным) и земным. Понимание и соблюдение ее требований позволяет привести общественную систему в соответствие с законами мироздания, то есть создать идеальное общество, и поэтому справедливость относится к числу глав-

ных человеческих добродетелей. Постепенно идея о космическом (божественном) происхождении справедливости утратила популярность. Это слово стало использоваться прежде всего для обозначения мирных отношений между людьми, разрешения споров, общественного устройства, созданного в результате человеческой деятельности и обеспечивающего наилучшие условия существования максимальному количеству граждан. И в этом своем значении справедливость не приносит особого вреда. Ну, разве что под ее лозунгом украдут или растратят миллиард другой из общественных фондов.

Страшнее же всего справедливое возмездие, продолжающее бесконечную цепочку зла.

Вот, скажем нарисовался опасный преступник, ну давайте его поймаем и изолируем таким образом, чтобы он не мог совершать преступлений. Но воздавать ему по заслугам не надо. Это порождает бесконечное повторение зла, отзеркаливающего зло.

Приведите сами себе пример хотя бы одной справедливости и вы поймете, что справедливость не достижима. Мир, природа, жизнь в корне глубинно не справедливы. Мы не можем компенсировать горе, испуг, отчаяние, даже если осыпем пострадавшего всеми благами, как из рога изобилия.

Автор против принципа наказания во имя восстановления справедливости. Вот вам интересная мысль. Мы отказались от телесных наказаний детей. Считается, что это непедагогично и даже преступно. И вот уже целые поколения вырастают не зная, что такое затрещина или хлопок по попе. И не произошло никакой катастрофы. Небеса не упали на землю.

До этого отказались от телесных наказаний взрослых. Тоже ничего страшного не произошло. Возможно, вообще, принцип наказания не работает. И никогда не работал.

Справедливость - это химера, призванная оправдать насилие.

А если человека обокрали? Справедливо же найти преступника и вернуть украденное обратно?

Да, вернуть украденное безусловно надо попытаться. И найти преступника и попытаться понять, почему он совершает эти действия. Но наказывать его совершенно бесполезно.

Наказывая, мы словно бы сжимаем пружину зла. И эта пружина рано или поздно отскочит обратно. Даже если вы казните преступника (Вспомним казнь старшего брата Ленина), то его брат или сын отомстит так, что мало не покажется.

Чаще всего справедливость выходит боком не только тем, кто ее восстанавливает, но тем, ради кого это совершается. Например, справедливо, что у мужчин и женщин одинаковые права и положение в обществе.

Это иллюзия. Они просто декларируются таким образом. На самом деле у женщин и мужчин проявляются яркие способности в разных областях. И то, в чем обычно хороши женщины, плохи мужчины, и наоборот. Во всяком случае, в этом заключается общепринятое мнение, вряд ли далекое от истины.

Эмансипация женщин привела к еще большему их закабалению. Теперь ожидается, что женщина должна работать наравне с мужчинами, но при этом продолжать вести домашнее хозяйство и воспитывать детей.

Человек способен оправдать все, что угодно. Дайте самому страшному маньяку лист бумаги, и, при достаточной мотивации, он опишет свои действия так, словно и не было у него другого выхода, кроме как совершать свои преступления. Ну, а если маньяк не очень владеет пером, поручите это его адвокату, и если тому не будет лень, он сделает это за клиента.

Не существует объективно доказуемой справедливости. Это не математическое понятие. Надо обращать внимание на вред и на то, как можно его избежать. Обращать внимание на то, как исключить возможность преступления, а не как побольнее наказать преступника.

Абсолютной истины не существует. В том числе и безупречной справедливости. Это утопия.

Правосудие не должно оперировать понятиями справедливости.

Справедливость всегда является тем, на основании чего развязывают войны, крестовые походы и революции. Слова "справедливость" нужно бояться, как чумы. Слышишь "справедливость" -- жди беды.

Указание в Евангелие «не суди и не судим будешь» как раз предостерегает от попыток восстанавливать справедливость.

Нужно руководствоваться целесообразностью, практичностью и любыми другими максимально удаленными от этики понятиями. Ибо как только появляется этика - жди беды. Опять же, в Евангелии сказано: накорми голодного, посети больного, одень раздетого, утешь плачущего. То есть сделай конкретное действие, направленное на решение проблемы, а не ищи справедливости.

И не посылай молодых людей защищать демократические ценности в какую-нибудь дикую горную страну, откуда они вернутся в цинковых гробах, пусть и декорированных очень красивым национальным флагом.

Целесообразность стремится к наведению порядка в системе, вышедшей из равновесия. Попытка построения идеальной системы в корне противоречит целесообразности.

Восстановление же справедливости как раз и является таким утопическим средством, на которое можно списать любое насилие.

И воспитание молодого поколения должно основываться не на справедливости, а на целесообразности и решении конкретных социальных проблем.

Тогда точно молодые не пополнят ряды тех, кем так легко манипулировать и посылать на бойню во имя очередного восстановления какой-нибудь исторической справедливости.

Справедливость всегда противоречит целесообразности. Например, посадить преступника, укравшего у государства 10 тысяч, на год в тюрьму считается справедливым. Но его содержание в тюрьме обойдется государству в 100 тысяч.

Причем тот, кого посадят в тюрьму, чаще всего выйдет из неё ещё более закоренелым преступником, с чувством антагонизма к властям и с множеством криминальных связей.

Вот и получается, что целесообразность противоречит справедливости, так как она трактуется уголовным законодательством.

Как же следует поступать с преступником? В идеале, создавать такие условия, чтобы преступление было невозможным.

Например, если определенная собственность общая и бесплатная - то ее невозможно украсть. Если хлеб бесплатный, то никого нельзя будет наказать за кражу хлеба. И это исключит возможность кражи из-за голода, и вообще, возможность существования голодных. Так ли дорого субсидировать хлеб повсеместно и сделать его бесплатным? Такая ли это утопия? Но нам возразят, что наличие бесплатного хлеба отнюдь не прекратит воровство и грабеж, и это конечно же так. Однако пропадет моральное оправдание кражи из-за голода.

В человеке заложены как звериные, биологические начала, так и высшие, духовные. К чему апеллирует поиск справедливости? Конечно к духовным, высшим. Но на всякую справедливость можно найти контр-справедливость, всякое преступление, даже самое страшное, человеческий разум способен оправдать, ибо он исходит не из самой сути преступления, а из того, что он безусловно прав, а какие доводы будут приведены, не имеет значения. Если преступление слишком чудовищно, то разум станет отрицать его совершение или придумает что-нибудь еще, что якобы текущая реальность – сон, или все произошло бессознательно, а потому и неподсудно.

Так что наличие у человека совести (внутреннего регулятора справедливости), увы, не является ни гарантом добропорядочного поведения, ни источником раскаяния в содеянном зле. Совесть человека поставлена на службу его самого и всегда оправдывает

своего хозяина. Даже страшные и искренние покаяния рано или поздно найдут себе утешение в каком-нибудь оправдании. Ведь иначе человек не может существовать, переполняемый чувством собственной неправоты.

Поэтому апеллировать к духовной сфере в поисках восстановления справедливости совершенно бесполезно, как впрочем, это бесполезно и при попытке апеллировать к звериной, биологической составляющей человека.

Как это ни поразительно, но попробуем отнестись к человеку, как к чужой машине. Скажем, машина соседа сорвалась с ручного тормоза и понеслась с пригорка. Она врезалась в другую машину. Нам не придет в голову ее за это наказывать. И на свалку мы ее не отправим, потому что она принадлежит не нам.

Мы просто постараемся ее остановить и поставить в безопасное место. Хотя, впрочем, вы возразите, что за случившееся нужно будет привлечь к ответственности хозяина машины.

Что, если относиться к преступнику как к явлению природы? Мы ведь не пытаемся наказать ураган, или заключить в тюрьму землетрясение? Мы пытаемся предотвратить их пагубное действие и устранить последствия. Представьте, что если бы мы принялись тратить средства и усилия на наказание землетрясения, или извержения вулкана и бросили бы в наказание вулкану атомную бомбу в его жерло?

Вот тот же эффект имеет наш поиск справедливости и принципы наказания. Они усиливают несправедливость и преступность.

Мы так воспитаны и с младенчества мы усвоили принцип наказания, в сказках и фильмах зло обязательно должно быть наказано, причем нередко все усилия прикладываются не на то, чтобы защититься от зла, или избавиться от его последствий, а именно на то, чтобы его наказать. И конечно, когда приходит к вам автор и заявляет, что это вредно и ненужно, вам хочется наказать самого автора, как возмутителя спокойствия и апологета безнаказанности.

Возможно, автор наивный мечтатель, и нет никакого смысла придавать значение его доводам. Правосудие устроено наилучшим из возможных способов. Так ли это? Только до тех пор, пока вы не окажетесь в роли жертвы его жестокости и бездушия, только до тех пор, пока не станут восстанавливать справедливость за ваш счет. Есть, конечно, и такие стойкие оловянные солдатики, которые скажут – пусть мне будет хуже. Заслужил – понесу наказание. Правосудие справедливо в своей основе, и не надо морочить голову. Что ж, именно благодаря таким стойким солдатам веками и сохраняется тот идиотизм, который мы именуем правосудием.

Чем менее человек унижен и растоптан угрозой наказания, тем менее ему хочется восставать против общества и закона. Жизнь рано или поздно доводит до отчаяния каждого из нас, когда мы способны практически на все, что угодно. Тот, кто не согласится с этим утверждением, пусть не торопится, пусть сначала доживет до конца, а потом уже делает свои строгие выводы. Всё, в чем мы осуждаем других, рано или поздно, каким-то образом, отразится в нас, либо в наших помыслах, либо действиях. Этот духовный закон хорошо знаком тем, кто привык

наблюдать мир в духовной плоскости. Конечно, если вы осуждаете кого-то за массовые казни, вовсе не значит, что вы сами окажетесь на посту директора концлагеря. Но, рано или поздно жизнь поставит вас в такие условия, что вы в отчаянии будете готовы совершить буквально что угодно. Поэтому не осуждайте, не судите, помните, что все мы, и мучители и жертвы, глубоко несчастные существа, заброшенные в жестокий и бессмысленный мир. А посему не умножайте ненависти, не судите и не осуждайте. Ищите мира, а не справедливости. Справедливость еще никого не сделала счастливым.

Вообще следует уменьшать области деятельности, которые квалифицируются как преступные, в то время как общество идет в противоположном направлении, расширяя криминализацию ранее невинных действий, захватывая все новые и новые области, что и приводит в конечном итоге к полной невозможности быть добропорядочным гражданином. Так что и пытаться не стоит. Это и есть корень правового нигилизма.

Автор в течение девяти лет содержал приют для бездомных, в котором жили по принципам коммуны. Ничего украсть там было невозможно, потому что в принципе все было общее и каждый мог взять и пользоваться всем. Конфликты из-за общей собственности практически не возникали.

Примечательно отметить, что ранее, до обращения в христианство, когда автор был богат и в течение двух с половиной лет у него был частный повар итальянец, условия были таковы, что тоже украсть ничего было невозможно. Повару выдавался бюд-

жет, из которого он мог брать продукты и для своей семьи, сколько потребуется.

Автор убежден, что не надо заведомо закладывать в условия соблазна совершить преступление, и это полностью устранил надобность контролировать и наказывать. Читатель возразит, что далеко не всегда это возможно. Однако, если хорошо подумать, то большинство имущественных преступлений можно предотвратить разумным построением систем, не позволяющих их совершение.

Не важно, какие штампы ставить – коммунизм или капитализм. Надо жить так, чтобы хотелось жить, а не тратить свою жизнь на восстановление справедливости.

Благодаря существующему порядку огромные ресурсы лежат невостребованные в собственности тех, кому они не нужны, а толпы нуждающихся воют от голода. Рациональным такое хозяйство не назовешь.

И от того, что прежние попытки коммунистических режимов выливались в страшные диктатуры – вовсе не значит, что идиотизм нашего капиталистического общества -- единственно возможная форма достойного существования человека.

Существует миф об ограниченности ресурсов. Если внимательно присмотреться, дефицит практически всегда создается искусственно.

Возможно в древние времена и бывали ситуации, когда ресурсов не хватало. В наше время при желании, используя современные технологии, легко можно обеспечить всех всем. И лучше заняться этим, а не перманентным восстановлением справедливости.

Справедливость в современном обществе, как и в прошлом, есть приближение к идеалу, но нисколько не обладание им или монополией на него. Поскольку справедливость предполагает максимально возможное приближение в суждении к объективной истине, человеческие критерии её поиска изначально будут обладать изъянами. А если институты общества и государства, призванные санкционировать, поддерживать и поощрять этот поиск, а также защищать его результаты, разбалансированы и несовершенны, от объективности экспоненциально умножается на каждую такую присутствующую в уравнении величину. Изначально люди всегда субъективны. Они пристрастны, тяготеют к искажённым воззрениям, часто связанным с целым рядом факторов (воспитанием, образованием, культурой, религией, идеологией и т.д.) Каждый из этих факторов, в свою очередь, обладает собственными внутренними логическими преференциями, которые индивид воспроизводит исходя из уровня развития сознания и осмысленности выбора и суждений. При рассмотрении дел в судах изначально система исходит не из сути события как такового или даже его общепринятой моральной оценки, но из критерия приложимости уже существующих норм права к наказанию того или иного преступления, которое надо доказать или опровергнуть. Так существующая судебная система становится своеобразным «поиском в тумане», сопровождаемым поединками доводов (аргументов) сторон, часто посредством формальной логики способным увести процесс в сторону от справедливости как принципа. Так справедливость становится формальной функцией правовой

системы, которая в итоге притязает на его полное представительство. С моральной точки зрения это как раз приемлемо для общества, успокаивая его совесть и давая хоть какой-то ориентир для оценочных суждений. Однако понятно, что формулировки как правонарушений, так и в особенности наказаний по ним весьма условны (хотя часто, наоборот, формулировки правонарушений недвусмысленны, но наказаний – да). Так наказания попадают в заложники к субъективности, и справедливость неизбежно превращается в химеру.

ГЛАВА 11. САМОУПРАВСТВО – КРАХ ПРИНЦИПА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ ТОЛЬКО СУДОМ.

Практически все судебные системы стараются, чтобы ими пользовались как можно меньше. Известна перегруженность судов. А как же им не быть перегруженными? Нагромождение бессмысленных действий, бумаг, запросов ... Конечно в такой системе до сути дела доходят нескоро, а чаще всего и не доходят вообще.

Разумеется, людям не хочется обращаться в суды, не хочется связываться с властями. Это, конечно, не касается профессиональных сутяжников.

Потеря веры в эффективность правосудия неизбежно порождает самосуд, то есть незаконную расправу с действительным или предполагаемым преступником или обидчиком без обращения к государственным органам. Самосуд отличается от обычной мести тем, что при мести расправу над обидчиком осуществляет сама жертва или близкие ей люди, самосуд же могут учинить и посторонние, стремясь таким образом обеспечить справедливость в их понимании и предотвратить потенциальную угрозу интересам общества.

Самосуд, к сожалению, паразитирует на хорошем чувстве справедливости в человеке. В основе самосуда находится осуждение, доходящее до крайней точки. И под влиянием таких эмоций неоткуда по-

явиться светлomu и добромu, или по крайней мере, объективному.

Приступая к судебному процессу, с трудом можно сказать, к чему он приведет, точнее, можно сказать с уверенностью, что скорее всего не приведет ни к чему хорошему. Конечно, опытный адвокат может с большой точностью предсказать исход дела, но адвокаты, мягко говоря, очень часто не говорят всей правды, а для неискушенного индивида судиться --уподобляется игре в русскую рулетку.

В гражданских процессах при достаточном умении защищающаяся сторона сможет не только отвести удар от себя, но и перенаправить его на истца. Чаще всего исход дела может зависеть от прихоти судьи, да степени изворотливости адвоката той или иной стороны, если им вообще захочется проявлять изворотливость. Обычно адвокаты эффективны и инициативны в основном только в качестве героев фильмов. На самом деле они в лучшем случае представляют собой аккуратных клерков, а в худшем -- становятся бичом собственного клиента.

Что же касается уголовных процессов, адвокату пугать своего обвиняемого клиента и давить на него гораздо легче, чем реально договариваться с обвинением или действительно готовиться к процессу и выступать в суде, поэтому большинство адвокатов идет по этому пути не требующему особой изворотливости.

Кроме того, решения судей иногда вообще выходят за рамки предсказуемости. Как захотят - так и присудят. И еще специально так сделают, чтоб неповадно умничать было. Причем раздражать судью может не столько даже подсудимый, сколь его адво-

кат. А ущерб будет причинен клиенту, причем деньги ему за такую медвежью услугу не вернут и даже не признают, что такое явление имело место.

Что касается уголовных процессов, так в этот опасный цирк никто не желает ввязываться, если, конечно не собирается использовать суды в качестве весьма эффективных и жестоких средств давления на оппонентов.

Судебная система подобна раковой опухоли, которая потребляет огромные ресурсы (зарплаты судей в развитых странах очень высоки, видимо, чтобы эти самые лучшие и честные во всех отношениях люди не соблазнялись на взятки).

В общем в системе гражданских судов крутятся либо наивные новички, простачки, либо матерые сутяги. Средний человек, имеющий хотя бы единичный опыт, постарается разобраться со своим обидчиком вне стен суда тем или иным способом.

Уголовные суды полнятся делами, в которых прослеживаются либо сведение личных счетов, либо проявление чьих-то должностных амбиций. Как таковое правосудие вершится очень редко и то, в каждом обвинительном, как впрочем и в оправдательном, приговоре можно найти больше вреда, чем пользы. Во всяком случае ни справедливости, ни объективности в судах вы не найдете.

А если не судебная система, то что или кто может быть на стороне объективности? Особая фантазмагория заключается в том, что слово, сказанное под присягой, считается фактом только, если, конечно, судья не решит проигнорировать сказанное, или выбрать из двух противоположных свидетельств то, что ему субъективно больше нравится.

Конечно можно попытаться нести населению светлое и вечное в виде проповеди всепрощения, но все же хотелось бы, если уж система правосудия существует, чтобы она работала, а не наносила предсказуемый вред.

Критики суды не переносят. Чуть что - можно даже на гражданском процессе схлопотать срок за неуважение к суду. Трудно уважать такой бесполезный, и можно сказать, вредоносный орган. Все это знают, но притворяются. И вновь звучит по всей земле: "Всем встать! Суд идет!" и все послушно вскакивают на ноги.

Автора тоже следовало бы привлечь к ответственности по целому ряду статей, в том числе и за неуважение к суду, но вот только в какой юрисдикции?

Причем, говоря о самосуде, мы не имеем в виду обязательно линчевание. Просто нередко, столкнувшись с неслыханной наглостью, у человека возникает желание наказать обидчика. Ну, во-первых морально-этические категории вовсе не всегда соответствуют законодательству, а иногда и противоречат ему (например обязательное доносительство), а во вторых, те, кто хоть раз сталкивался с работой судов, непременно почувствует бессилие и даже чувство, что если он обратится в суд, то сам себя накажет.

Проблема проявляется на нескольких уровнях. Во-первых, на уровне человеческого сознания, которому предложили не судить, и не быть судимым, но человек упорно желает судить, и тем самым судиться. Во-вторых, проблема в том, какие иллюзорные, невыполнимые, устарелые и бессмысленные

принципы лежат в основе правосудия. В-третьих, то как система устроена и функционирует. И в-четвертых, то как к ней заслуженно относятся - с разочарованием и нигилизмом.

Рыба, конечно, гниет с головы и мы можем проследить несовершенство правосудия от несовершенства устройства государства, самой человеческой природы и даже изъянов, заложенных в мироздании.

Но так или иначе, следует признать, что судебные системы разных стран с завидным упорством похожи друг на друга в своей неэффективности и злокачественности.

Вот классический пример самосуда на международном уровне, в то время как убийца получил широкую поддержку в своей стране и впоследствии был назначен на высокий государственный пост.

Во вторник 24 февраля 2004 года швейцарский авиадиспетчер Петер Нильсен был убит на пороге своего дома, получив 12 ножевых ранений. По подозрению в убийстве был арестован 46-летний Виталий Калоев, потерявший в катастрофе жену Светлану (43 года) и двоих детей — дочь Диану (4 года) и сына Константина (10 лет). Калоев заявил, что он показал Нильсену фотографии детей и хотел, чтобы Нильсен просто попросил у него прощения за то, что произошло. Нильсен толкнул Калоева и выбил из рук фотографии. По словам Виталия Калоева, он не помнит, что произошло после этого — Калоев своей вины в убийстве не признал (но и не отрицал). 26 октября 2005 года он был признан виновным в убийстве и приговорён к 8 годам заключения.

25 ноября 2006 года швейцарский апелляционный суд принял решение о пересмотре дела Калоева. Суд отказался отменить решение в отношении российского гражданина, но согласился с пунктом апелляционной жалобы о том, что 8 лет заключения являются слишком большим сроком. 3 июля 2007 года суд высшей инстанции кантона Цюрих, приняв во внимание ограниченную вменяемость Виталия Калоева, связанную со смертью жены и двоих детей в результате авиакатастрофы, постановил, что срок заключения составит 5 лет и 3 месяца вместо 8 лет. Это решение давало Калоеву право на досрочное освобождение. Прибыв в Северную Осетию, он был встречен земляками и с января 2008 года был назначен заместителем министра строительства и архитектуры Северной Осетии.

Так что же хуже - осуществлять самосуд или обратиться в суд и полностью зависеть от судьи и системы?

Лучше отказаться от желания наказать, и постараться уменьшить вред от происшедшего. Если есть необходимость, то конечно обращаться к существующей системе правосудия. Ведь если у человека больное сердце, он же не может перестать им пользоваться. А как бы ни было правосудие больно на всю голову, оно все же является сердцем любого государственного устройства.

А что мешает государству сделать суд более гуманным и объективным, повысить лояльность населения к нему? Этому мешают люди, которые поколениями питаются на этой зловонной и подлой почве. Прокуратура, адвокатура и судейский корпус. Они строго следят, чтобы всё оставалось как преж-

де. А поскольку суды одни из самых сильных и независимых органов государства (гораздо независимее, а значит и сильнее армии), то и защищают они себя весьма эффективно, точнее настолько эффективно, что если бы автор взялся рассуждать так, как он рассуждает о правосудии вообще, о какой-то конкретной судебной системе, его можно было бы призвать к ответственности.

Суды невозможно контролировать и критиковать. Всё, что человек может, это обратиться в суд более высокой инстанции, а там сидят люди с еще более заскорузлыми представлениями как должно отправляться правосудие. Вообще возможность апелляции в большинстве случаев иллюзорна. Чаще всего сама подача в суд высшей инстанции будет сопряжена с серьезными сложностями и препятствиями, не говоря уже о финансовой стороне вопроса. Представьте себе, что обвиненный уже истощен первым процессом и теперь ему надо найти средства на подачу апелляции. Газета Ведомости⁵ пишет: «Шансы осужденных отменить несправедливый приговор в вышестоящем суде невелики. Апелляционные коллегии судов, которые создавались для исправления ошибок, мало изменили обвинительный уклон правосудия: вероятность вынесения оправдательного приговора вместо обвинительного ничтожно мала, а вот оправдательные приговоры отменяются существенно чаще.» В других частях света дела обстоят подобным образом.

⁵ Ведомости. 25 апреля 2018

Судебная система претерпевает самые медленные изменения из всех систем. Ничто не может заставить ее модернизироваться.

Конечно, начинают осуществляться видео заседания и применяются прочие достижения прогресса, но сами принципы более косны, чем каноны православной церкви.

Не помогает и привлечение народа в качестве присяжных. Суд присяжных, другими словами, общественная совесть, очень древнее изобретение. Его истоки скрываются в глубокой древности. Например, Сократа на смерть осудил суд, состоявший из большого числа граждан путём голосования.

Присяжными очень легко манипулировать на всех уровнях. К тому же, если у отдельных людей совесть нечиста, то чем спасёт их общее мнение? А где найти людей с чистой совестью? «Кто без греха, тот пусть первым бросит камень...»

Причем, у присяжных проблема не в подкованности, а в том, что они не могут не выражать усредненных штампов, существующих в обществе. Еврей - торгаш, негр - вор и так далее.

Сам принцип судить порочен, непродуктивен, губелен и вреден. Если подбрасывать жребий, то, думается, эффективность и справедливость некоторых судов будет гораздо выше.

Как же прекратить спор? Как обойтись без судьи, типа библейского царя Соломона, приказавшего рассечь ребенка пополам, чтобы решить кто из двоих женщин его настоящая мать. Обе претендовали на ребенка, анализ ДНК еще не изобрели. Соломон решил, что настоящая мать та, которая попросила не

рассекать ребенка, и отдать своей сопернице, лишь бы он остался жив.

Заложить "прощение" в систему ценностей человека? Обучать прощению людей? Вообще, возможно ли "научить прощению" или это, то что даётся не каждому?

Прощению надо учить не как религиозной истине, а как рациональному подходу. Ведь нет ничего глупее и бесполезнее мести.

Всякий планирующий мстить оказывается на перепутье между желанием отомстить и возможностью простить. Человек у которого есть выбор - это свободный человек. Человек, принявший решение мстить, становится рабом своего решения.

Так что Гамлет накосячил, неверно решая извечный вопрос «быть или не быть» в его аспекте «мстить или не мстить». Выбрав путь отмщения, он, пока добирается до ненавистного дяди, повинного в смерти отца, косвенно и прямо губит не только свою невесту, ее отца и брата, да пару своих друзей, но так же и собственную мать. Немало важно, что в конце пьесы он гибнет сам. Такой результат, казалось бы, должен напрочь отбить желание мстить.

Но будет ли покой в душе человека, пока он не разберется со своими обидами? Ведь месть спровоцирована обидами... Но рациональны ли обиды?

Достаточно обратить внимание на существующую в правоприменительной практике традицию пытаться уладить дела до начала судопроизводства, чтобы понять и представить его оборотную сторону весьма красноречиво. Ведь самосуд рождается там, где уже, казалось бы свершившееся «правосудие», либо изначальное осознание его принципиальной

невозможности делает иной исход немислимым, кроме осуществления принципа справедливости не на основе «объективных» правовых норм, но скорее субъективности морали. На самом деле это скорее всего наиболее древний вид воздаяния за преступления, основанный на природе человеческих взаимоотношений, а не формальностях обезличенной судебной или пенитенциарной машины. На самом деле, чем сложнее и запутаннее процедуры системы, чем более противоречивы общественные представления о добре и зле, воплощаемые в правовых нормах (прежде всего о наказаниях), чем выше уровень коррупции в институтах власти, тем выше вероятность того, что претензии общества и государства на «объективность» уступают место реальности объективной оценки ситуаций со стороны заинтересованных сторон – субъектов. Этот парадокс лежит в основе самосуда в любом обществе. Так возникает, а где-то с течением времени даже укрепляется в культуре реальность «параллельного судопроизводства», восходящая к принципу талиона – первой формы справедливости, известной человечеству. Такая справедливость объявляется государством «аморальной». Но общество, живущее в разладе с государством, дополняет его недостатки собственными нелегальными практиками. Так мораль уходит в подполье и эксплуатируется преступностью.

ГЛАВА 12. «ПО СУДАМ ЗАТАСКАЮ!» – ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ КАК СРЕДСТВА ДАВЛЕНИЯ.

Использование судебной системы как средства давления на оппонента или конкурента очень эффективно как в сфере политики и бизнеса, так и в обыденной жизни. Конечно, такое использование правосудия аморально, неэтично, и незаконно, однако, оно повсеместно встречается и является ведущей проблемой искривления правового поля.

Дело в том, что вне зависимости от того какое решение выносит суд, сам процесс может быть мучительнее наказания или наложенного штрафа. Сам факт необходимости защищаться в суде ставит оппонентов и конкурентов в крайне невыгодное положение.

Кроме того, решения судов могут быть жестоки, несправедливы, политически мотивированы и непредсказуемы. Многие стараются избежать судебного разбирательства и предпочитают уплатить отступные до суда, даже если для этого нет особых оснований. Возникают целые юридические бизнесы, построенные на прямом или косвенном вымогании с использованием системы правосудия, как угрозы, и таким образом, как бы превращая в законный сам факт шантажа и вымогательства. Конечно, в законах прописано, что такое строго запрещено, однако, доказать подобные намерения практически невозмож-

но (иначе бы это использовалось как универсальная защита и отправление правосудия стало бы невозможным).

У нас есть немало примеров, когда суды разоряют бизнес или, буквально говоря, доводят человека до инфаркта.

Агрессоры используют таким образом не само правосудие, а как раз недостаток этой системы. Ведь на судебных процессах до существа вопроса не доходят очень долго, а иногда и вообще, и суть дела ускользает как от судей так и сторон. Замечательный пример - рейдерские захваты, которые характерны не только для стран известных своей коррумпированностью.

Таким образом, атаковав противника несколькими гражданскими исками и добившись возбуждения уголовных дел, можно весьма эффективно его уничтожить вне зависимости от того, что он совершил и виновен он или нет.

И повторим, что это возможно даже в самых что ни на есть некоррумпированных странах, где вовсе необязательно иметь связи в полиции, прокуратуре или в судебском корпусе, чтобы успешно манипулировать системой.

Хотя, конечно, такие связи делают подобное оружие еще более опасным и эффективным, впрочем, везде разные границы дозволенного.

Один бизнесмен сообщил автору, что теперь в России, например, не принято как в девяностые устранять конкурента физически, теперь предпочитают, что называется "присадить", то есть добиться обвинительного приговора в сфабрикованном деле.

Системе правосудия известно такое явление и формально она пытается с ним бороться, но эти попытки и тщетны, и слабы.

Помним золотое правило. Правила пишут те, у кого золото.

Почему бы, прежде чем иск был бы принят, не пройти определенный процесс, при котором необходимо доказать вменяемому юристу, что у человека есть основания на подачу иска? Хотя за это время мошенники уже сто раз перепродадут ваше имущество, пока вы говорите с таким юристом.

В некоторых юрисдикциях существует что-то подобное, но практически не учитывается, что сам факт подачи в суд на человека имеет разное воздействие. Опытному и сильному ответчику может быть это до лампочки, в то время как для новичка это событие может стать серьезной психологической травмой.

Нередко так называемый самосуд (осуществление мести вне стен суда) осуществляется подачей одного или нескольких исков от одного или нескольких истцов, которые в свою очередь могут быть недостижимы для правосудия (например планировать навсегда уехать из страны и т.д.). Таким образом можно ввести человека в значительные траты, только заставив оплатить услуги адвокатов, чтобы подготовить защиту. Основная сумма испрашивается как раз при первичном обращении.

Например, некто решил наказать своего противника. Он организывает подачу множественных исков от разных юридических и физических лиц, договорившись с ними за определенное вознаграждение.

Даже если, что мало вероятно, ответчик сможет доказать, что он подвергся превратному использованию системы против него, и потребовать покрытие судебных издержек, вполне возможно он не сможет их взыскать. Доходное ремесло в руках мошенников и их адвокатов. Хотя особенно опасно если агрессор не имеет цели заработать, а лишь пытается наказать свою жертву.

Так или иначе, система судов очень удобна для манипуляции. Особенно ярко это проявляется в бракоразводных процессах, с которыми теперь сталкиваются несколько раз на протяжении жизни.

Так система правосудия становится стандартным оружием, используемым как раз в полной противоположности с ее назначением и призванием. Особенно это характерно для тех обществ, где судиться модно и судиться любят (Например США).

Кроме того, никто не проверяет состоятельность истца заплатить издержки. Истцом может быть турист или иностранная корпорации, взыскать с которой в принципе ничего невозможно.

Автор часто упоминает в разных своих книгах воспоминание из своего детства, как хулиганы отобрали у него буханку хлеба (чтобы якобы покормить голубей), а потом на земле валялся голубь, убитый этой самой буханкой.

Так вот такой буханкой, призванной накормить, а используемой для убийства, становится система правосудия. Никто не может назвать статистику, сколько суицидов, инфарктов, инсультов, разводов и прочих неприятностей происходят в результате такого использования системы судов.

Считается, что для такой «мести через правосудие» нужно много средств, ведь без адвокатов в суд не пойдешь. Однако совершенно необязательно много тратиться на юридические услуги.

Например, можно дать объявление и нанять молодого адвоката, только что получившего лицензию, еще не имеющего собственной практики. Он вам настроит за копейки столько исков, сколько потребуется и поставит номер своей лицензии если надо. Качество исков не имеет значение. Ведь никто и не планирует разбираться в них по существу. К тому же совсем не нужно объяснять адвокату, что цель вашей деятельности достать противника.

Молодой адвокат рискует потерять лицензию? Увы, он рискует гораздо больше сдохнуть с голоду. Во многих юрисдикциях адвокатов становится так много, что они уже давно не являются примером высокого интеллекта и высокого достатка.

Кроме того и в системе судов по малым искам где адвокат не требуется, путем подачи несколько исков можно достигнуть того же эффекта. Причем до слушания по существу можно не доводить. Достаточно противную сторону заставить потратиться на адвокатов.

Опять же судья может наказать за такую манипуляцию, но если делать это через подставных лиц - то вероятность каких-либо последствий для инициатора нулевая.

Мы уже не говорим об обращении в полицию с ложными или полужложными обвинениями. Опять же, наиболее модно применять эти методы в семейном праве и в бизнес конкуренции.

Практикующие юристы нам возразят, что исходя из их опыта дела слушаются реальные, судьи вменяемые, решения эффективные. Возможно, признают только судебную волокиту. Но и её похвалят за то, что противоборствующим сторонам даётся время остыть. Ведь обиженную сторону успокаивает сам факт «мы подали в суд!» и это выпускает пар.

Но стоит ли полагаться на мнения юристов? Ведь кошку не оставляют стеречь молоко... Стоит послушать пострадавших от системы правосудия и, в первую очередь, от самих адвокатов.

Кроме активной агрессии систему правосудия можно использовать и тем, что самому постараться стать неуязвимым для неблагоприятных решений судов (прятать собственность, находиться за границей, иметь статус неприкосновенности, и так далее.)

По логике вещей, нельзя допускать исков между неравными сторонами, как не допускают поединков между борцами в разных весовых категориях, или по крайней мере сторонам должны предоставляться одинаковые ресурсы на ведение процесса. Но такая практика неравенства противостояния в системе правосудия встречается сплошь и рядом. Например, в уголовной практике истцом практически во всех системах законодательства является государство, или то, что его символизирует (например «Корона» в Великобритании и странах Содружества).

Предоставление бесплатного адвоката – это насмешка над попыткой сделать процессы, инициированные государством против индивида, справедливыми.

Дурное использование судебной системы обусловлено уровнем конфликта: бытовой, бизнес, корпоративный, государственный.

На каждом уровне играет роль размер доступного бюджета, степень индивидуальной подготовки участников, их изобретательность, и если хотите, степень их аморальности.

На бытовом уровне избежать проблем либо урегулировать их проще всего.

Нанять толкового юриста, объяснить и доказать несостоятельность оппонента судье, наконец, просто выяснить дело до конца с оппонентом.

Во многих случаях помогает.

Суд, как относительно самостоятельная и саморегулируемая система, не любит возмущений, то есть работы.

Будучи выведенной из равновесия, то есть, получив известную порцию исковых заявлений, ходатайств и прочее, система стремится от них как можно быстрее избавиться, оставив без движения, рассмотрения, быстро отказав, и так далее.

Так, недобросовестные иски должны оставаться без рассмотрения, а по усмотрению суда, заявившая их сторона может быть наказана. Деньгами, процессуальными ограничениями и прочим.

Можно также затягивать процесс, заявляя бесконечные ходатайства, прося вызвать дополнительных свидетелей, истребовать дополнительные доказательства, перенести слушание -- в надежде, что противная сторона бросит процесс и проиграет.

Использование юридических и иных знаний, плюс известный бюджет позволяют нечистоплот-

ным дельцам захватывать предприятия , уходя от всякой ответственности.

Борьба с ними затратна, опасна и требует команды подготовленных профессионалов.

Длительность такой борьбы может легко превысить десять и более лет.

В России издаются учебные пособия для рейдеров.

Например, толстенная книга Ионцева «Корпоративные захваты: слияния, поглощения, гринмэйл».

Остается только поражаться степени разложения общественной морали.

Вот пример из практики

Господин А владеет заводом, у него 99% акций.

Господин В, Плохиш, хочет завод отнять.

Господин В выкупил 1% акций.

Господин В подал иск против Господина А по надуманным основаниям. Де- Господин А взял у Господина В табуретку и не вернул.

Господин В потребовал наложить обеспечительные меры на имущество Господина А, в т.ч. его акции. В т. ч, в части пользования ими.

Господин А на время утратил возможность голосовать на собрании акционеров.

Господин В проводит внеочередное собрание акционеров завода, где у него на время образовался контрольный пакет.

Одобрена крупная сделка - продажа основных активов завода подставному лицу.

Пока Господин А борется с бессмысленным иском и выигрывает, завод перепродается несколько раз.

Отсудить его у добросовестных приобретателей - дело почти безнадежное.

Мавр сделал свое дело, мавр может уходить.

По сути, судебная система рождается из стремления к сведению личных счётов. Это весьма широкая сфера общечеловеческого взаимодействия. Каждая сторона которого нуждается во вмешательстве государства посредством принятия общепринятых легальных норм, которые призваны не позволять личному произволу перейти некие весьма условные приемлемые границы. Кроме того, государство по своей природе стремится к контролю за сферами личной жизни каждого индивида. Но в итоге всегда получается наоборот: хвост начинает сложнейшие и часто злокачественные манипуляции с собакой. Каждая личность, включённая в общественные отношения, постоянно балансирует на грани преступления закона. Нащупывая методом проб и ошибок, противостояний и взаимодействий незримо протянутые границы, люди включают установленные законом правила в клише собственного произвола. Межличностные отношения, основанные на психологии и мотивированном выборе, становятся главным полем битвы интересов, амбиций, потребностей, устремлений. Судебная система становится при этом своего рода «пугалом» с одной стороны и «сторожем» с другой, позволяя уничтожить оппонента либо его нейтрализовывать и изгонять. В одних случаях нужно избежать процесса в формальных рамках – а в других, наоборот, намеренно спровоцировать и довести до желаемого результата.

ГЛАВА 13. НЕВОЗМОЖНОСТЬ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРИНЦИПА НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕЙ.

Итак, общество решило доверить одному человеку судить другого. Для этого приводится немало оснований. Например, что должно же быть какое-то упорядоченное устройство общества, должен быть кто-то, на кого возложено непосильное бремя выносить трудные решения по всей строгости закона. А чтобы обеспечить декларируемый принцип справедливости правосудия, провозглашается принцип независимости судей.

Основные принципы независимости судебных органов приняты седьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями.

Звучит очень замечательно. Но может ли судья быть действительно независимым? Вообще, обычно люди, которые занимают такой пост как судья, заявляют, что судят людей не они, а судит закон, которого эти судьи придерживаются и всегда на него опираются и ссылаются. Также судья опирается и на собственную совесть, иначе закон становится бездушным оружием, и мог бы использоваться компьютерным судьей, а не человеком. Кстати интересная идея, которую мы обсудим в главе «Правосудие будущего». Даже оторопь берет оказаться судимым компьютером, но, когда подсудимый стал-

кивается с очевидным предвзятым отношением судьи, пожалуй, он мог бы предпочесть и такой фантастический вариант. Но тот же компьютер будет запрограммирован людьми. Да и те же самые законы написаны людьми, и получается парадокс, если, скажем у судьи возникает конфликт между его совестью и законом, у компьютера такой конфликт невозможен.

Итак, для того, чтобы один человек мог судить другого человека, его надо определенным образом подготовить. Возможно, у судьи есть все полномочия судить, придерживаясь определённого порядка, но может ли человек, которым судья является, быть действительно беспристрастным, то есть судить не осуждая, то есть не полагая, что подсудимый хуже него самого, что сам-то судья бы такого преступления не совершил. Если судья так думает (а иначе он думать не может, потому что, полагая, что и сам бы совершил такое же преступление, судья теряет моральное право судить) это уже пристрастие, которое безусловно влияет на принятие решения. Как же живого человека превратить в судью? Очень просто. Уничтожить в нем человека. Другого выхода не представляется возможным. Ибо человек со всеми его пороками, сомнениями, вкусами и мнениями не может быть независимым и беспристрастным.

То есть судья, перестав быть человеком, уподобляется инструменту компетентных органов власти, пусть и не напрямую, но, безусловно влияющих на принятие его судебных решений.

Но что делает судей компетентными? То, что получили должное образование; то, что не поддаются человеческому фактору, но при этом остается чело-

веком. Тут на помощь приходит формализм. Как мантра повторяется приверженность букве закона, мол, это не я так сказал, это закон так требует. Но это же фикция, иллюзия, жалкое оправдание.

То есть система, предполагающая компетентность и независимость судей не дает никаких реальных гарантий.

Прочитируем Адвоката Константина Добрынина:

«Из независимой власти, вершащей независимый же арбитраж между обществом и государством, суд преобразовался в некую контору с реквизитами — мантия, молоточек и «Ваша честь» — занимающуюся оформлением обвинительной воли в акты как бы правосудия. Судейский корпус окончательно окуклился, превратившись в закрытую касту-секту, пополняемую преимущественно методом служебного «инцеста», когда судьями становятся в первую очередь судебные секретари и помощники, с молодых ногтей впитавшие в себя вот это всё и искренне считающие, что таков и есть настоящий суд.»

Все строится на декларативном праве сильного властвовать над слабым. Но и сила сильного весьма эфемерна, ибо по сути абсолютное меньшинство властвует над большинством, якобы от его же имени. Не значит ли это, что сам принцип независимости судей есть ничто иное, как лживая иллюзия, не имеющая под собой ничего, кроме деклараций? Тем самым более сильные и независимые органы власти подавляют более слабых людей и тем самым показывают свою власть и что может произойти с любым, кто осмелится даже не пойти против системы, а просто оказаться в ней в качестве подсудимого. И

тут гарантом справедливости выступает независимость. А так ли хороша независимость? Разве это не повод для сумасбродства?

Адвокат Константин Добрынин пишет: «Судьи подвешены на двойной крюк высокого пожизненного содержания, неусыпного надзора и контроля со стороны реальной власти за их «правильным поведением» в важных для этой власти вопросах и делах. Как следствие — профессиональная деградация, выгорание... ну, и какое уж тут правосудие? Ушедший в отставку судья полностью выкидывается из профессии: если он вдруг захочет стать адвокатом, то автоматически теряет статус, а вместе с ним и завидную пенсию. Единственное, что ему остаётся, это писать, в лучшем случае — преподавать, но не практиковать и тем более — не защищать. Поэтому юридического сообщества фактически нет — оно расколото.»

Как мы обсуждали ранее в прежних главах, интерпретация законов может быть практически любой. При желании что угодно можно вывернуть так как пожелает наш изворотливый разум.

Мы, обычный народ, само собой находимся в большинстве, но нами руководит меньшинство людей, которые имеют власть и силу достаточную, чтобы одолеть каждого из нас. Меньшинство - тот самый знаменитый Тараканище из сказки Корнея Чуковского, требующий привести наших детушек, и угрожающий, что он их за ужином скушает.

Не является ли намерение и согласие судьи судить другого человека еще большим преступлением, чем любое преступление подсудимого?

Вы бы хотели стать судьей? А палачом? Что, если представить фантастическую ситуацию, в которой никто в мире не захотел быть стать судьей?

Интересно заглянуть в душу судьи. Насколько нужно быть уверенным в своей правоте, чтобы узаконивать насилие над другим человеком? Например, в случаях, когда доподлинно известно, что в тюрьмах в той или иной юрисдикции царствует насилие, в том числе и гомосексуальное. Судья, вынося приговор, фактически обрекает свою жертву (иначе не назовешь) вовсе не на то наказание, которое прописано в уголовном кодексе, а на фактическое насилие, вероятность которого очень высока. Причем жертва скорее боится не наказания, прописанного в кодексе, а именно этого неформального унижения и насилия.

Человека, грубо говоря, отправляют, на смертную казнь, если и не физическую (хотя и такое может случиться в тюрьмах), то уж точно на психологическую, эмоциональную.

Если судья должен судить только по своей совести и в соответствии с законом, то где гарантия, что его совесть на определенном заседании не даст сбой и не отклонится от недостижимого идеала абсолютной совести, как она представляется, и что его способность интерпретировать закон не будет подвержена искажению, скажем в результате несварения желудка, или неудачного утреннего сексуального опыта судьи с его располневшей супругой.

Может ли судья действительно не зависеть ни от внешних, ни от внутренних влияний - новостей, событий в личной жизни, или просто от состояния здоровья, настроения, наконец? Не честнее ли про-

сто подбрасывать жребий, и в соответствии с этим решать кто виновен, а кто нет?

И самое страшное, что когда автор пытается обсудить эти сомнения с юристами, те поступают как истинные юристы, то есть пытаются дискредитировать автора, что мол он недостаточно знаком с нормами права. Словно бы это некое посвящение в таинство, от которого откроется третий внутренний глаз и узаконенная подлость судить превратится в добродетель.

Прижатые аргументами автора, юристы отмахиваются, что всё это философия, и к практике жизни не имеет отношения, но соглашаются, что судьи, дескать, особые люди, живут в словно бы другом мире и видят вещи иначе, чем все остальные люди. Тут уж недалеко и до божественного права.

В теории, в суде, решают дело только три вещи: судья выносит финальное решение, закон на который он ссылается и доказательства, которые указывают или не указывают на вину подсудимого

Но это конечно не так, ведь субъективность лежит в самой основе человеческих отношений и суждений. И самое страшное, что эту систему невозможно изменить изнутри, как, впрочем, вряд ли можно изменить и извне.

Кроме всего вышесказанного, нужно отметить и следующее. Согласно современным конституционно-правовым принципам, судьи назначаются по представлению главы исполнительной власти и утверждаются законодательной властью. Это уже означает политическую ангажированность с одной стороны и продукт компромисса заинтересованных сторон с другой. Иными словами судебный корпус

отражает в своей массе соотношение политических сил на момент назначения каждой отдельно взятых кандидатур. Судьи также должны обеспечивать судопроизводство, исходя как из корпоративных интересов, так и общественного мнения. Они также должны в определённой степени интерпретировать те узкие рамки законодательных норм, в которые заключена их деятельность, а также принимать во внимание мнения судей, высказанные ранее, причем не только в системах с прецедентным правом. Они должны обеспечивать равновесие на процессе сторон защиты и обвинения. Помимо этого, трудно проследить за тем, насколько те или иные судьи не связаны в реальности с группами интересов или не подвержены стороннему влиянию, в том числе и посредством коррупции.

В этих условиях ни о какой независимости судей говорить нельзя. Это не просто иллюзия, а наглый и беспринципный обман.

ГЛАВА 14. ПРОИЗВОЛ И САМОДУРСТВО СУДЕЙ.

С судьями невозможно спорить, за ними всегда последнее слово. Нет эффективных способов противостоять судье. Способы, которые, обычно, предлагаются законодательством существуют по большей части формально.

Оспаривание решений судьи в судах высшей инстанции обычно никак на этого судью не влияют и чаще всего не могут изменить ни его поведения, ни подходов. Судьи в большинстве случаев имеют статус неприкосновенности и на них самих не представляется возможным подать в суд.

Безнаказанность со временем начинает действовать на любую психику, даже изначально здоровую.

Было бы неплохо провести широкие исследование психического здоровья и психологического состояния судей, занимающихся судейством долгое время.

Вот вам шутка, иллюстрирующая безнаказанность судей. В зале суда звучат слова:

— При помощи молотка вы убили десятки человек и ограбили сотни. Что вы можете сказать в свое оправдание?

— Подсудимый, сядьте и перестаньте паясничать.

Авторитарность, запелляционность, взгляд с высоко - вот лишь некоторые свойства характера

судей, с которыми мы сталкиваемся побывав на процессах, и неважно в какой стране мира. Причем в некоторых западных культурах, где развито при творство и лицемерие, вы можете встретить нарочито вежливых судей с ласковым голосом, которые по сути наслаждаются тем, что внезапно из под этой личины добряка выскакивает острый кинжал правосудия.

Статус судьи даже лучше, чем статус главы государства. Судью нельзя критиковать. Причем увеличение числа судей на процессе не спасает. Так делается в судах более высокой инстанции. Более того, обычно в Верховных судах мира по 9 - 12 судей.

Согласно законодательствам разных стран, судьи в своей деятельности связаны нормами права и принимают решения на основании внутреннего убеждения. Но если принято откровенно неправосудное решение, не подкрепленное доказательствами в нарушение материальных и процессуальных норм – неужели и тогда судьи останутся безнаказанными?

В законах установлено, что все судьи независимы. Судебная власть является последней инстанцией, определяющей законность того или иного действия или события. Независимость судей обеспечивается способом их назначения и освобождения от должности. Но говоря о независимости, мы не должны понимать ее буквально – по общему правилу, судьи все же зависимы, но не от назначивших их органов или должностных лиц. Они должны быть абсолютно зависимы от закона.

Поэтому не важно, сколько судей вы соберете вместе. Вспомните знаменитые тройки. Так называли трибуналы времен великих сталинских репрес-

сий. Ну, и что, что там было трое судивших? Результат в большинстве случаев был неутешительный.

Или вспомните суд над Сократом. Решение о смертной казни было вынесено множеством судей. Если у вас одна кобра, то факт, что вы заведете еще двух, вовсе не лишит их яда, а лишь увеличит его количество.

Все люди неидеальны, но не может быть что все судьи такие ужасные как мы их описываем. И нельзя же вообще отменить судебный процесс! Какие мы предлагаем альтернативы? На этой стадии мы ничего не предлагаем, а просто обозначаем очевидную проблему, о которой, как ни странно, мало кто говорит.

На деле судьи практически недосыгаемы для «простых смертных», поскольку привлекают судей к дисциплинарной ответственности крайне выборочно. В каких-то случаях судей увольняют за незначительные недочеты в деятельности, при этом не трогают тех, кто допустил серьезные нарушения материальных и процессуальных норм.

Чем судья отличается от палача? Только тем, что палач обязательно казнит, а судья может помиловать. Значит судья хуже палача, потому что свободен в принятии своего решения. Не всё, что выглядит торжественным и блестящим (как судьи и суды), не является адской машиной насилия.

В конечном счёте может судья ничем и не отличается от палача, но то что судья сам лично и прямо не причиняет физического вреда подсудимому, влияет на его решения. Намного труднее самому убить человека, чем приказать это сделать кому-то друго-

му. Ну, если разговор, конечно, идёт о смертной казни

Кстати, практикующие юристы в частных беседах с автором соглашаются с тем, что если, например, в результате процесса у подсудимого случится инфаркт, потому что поведение судьи будет указывать на очевидную предвзятость его отношения, то, совершенно очевидно, что судья не будет считаться его убийцей, хотя по факту, является таковым.

Или если парня судья пошлёт в тюрьму, где его с большой степенью вероятности подвергнут избиениям и изнасилованиям? За это тоже никто не ответственен? Может быть лучше, чтобы судьи сами осуществляли такое наказание – били и насиловали осужденных прямо в зале суда? Некрасиво? Зато честно, а главное наглядно.

Юрист из России сообщил автору, что некоторые обвиняемые вообще не доживают до суда. Если кого-то обвиняют в растлении и насилии над малолетними, их находят в камерах повесившимися. Это общая практика и весьма частое явление, а точнее самосуд, осуществляемый уголовниками, скорее больше для развлечения, чем из чувства справедливости, причем их вовсе не интересует, доказана ли вина в суде. Обвиняется – значит виновен.

И такое происходит сплошь и рядом, по словам этого юриста.

И это уже вина системы, не только судебной, но и социальной, нравов и обычаев общества.

Обратите внимание: даже если судья совершает преступление по ст. 305 УК РФ, которое доказало следствие, прокуратура и признала квалификационная коллегия – совершенно не гарантирован обви-

нительный приговор, ведь судят судей, как вы догадываетесь, тоже судьи!

В марте 2011 года судья Кировского районного суда Новосибирска И. Глебова приняла решение о восстановлении родительских прав наркомана, который уже три раза до этого был привлечен к уголовной ответственности. Через 2 месяца после решения отец-наркоман убил ребенка. Выяснилось, что судья разрешила дело без прокурора на основании поддельного заключения о том, что прокуратура не возражает против восстановления в родительских правах отца. Поразительно, но Глебову признали невиновной и оправдали.

Однако это не означает, что нам нужно опускать руки и ничего не делать. Мы по крайней мере должны говорить о существующей проблеме, не дожидаясь пока беда придёт и в наш дом. От судейской несправедливости не застрахован никто. В гражданском обществе люди должны знать, что их права неприкосновенны.

Очень трудно передать то чувство, тот вред, который наносится психике подсудимого, когда он чувствует к себе предвзятое отношение судьи. Когда он обвинён и не имеет фактической возможности ни оправдать, ни объяснить свои действия.

Потому что только неразумный болван примется пытаться что-то объяснить судьям. Те накажут за саму попытку открыть рот. Для этого, кстати, и есть адвокаты, чтобы они говорили вместо обвиняемых и не нарушали покой судей своими воплями, неукладывающимися в рамки юридических разглагольствований.

Читатель, вас когданибудь судили? Вы когда-нибудь присутствовали в зале суда, когда судят вашего близкого? Личный опыт это великое средство изучения мира. Ваша вера в непогрешимость системы быстро развеется, как только вы окажетесь вовлеченным в неё либо в качестве обвиняемого, либо в качестве его близкого человека.

То, как отправляется правосудие, недопустимо. Это узаконенное зло. Да, без какой-либо системы было бы ещё хуже. Но если вам дали тухлую пищу и заставили есть, сказав что без пищи вы вообще умрете, было бы то же самое, когда говорят, что пусть система правосудия несовершенна, но без неё был бы хаос. Никто не говорит, что ее надо отменить. Надо менять и улучшать.

Если, скажем, вы молодая симпатичная умная девушка и мир относится к вам совсем не так, как относился бы к человеку неприятной наружности. У вас заведомо ложное представление о том, как люди относятся друг к другу.

Например, если вас остановит полицейский за превышение скорости, и вы сделаете ему бровки домиком, то вероятность того, что вас отпустят без штрафа гораздо выше, чем если на вашем месте будет серый и неприятный человек.

Конечно, автор сам стал жертвой системы правосудия, поэтому и пишет эту книгу столь эмоционально. Автор содержал в собственном доме приют, спасал бездомных много лет, его осудили по надуманному обвинению в незаконном получении пособия по бедности, а приют закрыли.

Из личных впечатлений автора - ощущение беспомощности, невозможности ничего объяснить. Вот

сидит перед тобой судья и смотрит своими стеклянными глазами, а тебе никто не даёт даже рта открыть, а адвокат, вместо того чтобы тебя защищать, сам же на тебя давит и запугивает, чтобы ты признался в том, чего не совершал.

А преступление твое всего лишь - получение пособия по бедности, чтобы кормить бездомных иммигрантов-нелегалов!

И это при том, что пьяница сын адвоката сам совершает точно такое же преступление, получает фиктивно пособие по бедности, имея и скрывая доход. И адвокат не стесняется и спокойно обсуждает это при тебе.

И тебя осуждают и тем уничтожают не потому, что им есть какая-то выгода, а просто так, а почему бы и нет, раз уж попал в систему. И кто в ответе за тех бездомных, которые умрут, не найдя приюта? Наличие приюта не учитывается. Оно не имеет отношения к делу. Более того, не законно. Ведь по закону можно селить в доме только определенное число лиц.

Это ощущение беспомощности повторялось многократно, когда автору приходилось бывать в судах для своих бездомных подопечных. Или когда у матерей необоснованно отбирали детей и передавали их на усыновление чужим людям. Бракоразводные процессы тоже со страшной степенью отвратительности позволяют вкусить весь смрад правосудия.

Молоденький адвокат как-то в сердцах сказал автору: «Вы что, пришли в суд за справедливостью?»

И это не просто ощущения, это убежденность, основанная на фактах и на огромном отрицательном опыте.

Судьи так или иначе представляют собой субъективных человеческих существ со своими собственными чувствами и предпочтениями. В идеале они должны стремиться к абстрагированию личных качеств от качества судопроизводства во имя соблюдения принципа справедливости. Однако часто их конечные решения мотивированы именно этими субъективными, а подчас и ситуативными оценками и суждениями. Показательно, что нередко трудно вообще отследить, насколько те или иные судьи ошиблись в определении как вины подсудимых, так и меры наказания, сколько невиновных людей было осуждено тем или иным судьёй, и главное, сколько судей в реальности понесли ответственность за неверно вынесенные приговоры (если такой тип ответственности вообще предусмотрен...) Обычно судьи не судятся. Их решения воспринимаются как само собой разумеющееся. А любые кассации приговоров могут происходить только, подчёркнуто в рамках той самой судебной системы, которая, в лице каждого данного судьи, уже вынесла решение и практически не имеют шансов на пересмотр.

ГЛАВА 15. СУДЕБНЫЕ ОШИБКИ НАМЕРЕННЫЕ И НЕПРЕДНАМЕРЕННЫЕ.

Человеку свойственно ошибаться, поэтому не удивительно, что судебные ошибки -- весьма реальная опасность любого процесса. Кстати, именно поэтому во многих юрисдикциях отменена смертная казнь или на нее наложен мораторий, ибо такая ошибка может стать непоправимой, роковой. И, если ознакомиться со статистикой ошибок, то не сложно разочароваться в надежности правосудия. А ведь это только те случаи, которые дошли до внимания общественности. В последние годы судебная экспертиза биологических материалов на уровне ДНК позволила пересмотреть приговоры многим ошибочно осуждённым.

В американских тюрьмах содержатся более 3 тыс. осужденных к смертной казни. Десятки из них стали жертвами судебных ошибок, сообщил интернет-сайт издания "Труды Национальной академии наук США".

"Против них имеются лишь косвенные доказательства, убедившие суды в том, что именно они совершили ужасные преступления, за которые предусмотрена смертная казнь, - отмечает авторитетное издание. - Современные методы криминалистики, такие как анализ образцов ДНК, помогают находить истину".

В подготовке исследования были задействованы ведущие американские юристы, прежде всего адвокаты. По их мнению, количество невинно осужденных на смертную казнь может превысить 4% от общего числа ожидающих приведения приговоров в исполнение.

Официальная статистика подтверждает, что число судебных ошибок в США остается высоким. За последние десятилетия было оправдано почти 2% приговоренных к высшей мере наказания, а 36% из них мера пресечения была заменена на длительные сроки заключения.

Смертная казнь в качестве высшей меры наказания действует в 32 из 50 штатов США.

Соединенным Штатам принадлежит мировое лидерство по количеству заключенных. В стране с населением 328 миллионов граждан за решеткой находятся около двух с половиной миллионов человек. В прошлом году в США было вынесено 79 смертных приговоров.

Несмотря на то, что за последние годы число смертных казней в США сокращается, практика «легального убийства» продолжается. По данным Амнести Интернэшнл, в 2015 году в Соединённых Штатах было совершено 28 казней и вынесено 52 смертных приговора. Количество казнённых американцев превысило число официально подвергнутых высшей мере наказания в таких странах, как Афганистан, Зимбабве, Ливия, Уганда и Сомали.

Как отметили в Информационном центре по вопросам применения смертной казни, с 1976 года по 2016 год в США было казнено 1437 человек.

При этом сама эффективность применения смертной казни вызывает сомнения. Так, по данным исследования, проведенного в 2009 году экспертами Северо-Западного университета (штат Иллинойс), 88% опрошенных специалистов в области права отрицали, что смертная казнь снижает уровень преступности. По мнению 91% респондентов, политики, выступающие в поддержку смертной казни, используют её как политический инструмент, доказывая тем самым свою приверженность борьбе с преступностью. Кроме того, экспертов спросили, влияет ли положительно применение смертной казни на уровень убийств. Никто из них не дал утвердительного ответа.

Почему случаются судебные ошибки? Ошибочная экспертиза, оговор, заблуждение суда или давление следствия — причины разные, независимо от стран.

Нередко, прочитав обвинительные материалы, обвиняемые поражаются, как следователь и прокуратура интерпретируют действия подсудимого, словно бы речь шла о продуманном преступлении, связывая воедино целую цепь случайностей или непреднамеренных действий. Под их пером всякое действие становится преступным.

Можно добавить насчет обыкновенных действий интерпретированных, как преступные. Если вы слышали про окно Овертона, то знаете, что любую мерзость можно превратить в норму, также как и любую невинную шалость можно превратить в преступление века. Эта пластичность интерпретации законов, к сожалению, играет на руку только власти имущим, которые используют несовершенства си-

системы иногда в своих очевидных, а иной раз в неведомых интересах.

Мы наблюдали это во время пандемии коронавируса. Невинная прогулка вдали от дома интерпретировалась как попытка нарушить карантин и заразить других членов общества. В некоторых случаях предполагалась даже уголовная ответственность за намеренное заражение.

Почему массовые убийства в мире остаются без внимания, при этом люди получают реальный срок за репост в Твиттере или за прогулку?

Проблема системы правосудия заключается в том, что она создана для того, чтобы осуждать, а не для того, чтобы оправдывать. Оправдательный приговор говорит о плохой подготовке обвинения, и о плохо проведенном следствии.

Таким образом машина государства работает на то, чтобы суды как можно чаще выносили обвинительные приговоры.

И тут мы сталкиваемся с фактом, что система, имеющая неограниченный опыт и ресурсы действует против индивида с крайне ограниченными ресурсами. Предоставляемый государством защитник обычно не может и не желает производить полный объем действий необходимый для защиты.

А если человеку приходится защищаться частным образом, то защита обходится в непомерную сумму, особенно в странах где адвокатские услуги дороги, и в случаях, когда необходимо приглашать дорогостоящих экспертов. Да, тема государственных и частных защитников достаточно интересна. Так как в любом случае обоим платят вне зависимости от исхода дела. Проблема в том, что частным

платят гораздо больше, что превращает судебную систему в базар, где отчаянно пытаются купить свободу, а иногда и жизнь.

Далее мы будем говорить, что система пытается всеми возможными силами надавить на подсудимого, чтобы он признал вину сам, и если уж этого не происходит, то прилагает максимальные усилия, чтобы человека обвинить.

Нередко человек ведёт обычную жизнь и совершает действия, как и миллионы других людей, особо не задумываясь, что они могут быть интерпретированы как преступные.

Пример такой судебной ошибки автор приводит в своем детективном философском романе "Южные Кресты". Основан роман на фактических событиях, когда приятеля автора арестовали при въезде в Новую Зеландию по обвинению в торговле людьми. А он лишь помог попутчикам с английским, за что ему дали в турагентстве бесплатный билет. То есть любой человек согласился бы на такие условия. Но попался только он. У попутчиков оказались купленные поддельные паспорта. Человеку в чужой стране грозил срок в 20 лет.

В конце концов его вынудили признать вину и дали три года, из которых он отсидел около двух. Апелляция была безуспешна.

Если вернуться к теме ошибок, то по той же логике, как во многих юрисдикциях отменяется смертная казнь, прежде всего даже не по гуманитарным соображениям, а из-за страха судебных ошибок, следует пересмотреть и весь процесс системы правосудия, признавая, что эта система не может и не должна никого судить. Она должна

устранять последствия агрессивных действий, изолировать опасных людей, но без наказания и ущемления их свобод в рамках такой изоляции, но не как не осуждать, не клеймить и не угрожать никакими наказаниями.

Тем более что в цивилизованных странах преступники уже не боятся тюремного заключения, относясь к нему чуть ли ни как к отдыху на курорте.

Судебная система не любит, когда ей указывают на её ошибки, особенно, если общественность имеет хотя бы какой то вес, как в либеральных обществах

А в нецивилизованных странах боятся не самой тюрьмы, а тех издевательств и насилия, которые она с высокой степенью вероятности предполагает. А это, как мы говорили, уж никак не предусмотрено в качестве наказания ни в одном уголовном кодексе мира.

Заметьте, что в авторитарных обществах, типа Китая и Северной Кореи смертная казнь не отменена именно по причине того, что судебная ошибка не вызовет никакого общественного резонанса

Ценность человеческой жизни вообще весьма новая и отнюдь не универсальная концепция, как это ни кажется странным, ибо на практике она принята далеко не всеми сообществами.

То есть декларативно мы найдем право на жизнь наверняка во всех конституциях мира. Но в какой-то людоедской стране ценность человеческой жизни на практике воспринимается как нонсенс.

Если не представляется возможным перестать судить и осуждать, то хотя бы надо перестать премировать и поощрять полицию и прокуратуру за количество обвинительных приговоров.

Наоборот, суды должны поощряться за справедливое ведение дел, благодарность подсудимых, а не за максимальное число обвинительных приговоров. Опять же это будет невыгодно государству, которое как раз и использует обвинительные приговоры, как средство контроля определенных групп.

Как люди не поймут, что как бы они ни были, по их мнению, защищены от уголовного преследования своим статусом, знакомствами и деньгами, рано или поздно это может случиться с каждым. Судебная система давно стала механизмом давления на политических оппонентов и на конкурентов в бизнесе.

В предыдущих главах мы обсудили, что принцип преступление и наказания во многих случаях больше не работает. Этот принцип очень древний, происходящий еще из законов Хаммурапи 4-х тысячелетней давности и из библии с ее оком за око и зубом за зуб. Как мы говорили, устрашающая функция наказания слабеет по мере того, как мы перестаем прилюдно сажать преступников на кол, рубить головы, четвертовать, сжигать на кострах, вешать или расстреливать. А когда мы разбирали причины того, почему люди воздерживаются от преступлений, стало очевидно, что страх наказания отнюдь уже не является ведущей причиной.

По мере гуманизации и виртуализации общества страх перед тюремным заключением и вовсе будет исчезать, особенно, если в тюрьмах разрешают пользоваться компьютером и Интернетом (какая разница где находиться в виртуальном мире), при том что экономическая целесообразность такого наказания отсутствует, ибо достойное содержание в тюрьме обходится государству очень недешево.

Причина непреднамеренных ошибок чаще всего человеческий фактор, может человеческий фактор служить причиной преднамеренной ошибки?

Хотя впрочем, преднамеренных судебных ошибок не существует. Это называется подлог, уничтожение доказательств, или их фальсификация.

В 2006 году суд в Далласе (США) оправдал 57-летнего Ларри Фуллера. К тому моменту мужчина 25 лет провел в тюрьме. По версии следствия, он ворвался в квартиру к 37-летней женщине и, угрожая ножом, изнасиловал. Долгие 25 лет мужчина доказывал свою невиновность. И когда окружная прокуратура все же провела дополнительное исследование по ДНК, он наконец добился оправдания. «Спасибо. Извинения приняты», — только и сказал Фуллер. На тот момент он оказался десятым оправданным только в одном округе Даллас благодаря ДНК-тесту.

В США, например, есть целый проект под названием «Невиновность», где специалисты с помощью более точных экспертиз, а именно по ДНК, добиваются пересмотра дел. И есть база таких случаев: кто-то добился правды через 5, а кто-то — через 35 лет за решеткой.

По данным проекта, более 350 человек были оправданы благодаря повторной экспертизе (в том числе 20 осужденных на смерть).

Вот еще один случай из Америки, штат Флорида: Джеймс Бейн, в 19 лет его судили за похищение и изнасилование мальчика. Лишь 35 лет спустя уже исследование по ДНК показало: его следов не было. Прокурор поддержал эти доводы, в итоге суд оправдал мужчину.

Еще один случай потряс Польшу. Весной 2018-го, после 18 лет в тюрьме, был оправдан Томаш Коменда.

23-летним парнем он попал за решетку по обвинению в убийстве 15-летней жительницы небольшого городка. Несколько раз фигурант пытался покончить с собой в тюрьме, а тем временем его мать добилась пересмотра дела. И прокуратура представила новые факты: оказалось, анализ по ДНК преступника был тогда настолько неточным, что мог совпадать с ДНК трех разных людей. Суд пришел к выводу: человек невиновен, а улики, возможно, были сфабрикованы. Вскоре началось расследование по делу о фальсификации доказательств. И задержали другого подозреваемого — местного жителя, не раз судимого за изнасилования, который изначально проходил свидетелем по делу.

Два случая в Китае: суд признал ошибки, но осужденных уже расстреляли

В декабре 2014-го в Китае был оправдан мужчина, которого расстреляли 18 лет назад за убийство и изнасилование женщины.

Спустя два года, в 2016-м, Верховный суд Китая оправдал другого мужчину, который был казнен 21 год назад. Молодого человека расстреляли в 1995 году за убийство и изнасилование женщины. Казненного оправдали посмертно.

По данным правозащитников, в Китае совершается рекордное число казней в год, Пекин, однако, не раскрывает официальную статистику — это считается гостайной. По данным международной правозащитной организации Амнести Интернэшнл, счет казней в год идет на тысячи.

Еще один невинно осужденный в России принципиально добился компенсации — причем пока крупнейшей, из известных, за историю страны. Житель Татарстана Евгений Веденин (тогда ему было 25) попал за решетку по обвинению в убийстве начальника службы безопасности нефтяной компании «Татнефть» Александр Калякина весной 2001 года.

Мужчина наверняка провел бы все 15 лет в колонии, если бы не случай: в Санкт-Петербурге задержали банду, на счету которой были заказные убийства. Один признался, что исполнил как-то заказ на охранника «Татнефти». На следственном эксперименте всё подтвердилось, и тамошние сыщики довели дело до логического конца. Двое киллеров были осуждены на 21 и 13 лет, а организатор — на 19. Заказчик погиб ранее в разборках.

После почти 4 лет в колонии мужчина отсудил у государства 1 миллион российских рублей (около 40 тысяч долларов на тот момент). Суд и лично судья, которая выносила решение, извинились перед Ведениным, но в местной полиции — нет. Там рассуждали, что его невиновность еще под вопросом, а даже «если бы он не сел за это преступление, сел бы за другое» — мол, не так чиста его биография.

За время на зоне мужчина потерял отца — тот не пережил горя и позора, его оставила жена.

Юристы поясняли: наказать судью за неправильное решение можно лишь в случае, если он сознательно пошел на это. А не совершил ошибку.

А французский фермер Лоик Сешер добился почти 800 тысяч евро компенсации за 7 лет в колонии.

По приговору он должен был провести там вдвое больше.

Мужчину судили за насилие и сексуальные домогательства, в которых его обвинила 14-летняя француженка. Все это время он твердил о невинности, объявлял голодовку и даже пытался покончить с собой.

Спустя годы подросшая Эмили призналась: она выдумала эту историю. В 2012 году апелляционный суд в Бретани признал, что 51-летний мужчина был осужден по ошибке. Полностью сумма компенсации составила 800 тысяч евро, или по 206 евро за каждую ночь в тюрьме.

«Меня вообще хотели приговорить к пожизненному заключению. Если бы не мои защитники, не знаю, на каком свете я бы сейчас был», — заявил он журналистам после освобождения.

За это время он лишился дома и земли, что было учтено при назначении суммы. И это не говоря о том, что отвернулись близкие и знакомые, а в тюрьме он подвергался сексуальному насилию.

Увы, судебные ошибки отмечены во всем мире. Но даже признание того факта, что человек был осужден несправедливо, далеко не всегда позволяет вернуться оправданному к прежней жизни. В Британии, например, известны случаи, когда такие люди оказывались на свободе без гроша в кармане и какой-либо поддержки. Они попадали в правовую ловушку: компенсацию не получить, пока не нашли реального преступника.

Ошибочность коренится уже в самом фундаменте права, как оно вырабатывалось и применялось в разных обществах на протяжении веков. Поскольку

культурно-исторический контекст варьирует само представление о справедливости и о том, что такое добро и зло в разных обществах, структура процесса и ожидания от его результата всегда разнятся. Судебное заседание неслучайно сродни ритуалу, поскольку люди так стремятся уверить самих себя, что совершают всё правильно в форме священнодействия именно потому, что подсознательно не уверены в абсолютной правильности результата – нахождении объективной истины. Ошибки наслаиваются на всех этапах судебного разбирательства, но приобретают кульминацию в ходе слушаний, так как становятся частью публичного спектакля, призванного влиять скорее на эмоции, чем на разум аудитории, вызывать чувства, а не мысли, вести к принятию за данность нужного одной из присутствующих и оппонирующих сторон результата. Приговор скрепляет ошибочность в форме общеприемлемого консенсуса по поводу правды. В условиях дисбаланса системы общественных отношений и функционирования государственных институтов, коррупция немедленно начинает всё более овладевать широкой сферой судебных ошибок, переводя её из непреднамеренной в преднамеренную плоскость. Ошибочность суждений тогда становится средством и целью для далеко идущих манипуляций, ведь с размыванием морали законодательные нормы повисают в воздухе и выхолащиваются.

ГЛАВА 16. ПРАВОСУДИЕ СМИ И СОЦСЕТЕЙ И РАЗОЧАРОВАНИЕ В ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ.

Представьте себе, что вы школьный учитель. Вдруг вас арестовывают и предъявляют обвинение в растлении малолетних. Оказывается, две девочки, которым вы поставили плохие отметки, насмотревшись сериалов и передач про насилие, решили вам отомстить и пожаловались на то, что вы якобы задирали им юбки, хотя ничего подобного вы, отец троих детей и прекрасный семьянин, и в мыслях не имели.

Об этом узнаёт пресса и уже назавтра в интернете появляется масса статей примерно одинакового содержания: **УЧИТЕЛЬ ТАКОЙ-ТО ОБВИНЯЕТСЯ В РАСТЛЕНИИ МАЛОЛЕТНИХ.** В некоторых из них деликатно отмечается, что ваша вина ещё не доказана в суде (ну, кто ж обращает на такие мелочи внимание). Вас отпускают до суда на поруки, но немедленно отстраняют от преподавания. От вас со скандалом уходит жена и забирает детей. У вашей матери сердечный приступ, она в реанимации, врачам не удаётся её спасти.

Следствие длится восемь месяцев и приходит к выводу, что у девочек не было оснований вас обвинять, но поскольку их возраст не позволяет призвать их к ответу, то следствие прекращают за недостаточностью улик. То есть никто не заявляет, что вы

невиновны, а просто без улик передать дело в суд невозможно, то есть: «считай, что выкрутился педофил!» Следователь говорит, что вам еще повезло, что вас не удавили в камере предварительного заключения (не успели).

Теперь на все времена при введении вашего имени в поиск в интернете вываливается ворох однотипных статей о том, что **УЧИТЕЛЬ ТАКОЙ-ТО ОБВИНЯЕТСЯ...** Убрать их практически невозможно. На работу в школу вас больше никогда не возьмут. И у вашей бывшей жены уже другой избранник, а ваши дети не желают с вами знаться.

Это лишь один из примеров, как в современном мире можно разрушить жизнь даже совершенно невинного человека, и что никакой презумпции невинности по сути соблюсти нельзя.

Так ли важно, что вас в конечном счете не обвинили и не посадили. Жизнь ваша непоправимо разрушена. От этого вы уже не отмоетесь и не оправитесь никогда.

Юристы возразят, что здесь вовсе речь не идет о презумпции невинности. Что это специфический юридический термин, и не имеет значения вне стен суда, что это один из основополагающих принципов уголовного судопроизводства, заключающийся в том, что лицо считается невиновным, пока его вина в совершённом преступлении не будет доказана в порядке, предусмотренном законом, и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Основной принцип презумпции невинности гласит: «Бремя доказывания уголовной вины лежит на обвинителе».

В большинстве стран в состав «Презумпции невиновности» включаются примерно одинаковые положения.

Любой человек (пусть даже открыто и официально обвинённый в каком-либо преступлении следственными или иными органами государства, даже арестованный в связи с этими обвинениями) считается абсолютно невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в законном порядке (по законам этой страны) и пока эта доказанность не будет подтверждена (установлена) соответствующим судебным решением (приговором) суда, которое вступило в законную силу. Но какое это имеет практическое значение? Никто не запрещает прессе, и не столько даже серьезным изданиям, как всем интернет-сми вплоть до блогеров осветить факт ареста и обвинения, и по этому факту сложится определенное мнение, которое разрушит репутацию и жизнь обвиняемого, возможно даже больше, чем если бы он был тихо обвинён судом.

Любой человек (подозреваемый, обвиняемый) имеет право (которое он может использовать или не использовать по своему желанию) давать показания; но он не обязан доказывать свою невиновность.

Обвиняемый вправе давать любые показания. Обвиняемый вправе полностью отказаться от дачи показаний (пояснений), даже вправе отказаться от ответов на отдельные вопросы. Факт полного отсутствия у обвиняемого доказательств невиновности (либо даже демонстративного отказа представить такие доказательства) сам по себе не считается доказательством его вины. Отказ обвиняемого от по-

казаний или от отдельных пояснений, дача им противоречивых и даже заведомо ложных показаний не являются основанием для обвинительного приговора.

Но ведь не так судит общественное мнение. Если не оправдывается – значит – виновен, раз нечего сказать, или есть что скрывать (а адвокаты как раз советуют ничего прессе не говорить). Если оправдывается – значит точно виноват, а что ни скажет в своё оправдание – врёт и увиливает. И никто не сможет утверждать, что общественное мнение не имеет влияния на следствие и на принятие решений судьями или присяжными. Можно представить себе случай, когда для поддержания общественного спокойствия лучше обвинить даже того, чья вина без общественного внимания к делу не могла бы быть объективно доказана в суде. Здесь-то и приходит на сцену правосудие прессы, вздорное, жестокое, неконтролируемое и практически никем нерегулируемое.

Если выдвинуты обвинения в совершении уголовно наказуемого деяния (то есть лицу присвоен статус обвиняемого), то бремя доказывания этих обвинений, то есть обязанность по поиску, сбору и представлению в суд доказательств вины обвиняемого лежит на стороне обвинения. Но фактически, для того чтобы себя защитить обвиняемому приходится собирать доказательства своей невиновности, причем в этом он находится явно в проигрышном положении, потому что обвинитель свободен в том, какие доказательства предъявить, в то время как обвиняемому придётся отвечать именно на эти доказательства, причем не важно насколько трудно и за-

тратно это будет. Государственный обвинитель неограничен в средствах и может пригласить любых экспертов и провести любые экспертизы. Чтобы их опровергнуть, или даже проверить их верность, обвиняемому придется потратить значительные, а чаще всего и непосильные для него средства. Как указывалось в главе о судебных ошибках заключение экспертизы о совпадении фрагментов ДНК может оказаться ошибочным и подходить к нескольким подозреваемым, или материал может быть собран таким образом, что результаты будут искажены. Но как бороться частному лицу, да ещё, чаще всего, находящемуся в заключении с такими обвинениями?

Если против некоего лица, в качестве доказательств его вины, у органов, осуществлявших предварительное расследование, имеются только его собственные признательные показания, от которых он в дальнейшем отказался в ходе судебного разбирательства, то данные показания не могут учитываться судом в качестве доказательства его вины. При этом обвиняемый, отказавшийся от ранее данных показаний, освобождён от обязанности доказывать, что давал эти показания под чьим-либо незаконным (физическим или психологическим) давлением, нажимом, избиением и т. п. Это так, но наличие признания в совершенном преступлении практически ставит крест на репутации обвиняемого и если дело имеет общественный резонанс, то совершенно нельзя полагаться на то, что отказ от признания будет иметь позитивное влияние на приговор прессы, как раз наоборот.

Вот и получается, что правосудие выходит из зала суда и принимается обмениваться доказательствами в общественном поле, где пресса задает тон, а у обвиняемого очень ограниченные возможности вести свою защиту.

Все неустранимые сомнения в виновности обвиняемого, которые до момента окончания судебного следствия не были устранены в законном порядке, суд обязан толковать в пользу обвиняемого (то есть в пользу признания его невиновным). Признание судом сомнений неустранимыми означает, что судом были предприняты все возможные допустимые меры для разрешения сомнений в ту или иную сторону. Следует иметь в виду, что в понятие неустранимые сомнения уголовно-процессуальное законодательство разных стран вкладывает несколько разный смысл, и незнание этих различий может привести обвиняемого в чужой стране к серьезным ошибкам в своей защите.

Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях (пусть даже очень авторитетных лиц или инстанций), не может быть основан на догадках (допущениях) следствия и суда, не имеющих надлежащих доказательств, не может быть основан на свидетельских показаниях анонимных источников (установочные данные которых суду не известны), не может быть основан на голословных утверждениях (пусть даже в письменной форме) о «якобы» факте существования множества секретных доказательств, на ознакомление с которыми у суда нет допуска, не может быть основан на иных недопустимых доказательствах.

Все эти условия, разумеется, не соблюдаются, когда обсуждение дела переходит на просторы Интернета и других СМИ. Причем совершенно необязательно теперь быть действительно публичной личностью для того, чтобы заслужить такое внимание. Достаточно оказаться, как говориться «стрелочником», или просто попасть в обсуждаемый тренд.

Гражданин, вина которого не доказана, должен быть реабилитированным. Он вправе рассчитывать на полное восстановление своего доброго имени. На практике чаще выходит иначе.

Раньше пресса не могла освещать каждое небольшое событие из криминальной и судебной хроники. В газетах, и уж тем более на телевидении просто не хватало места. На следующий день вчерашние газеты выкидывали, а выпуски новостей забывали.

Да, конечно, возможно, если очень настоять то кое-где появится сообщение, что учитель такой-то не был обвинен в виду недостаточности улик. Это сообщение появится далеко не во всех изданиях, которые писали об обвинениях, и уж точно не будет так хорошо видно на просторах Интернета.

Да, и кому это поможет? Самое интересное, что презумпция невиновности подразумевает, что обвиняемый свою невиновность доказывать не обязан. А если начинаются публичные объяснения, то невольно возникает вопрос - то есть все-таки есть за что оправдываться? Журналисты теперь, как никогда могут походя уничтожать репутацию и жизни людей. Спрос рождает предложение. Людям нравится будто через замочную скважину подсматривать за

чужими жизнями и читать о скандалах. Подниматься на вершину нравственного холма и осуждающим взглядом следить за происходящим. И, между прочим, они не могут не оказывать влияние и на принятие судебных решений, более того, они рассчитывают, что коллективное мнение будет учтено судом.

Настоящая журналистика о другом. Как раз о справедливости, так как ее понимает большинство, о желании разобраться. И даже множество аналитических статей не дают точного ответа на вопрос, кто прав и виноват. Журналистское расследование должно оставлять право за читателем, чью сторону принять. Кричаще-осуждающие заголовки мы зачастую видим в жёлтой прессе, а не изданиях, которым можно доверять. Но в том то и дело, что все СМИ давно и бесповоротно пожелтели, словно бы заразились желтухой. Возможно, что у дела есть и другая сторона, и такое мышление должно способствовать развитию собственного критического мышления. В идеале, журналистика - это сбор и обработка непредвзятой общественно значимой информации. Но сам подбор фактов не может быть непредвзятым. Например, сядьте и напишите пять своих хороших поступков и пять дурных. Этот список в наиболее полной мере по вашему мнению характеризует вас и содержит правдивый фактический материал. А теперь выберите только дурные поступки. Как этот список вас характеризует? Именно так о вас и будет писать пресса, да и обвинитель, постарается обратить внимание именно на отрицательные факты.

Теперь практически каждый человек становится публичной личностью, о которой в Интернете можно нарыть что угодно.

Некоторые резонансные дела как раз получили огласку, благодаря журналистам. И это иногда хорошо. Вот только плохо всем остальным, кто попал в поле зрения СМИ, потому что такое понятие как приватность потеряла смысл.

И более того, стоит человеку попасть в зону внимания Интернет-прессы – то это единственное, что о нём будет выпадать во всех поисках, потому что у новостных сайтов рейтинги выше чем у любых других, да и позитивной информации в интернете может и не быть, если вы не догадались сами её там разместить и продвинуть, что очень затратно и всё равно не перекричит разноголосицу новостных сайтов.

Зачем нам нужна приватность и от кого мы должны что-то скрывать и почему? Люди гибнут из-за травли. Разрушаются семьи, кто-то кончает с собой. Человек в праве давать о себе ту информацию, которую он считает допустимой для всеобщего ознакомления, когда же в дело вступает Интернет-медиа, о нем напишут то, что посчитают нужным, выгодным или просто «прикольным». Мы уже не говорим, что это прекрасный метод сведения счётов не только с политическими оппонентами, но и, как это банально ни звучит, с бывшими супругами и бизнес партнерами, или конкурентами. Причем свести счёты можно анонимно, избежав ответный удар. Порой жертва так и останется в неведении, от кого это ей прилетело, или может она пала жертвой случайного внимания СМИ.

Опять же, важно обращать внимание на источник. Если бабушка у подъезда обзовет молодую девушку "проституткой" (простите за пример), это же никак не свидетельствует о ее настоящей жизни и вряд ли окажет на нее серьезное влияние. (Автор очень уважает и сочувствует проституткам, снижаем градус нерастраченной мужской агрессии и вовсе не считает, что их деятельность должна осуждаться бабушками). Но если та же бабушка напишет об этом статью в Интернете, то всякий раз когда кто-то будет гуглить имя девушки - выпадать будет именно эта статья, и в общественном профиле человека закрепится именно этот образ. В этом-то и заключается большое отличие между бабушкиной скамейкой и Интернетом. Отличие в том, что прогресс не стоит на месте. У бабушки никто не потребует доказательной базы и она не выставит на посмешище саму себя, потому что объявить свой поклёп может анонимно, да и скорее всего этой бабушке её собственная репутация до лампочки. Девушке ничего не останется, как либо изменить имя и внешность, либо попытаться счастья в древнейшей профессии, благо начальная реклама уже будет размещена в виде бабушкиной публикации.

А если настоящие преступления сми освещают со всех сторон, это тоже имеет минусы? Нет, конечно, но фамилии и данные обвиняемых не должны попадать в интернет.

Безусловно нельзя оперировать системой правосудия, когда общественное мнение выносит приговор в момент появления сведений об обвинении, а не тогда, когда появится решение суда.

Прекрасный пример – дело известного актера Михаила Ефремова, принявшего участие в пьяной аварии повлекшей смерть человека.

Прессой Ефремов сразу был обвинен и запечатлелся в общественном мнении как убийца, алкоголик и наркоман, еще до того, как его вина была доказана в суде. Судья, который посмеет признать его невиновным может поставить крест на своей судебской карьере. Общественное мнение немедленно заявит, что судья-коррупционер или действовал в соответствии с чьими-то политическими указаниями. Если бы суд каким-то образом оправдал бы артиста - вред его репутации, здоровью и жизни нанесен непоправимый.

Ведь пресса кричит: «Человек погиб, есть видео, какие доказательства нужны еще?» Презумпция невиновности практически отсутствует.

Какими бы фантастическими ни были теории, что его подставили, однако, до приговора суда человек не виновен. Да, и честно говоря, уж очень весь этот спектакль выгоден Кремлю, чьим активным критиком он был. Ефремов умудрился отречься и от роли оппозиционера – мол я шут, мне платили. Это тоже не добавляет шарма его имиджу, и очень выгодно тем, кого он критиковал и высмеивал. Словно бы ему предложили так сказать, и что его участь будет смягчена. Иначе какое отношение к делу имели его политические взгляды? Кто тянул его за язык утверждать, что он критиковал за деньги?

А представим спецоперацию, при которой его специально напоили, подлили что-то, что его вырубало, и машина управлялась дистанционно или кас-

кадером-спецназовцем. Технически это возможно. Как провокация - это могла быть блестящая операция. Да, он пьющий человек. Но все происходит так, как наиболее выгодно тем, кого критиковали его выступления. Полная дискредитация глашатая, а вместе с ним и оппозиции в целом. Нас всегда учили смотреть, кому это выгодно!

Да, неважно как и что произошло. Важно, что не журналисты должны выносить приговор, а суд, если уж вообще это так необходимо.

Автор вообще считает, что непредвзятый суд невозможен, да и не нужен. И наказание несчастного алкоголика никого счастливее не сделает. Надо проводить системные реформы, чтобы вождение в пьяном виде было невозможно. А Ефремова просто отправить на принудительное лечение, пока не станет трезвым членом общества. На западе существуют системы, не позволяющие завести двигатель машины, если водитель не дыхнет в приборчик.

Читатель не согласится. Читатель, а к вам когданибудь предвзято относилась пресса? О вас писали нечто неприятное?

Нет. Но о вас в частном порядке говорили неприятные вещи и критиковали. Все через это проходят в той или иной мере.

О каких публичных личностях никогда не писали ничего неприятного?

Поверьте, когда это делают журналисты, это совсем другие ощущения и другой масштаб. Здесь проблема в неравенстве. Вы же не можете всем ответить.

Так, как по мнению автора лучше? Закрыть все СМИ? Запретить писать нелестные вещи? Как лю-

дям узнавать информацию? Есть достаточно журналистских жанров, где оценка автора не должна навязываться читателю. Например, заметка, репортаж. Там просто наборы фактов. Сухое изложение фактов как раз и позволяет приблизиться к восстановлению справедливости, хотя мы уже говорили о избирательном подходе в отношении подбора фактов. Да и беспристрастную информацию не всегда интересно воспринимать.

Ни в коем случае автор не считает, что надо закрыть рот СМИ. Мы говорим о том, что более невозможно декларировать существование презумпции невиновности, следовательно и отправление правосудия так, как это предполагалось в соответствии с этим принципом, невозможно.

В чем же основная проблема, на наш взгляд? За все недостоверные факты и фейковые новости СМИ очень порицают, и подобные материалы издания сами иногда удаляют и хотят о них забыть. Это удар и по их репутации. Но в большинстве случаев никто ничего не удаляет, да и пострадавших от несправедливости нет сил и возможностей пытаться исправить свою репутацию в сети.

К сожалению автор не может предложить решения подобных проблем. Его другие книги, такие, как «Философия саморазрушения» и «Руководство по сотворению миров», приходят к выводу о несовершенстве и неисправимости нашего мира.

Именно основываясь на этой философии нам не следует рвать друг друга на части осуждением. Мы все являемся заложниками мироздания, устроенного жестоким и изуверским образом, в котором во всем угадываются явные наклонности к трагизму.

То, что в нашей власти, - это не усугублять взаимные страдания. А система правосудия, так, как она устроена, и так, как она действует в современных условиях, эти страдания усиливает, а не ослабляет.

Почему людей так тянет осуждать? Именно из-за дефекта в конструкции человека и мира, в котором он вынужден жить.

Как воспитать у людей новое понимание правосудия без осуждения и наказания? Частью этого воспитания и является наша книга.

Судебный процесс существует, помимо всего прочего, с целью создать причину для информированности (информационный повод). Он носит важную функцию социализации индивидов в рамках такого института публичного права, в деятельность которого должна постоянно быть вовлечена максимальная часть общества и его членов. Поэтому публичность порождает ещё одно измерение в реализации и продвижении ошибочности суждений, их популяризации и провоцировании массового «соучастия в правосудии». Публика привлекается не только для стороннего суждения но и непосредственного осуждения (например в форме института присяжных). Нигде и никогда не было доказано, что присяжные менее склонны к юридическим ошибкам и вообще неверным суждениям, чем формальный суд. Но это ещё одно дополнение к самоубеждению и самоуспокоению общества в правильности того или иного способа поиска правды. СМИ становятся ещё одним наблюдателем и участником – на этот раз не только за самим процессом, но и за его восприятием у других наблюдателей. Они стимулируют вовлечённость в его дискурс широкого числа лиц, потенци-

ально совершенно незаинтересованных в нём. Они также могут на основе всего этого влиять на принимаемые судебные решения с одной стороны и на законодательный процесс с другой. Дело в том, что СМИ всегда оценочны и субъективны – как и судебный процесс, который, однако, в отличие от них, притязает на воплощение принципа беспристрастности, и на основании этого, а также собственной формализации в праве, делает свои суждения правовым решением. Как знать, если бы СМИ обладали такими признаками, может быть разница между ними и судопроизводством стёрлась?

Хочется сказать о СМИ в свете институализованной коррупции. Даже если нет прямой коррумпированности журналистов, можно проследить кем финансируются те или иные СМИ и таким образом превращают индивидуальную коррумпированность в институализованную. Это особенно характерно для западных средств массовой информации, хотя в последние два десятилетия стало очевидным и для России.

Кроме того можно обойтись без подкупа журналистов, заведомо дав слово тому перу, чья позиция известна, и таким образом дать вполне искренне высказаться в нужном направлении.

Вообще, когда запад ловко обвиняет Россию в коррупции надо отметить, что от того, что на западе коррупционные схемы отличаются от российских, вовсе не значит, что там коррупции меньше. Целью этой книги не является раскрытие таких схем, но поверьте, что ничто в мире не обходится без откатов и взяток, просто они производятся в других формах, и потому не столь очевидны.

ГЛАВА 17. ДВОЙНАЯ МОРАЛЬ И РАЗОЧАРОВАНИЕ В ПРИНЦИПЕ РАВЕНСТВА ПЕРЕД СУДОМ И ЗАКОНОМ.

Принцип равенства всех перед судом и законом достаточно древнее изобретение. Считается, что концепция равенства граждан перед законом возникла в Древней Греции в период образования городов-государств. Греки отказались от почитания царской власти в качестве ключевой ценности общественной организации, хотя царское правление было характерно для большинства цивилизаций того времени. В городах-государствах важнейшие решения принимались с участием всех граждан мужского пола, получавших это право в обмен на службу в армии. При этом принцип равноправия распространялся лишь на граждан города (они же были и членами фаланги во время войн), не касаясь женщин и рабов. Афинский политик Солон, один из знаменитых древнегреческих «Семи мудрецов», ставил себе в заслугу умение сохранить равенство. В большинстве других сообществ древности цари были неподсудны, уж во всяком случае никак не равны перед законом, не говоря уже о сословных и кастовых привилегиях знати.

Равенство перед законом, равноправие — важнейший принцип демократии и классического либерализма, согласно которому все граждане равны перед законом независимо от их расы, национально-

сти, пола, сексуальной ориентации, места жительства, положения в обществе, религиозных и политических убеждений. Нарушение этого принципа называется дискриминацией. Открыто такая дискриминация в большинстве демократических государств проявляться не будет, хотя исподволь, как люди руководствовались своими предпочтениями, так и продолжают. И ничто им не может помешать, поскольку всегда найдется благовидный повод отрицать наличие таких дискриминирующих предпочтений, и объяснить свои мотивы благовидными и вполне легитимными причинами.

Равноправие делает акцент на правах человека и их ограничениях. Предметом особого внимания является законодательная защита прав и равный доступ всех граждан к правовой системе.

Равенство перед законом включает одинаковую обязанность граждан соблюдать закон и равное отношение правоохранительных органов к различным нарушителям одних и тех же норм. Последнее тесно связано с принципом верховенства права, поскольку требует, чтобы законы в равной степени относились к тем, кто их издаёт и кто обладает верховной властью. Правосудие не должно принимать во внимание происхождение, власть, обеспеченность или общественное положение стоящих перед ним лиц. Юрисдикция судов, которые выносят постановления по делам обычных граждан, должна распространяться на всех граждан.

В силу социального неравенства, некоторые люди имеют лучший доступ к ресурсам для защиты своих интересов и, следовательно, лучшие шансы на выигрыш судебного дела. Корректировка подобных

тенденцией часто сопряжена с объективными трудностями.

В наше время неравенство перед законом проявляется не статусно, а в силу разных возможностей избегать преследование по закону.

Вообще говоря о каком либо равенстве, будь то равенство перед законом или равенство возможностей, невольно вспоминается "Скотный двор" Оруэлла с его "все животные равны, но некоторые равнее других".

В одних случаях это личные и родственные связи, в других коррупция, в третьих средства на эффективных адвокатов, в четвёртых, не присутствие в зоне досягаемости тех или иных властей. Декларации подразумевают отсутствие таких сословных статусов. Но, совершенно очевидно, что практически во всех обществах, что одним можно, то другим нельзя.

Есть и такое явление, как дискриминация наоборот. То есть те группы, которые имели ограниченные права в прошлом, начинают требовать по сути большие права, чем группы их угнетавшие. Так возникает парадоксальный расизм против белых в США, или явно гипертрофированные феминистские движения, преследующие многих известных мужчин за пресловутые сексуальные домогательства.

Есть ещё одно неравенство перед законом. Это неравенство тех кто не попался по сравнению с теми, кто попался на нарушении. Непопавшихся подавляющее большинство. Таким образом это вопиющая несправедливость наказывать тех, кто попался, при том, что все остальные остаются безнаказанными.

Таким образом правосудие просто превращается в поиск "козла отпущения"

Пример может быть и анекдотический, что скажем на большой трассе весь поток машин едет с превышением скорости, а штрафуют только тех, кого поймают. И ловят редко и лениво. Но если поймают, штрафы значительные, повышаются страховки, в последствии не берут на работы, связанные с вождением. Есть и более серьезные правонарушения при которых подход такой же.

Не смотря на то, что равенство перед законом пытались установить с незапамятных времен, еще недавно ни ценность человеческой жизни, ни равенство не были саморазумеющимися факторами. Многие международные организации призванные контролировать общественно-политические отношения появились в основном после Второй Мировой Войны. До этого никто и не утверждал, что все люди равны. В Америке процветала расовая сегрегация, в военной Европе евгеника. В 60-70-е вдруг было объявлено, что все равны, в том числе и перед законом, но историческая память осталась. И вот теперь в США набирает силу движение чернокожих, по сути занимающееся погромами и грабежами под улюлюканье демократической прессы, что, мол, имеют право, их предков угнетали!

Подобные течения под стать терроризму. Их используют для дестабилизации общества в качестве подготовки к выборам, чтобы снизить шансы того кандидата, который у власти.

Им в принципе не очень важно кто будет этой движущей силой дестабилизации, «Желтые жилеты» во Франции или «Черные Жизни имеют значе-

ние» в США. Несколько лет назад было более мирное движение «Оккупируй Уоллстрит». Откуда взялось? Куда пропало? Кем организовано и оплачено?

Неприятно чувствовать, что кто-то грубо манипулирует новостями и народными выступлениями, а мы не можем понять, кто и для чего. Только одни предположения.

Неравенство перед законом возникает еще и из-за того, что разные части населения воспитаны по разному и наделены кучей стереотипов относительно друг друга.

Кто-то соблюдает законы потому, что так воспитаны, в то время как другие и вовсе их не соблюдают, потому что воспитаны иначе. В одних общинах принято платить налоги, а в других сообществах всё идет чёрным налом.

Вы слышали про теорию разбитых окон? Если в заброшенном доме разбито одно окно, очень вероятно, что через пару дней разобьют все.

Человек - это чистый лист. Грубо говоря, от природы ни хороший, ни плохой. Плохим или хорошим его делает среда. Если человек живёт в обществе, где никто отродясь не платил налоги, то, разумеется, он будет вести себя также, так как это норма в том социуме, где он обитает.

В зависимости от целого ряда факторов, часто имеющих нерациональный характер, по отношению к делам со сходной правовой базой и направленностью могут применяться совершенно разные подходы. И результат такого естественного развития также бывает нередко диаметрально противоположным. В зависимости от того, насколько широки ин-

тересы, вовлечённые в тот или иной процесс, каковы потенциалы манипуляции всеми видами информации (улик, вещественных доказательств, и т.п.), каковы возможности для манёвров или соглашений во внесудебном порядке, привлечение свидетелей либо сокрытие материалов, в итоге те или иные представленные стороны оказываются фактически неравны на процессе. Государственные органы, к которым так или иначе причисляются и суды, всегда обезличены. Им необходимо воплощать и реализовывать определённые совокупные общественные ожидания, и поэтому их отношение к определённым сферам регулирования общественных отношений является ангажированным в той или иной мере, в зависимости от развитости и лабильности самих институтов. Они применяют в итоге некие статистические величины и записывают погрешности – то, что им в итоге надо представить обществу для подтверждения их значимости с одной стороны и правильности суждений с другой. Политическая конъюнктура в таких случаях проявляется в сублимированной форме, но именно она выдаёт себя через совокупность принимаемых решений в то или иное историческое время, стоит соотнести суммарно эти решения с господствующим в данный момент консенсусом. О равенстве перед судом говорят наиболее интенсивно именно тогда, когда чувствуют наименьшую уверенность в реальном его существовании в объективной действительности.

ГЛАВА 18. РАЗОЧАРОВАНИЕ В ПРИНЦИПЕ НЕОТВРАТИМОСТИ НАКАЗАНИЯ.

Нередко в современном обществе законы имеют чисто декларативный характер. Нет возможности ни обеспечить их выполнение, ни наказать нарушителей. Вред от таких законов велик, потому что принцип неотвратимости наказания более не работает. То есть если они кого-то и пугают, то вовсе не тех, кто серьезно намеревается такие преступления совершать.

Кроме того, подобная практика добавляет правового нигилизма и всему населению, когда выясняется, что закон исполняется в основном только на бумаге. Какой смысл соблюдать одни законы, если другие законы никто не соблюдает, но при этом в любой момент, при желании, власти могут любого призвать к ответу по надуманному поводу.

Во многих странах бытует шутка (а во всякой шутке есть немалая доля правды), что прежде чем назначить судью, ему поручают просмотреть материалы дела и обосновать оба решения: обвинительный приговор и оправдательный приговор. Это еще раз подчеркивает, что решения судей могут вообще не зависеть от материалов дела. (По крайней мере у тех, кто этот анекдот передает из уст в уста явно есть устойчивое представление именно о таком по-

ложении дел). Поэтому неудивительно, что большое число законов практически не соблюдаются.

Примером таких несоблюдаемых законов могут быть как некоторые правила дорожного движения, так и коррупционные действия, принятые в тех или иных обществах. Неуплата и сокрытие налогов также относится к такому типу нарушений, за которое уголовно наказывают немногих, в то время как правонарушение чрезвычайно распространено.

Идея неотвратимости наказания наиболее полно была раскрыта в работе Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях». Автор, в частности, отмечал: «Не в жестокости, а в неизбежности наказания заключается один из наиболее эффективных способов предупредить преступления... Неизбежность наказания, даже умеренного, всегда производит более сильное впечатление, чем страх подвергнуться самому суровому наказанию, если при этом существует надежда на безнаказанность». Эта идея и до сих пор является объектом пристального внимания юристов и политиков.

Однако, даже для тех, кто попался, наказание отнюдь не является неотвратимым. Хороший адвокат или мягкое применение закона оставляет ощущение того, что можно выйти сухим из воды.

Например, на трассе ограничение скорости 100 км в час. Все едут 120-130

Наказание - штраф в размере 200 условных единиц той или иной валюты. Однако ни на кого этот страх не действует.

И каждый принимает для себя решение сам на сколько он хочет превысить скорость, при том, что

не превышать скорость и продолжать двигаться в общем потоке практически не возможно.

Вы возразите, что речь идет об административном правонарушении. Да, пока не произошла авария и никто не пострадал. Но стоит на такой повышенной скорости причинить вред здоровью и жизни, и преступление перейдет в категорию серьезного уголовного, в то время, как если бы авария произошла в пределах разрешенной скорости, возможно, уголовного преследования не последовало бы.

Так что, когда мы говорим об ограничении скорости, как раз речь идет о таких законах, созданных для порядка, но которые прописывают определенное наказание, в то время как почти никто фактически этому наказанию не подвергается, а вот если с кем приключится беда – тогда уж мало не покажется! А ведь в сущности в таком подходе кроется вопиющая несправедливость. Все едут с такой скоростью в потоке. Невозможно ехать медленнее, ты будешь мешать и даже создавать аварийные ситуации, но стоит тебе (возможно даже не по своей вине) попасть в аварию с пострадавшими – и обвинят тебя, именно за превышение скорости. То есть поездка по такой трассе представляет собой легкий вариант игры в русскую рулетку с одним патроном в барабане револьвера, поднесенного к виску. Может осечка, а может и «гасите свет».

Вообще, как мы уже говорили, в любом развитом обществе существует такое количество законов и правил, что прожить, не нарушая, их невозможно. Существует унижительная угроза быть привлеченным к ответственности за с виду невинные дей-

ствия, которые совершают практически все. А наказывают только «крайних».

Здесь опять в качестве примера можно привести нарушения налогового законодательства. В некоторых странах это одно из самых дорогостоящих и серьезных преступлений, в других – никто практически не подвергается преследованию. Часто государство просто не занимается мелкими правонарушениями в налоговой системе, понимая что люди испытывающую нехватку средств работают или торгуют за черный нал. Но и на крупных махинациях они не фокусируются, поскольку крупные мошенники могут откупиться, что чаще всего и делают. Ну, а если налоги все-таки удастся собрать, то они разворовываются чиновниками. Так проявляются дисфункциональные системы налогообложения множества стран третьего мира, да и не только их.

Автор, в своей книге «Свобода от налогов» предлагает улучшить благосостояние общества, отменив обычные налоги. Замена всех налогов на единый очень низкий автоматический налог со всех финансовых операций проходящих в стране укрепит экономику, предотвратит углубление экономических кризисов, создаст систему эффективной мобилизации средств в случае пандемий, катастроф и войн. И это не фантазии, а абсолютная необходимость. Это так просто и чрезвычайно выгодно всем, что невозможно поверить, чтобы такое решение встретило сопротивление.

Современные налоговые законодательства потенциально криминализуют всё население, потому что любому жителю можно инкриминировать то или иное налоговое преступление.

Однако, посмотрите статистику привлечения к уголовной ответственности за укрывание налогов. Во первых в год таких дел совсем не так много, по сравнению с административными взысканиями. Во-вторых, сами правонарушения там либо касаются незначительных сумм, а не миллионов, либо миллионов, но надуманных налоговыми службами, накрученных и высосанных из пальца. Это означает только одно - что уголовное преследование за налоги применяется для оказания давления в любых случаях, не имеющих отношения к налогам, а именно для сведения личных счетов и по самым разным другим причинам.

Иллюстрацией того, что огромное число преступников остаются безнаказанными, может служить статистика нераскрытых преступлений. Нераскрытое преступление (так называемые «глухари» или «висяки») — это преступление, уголовное дело по которому было приостановлено и сдано в архив («заморожено»), ввиду невозможности установления личности виновного. Ежегодно во всех странах мира остаются нераскрытыми сотни тысяч преступлений.

Некоторые громкие нераскрытые преступления становятся объектом внимания общественности, СМИ и «городских легенд». Эти преступления играют большую роль в массовой культуре: о них снимают кинофильмы и телесериалы, пишут детективные романы и документальные расследования. Но огромное число нераскрытых преступлений остаётся никому неизвестно и существует иллюзия того, что якобы правоохранительные органы достаточно эффективны и наказание в большинстве слу-

чаев настигает преступника. Однако эти самые органы всеми силами манипулируют статистикой, чтобы показать свою блестящую активность. Это вовсе не упрёк стражам порядка, а констатация факта, что даже в мире напичканным камерами слежения и широчайшими возможностями криминалистики, значительное число преступлений остается нераскрытым, потому что этот труд совсем нелегко, да и никогда не был легким и высокоэффективным. Эффективность полиции и системы правосудия -- миф, который поддерживают для устрашения общества, чтобы держать его в узде. Но в том-то и дело, что в основном верят этому мифу добропорядочные жители, которые и так бы ни на какие особые преступления не пошли, даже если бы были уверены в своей безнаказанности, а вот те, кто занимается преступлениями вполне, так сказать, профессионально, прекрасно знают свои шансы остаться безнаказанными.

Наибольшее внимание в этой сфере привлекают дела о кражах, грабежах, убийствах, изнасилованиях и терроризме. Во многих странах нет срока давности для убийств, и поэтому они расследуются полицией годами, десятилетиями и иногда больше века.

Убийства не раскрываются по многим причинам. Иногда у следствия нет вообще никаких улик и даже подозреваемых. В некоторых случаях, как мы обсуждали выше, имеет место судебная ошибка, когда человека осуждённого за убийство оправдывают спустя много лет. Тогда дело отправляется на доследование, но нередко из-за слишком большого временного отрыва найти реального убийцу не уда-

ётся. Иногда дело также остаётся нераскрытым из-за оправдания главного подозреваемого.

Некоторые преступления имеют очень сильную связь с политикой, и тогда правоохрнительным органам довольно сложно вести расследование, или привлечь к ответу преступников (даже если тех удалось вычислить). К примеру, в деле об убийстве Джона Кеннеди отмечалось давление властей США на следствие, а также заинтересованность в том, чтобы дело осталось нераскрытым. В тоталитарных, да и не только, государствах власти могут открыто саботировать следствие, чтобы остановить раскрытие дел об убийствах неугодных им лиц.

В некоторых случаях полиции не только не удаётся найти убийц, но даже и идентифицировать жертву. В таком случае жертве убийства даётся условное обозначение или прозвище. Кроме того, особую сложность в расследовании убийств представляют исчезновения. В данном случае трудно судить о криминальном исчезновении человека и его вероятном убийстве, ввиду отсутствия улик.

В 2008 году в России нераскрытыми оставались более 1,5 миллионов преступлений (из них около 90 тысяч нераскрытых убийств). В 2015 году в РФ было около 75 тысяч нераскрытых убийств.

В 2004 году в США нераскрытыми оставались 16 137 убийств. В 2015 году в США нераскрытыми оставались 17 % преступлений, хотя эта цифра явно занижена.

В 2010 году в Великобритании оставались нераскрытыми 1143 убийств, совершённые в течение 150 лет (в Великобритании нет срока давности для убийств).

Самый большой процент нераскрытых убийств вероятно в Бразилии — по состоянию на 2014 год их число оценивалось в 150 тысяч .

Но это речь шла только о нераскрытых преступлениях. Дело в том, что ежегодно миллионы людей пропадают по всему миру, в том числе и в цивилизованных странах. Попытка автора собрать общую мировую статистику таких исчезновений не увенчалась успехом, однако, если посмотреть статистику отдельных стран — это сотни тысяч человек в год, а следовательно по всему миру исчезают миллионы! Часть из них рано или поздно находят, причем в том числе и мертвыми, и они пополняют криминальную статистику, но многие так и остаются без вести пропавшими.

И наконец добавим несчетные случаи, когда исчезновение человека никто не заметил, или скажем так, не доложил властям (или как часто бывает, власти не пожелали зарегистрировать).

То есть истинный уровень нераскрытых убийств неизвестен, но гораздо выше того, который мы находим в уголовной статистике. Что уж говорить о других преступлениях? То есть принцип неотвратимости наказания совершенно не работает на всех фазах, и в результате значительное число людей совершенно не боится уголовного преследования, а еще определенная часть вообще склонна к саморазрушительным действиям и могут вести себя провокативно, совершая преступления, не обращая внимание на то будут они пойманы или нет, хоть при этом все равно никто их не ловит и не наказывает. Это вызывает у любого здравомыслящего человека чувство глубокого разочарования в принципе неот-

вратимости наказания и наводит на мысль, что декларирование подобных принципов приносит больше вреда чем пользы, как использование хлопушки вместо пистолета.

Например, тот факт, что любого могут прищучить за налоги, устраняет страх быть привлеченным к уголовной ответственности по другим относительно безобидным поводам. Например подлог, обман банков, страховок, подделка незначительных документов, справок, сокрытие доходов при получении пособий по бедности или по инвалидности. За это очень редко кого-либо привлекают к реальной уголовной ответственности, хотя во всех указанных случаях она, безусловно, предусмотрена.

Таким образом то, что призвано наводить порядок вносит в общество неразбериху и размытость границ допустимого, тем самым создавая неравенство между теми, кто соблюдает закон, и кто его нарушает.

Необходимо создавать только такие правовые акты, которые могут быть применены в подавляющем большинстве случаев, либо перестраивать системы так, чтобы не было надобности в запретительных законах, потому что преступление было бы невозможно совершить.

Другой аспект это сокращение фактических тюремных сроков. То есть декларативно, чтобы успокоить общественность за определенное преступление дается срок, предусмотренный уголовным кодексом, но потом, по разным поводам срок значительно сокращается.

Тюремное заключение необходимо только в случае, если правонарушитель опасен для общества.

Автор вообще против тюремного наказания как исправительного средства, но такое положение с сокращением сроков снижает степень неотвратимости наказания.

Общество и государство всегда стремятся уйти от ответственности не менее, чем сами индивиды, их составляющие. Именно поэтому в законодательстве предусматривается такое количество «отходных путей», в том числе в рамках публичного судопроизводства. Некоторые вещи делаются по умолчанию, другие используются сторонами процесса либо вовлечёнными инстанциями, чтобы своевременно достичь нужных целей, не привлекая внимание тех, кого следует избегать. Эти игры ведутся на всех уровнях системы, и это предусмотрено в самой человеческой природе. Наказание является главной целью таких манипуляций. Ведь оно есть итог поиска истины и справедливости в рамках допустимого правовым вариантом. Иными словами, это продукт консенсуса сторон на основе обезличенных и условных общеприемлемых формулировок, действующих исключительно в рамках права. Таким образом все уровни процесса всегда поддерживают парадоксальную возможность сомнения и оспаривания там, где, казалось бы, провозглашается само воплощение принципа истины и справедливости. Все виды судебных решений, за исключением предусмотренных вариантов (опять же, условных, сформулированных ситуативно законодательной властью), имеют возможность быть «отыгранными назад». И это своеобразное «теневое судопроизводство», которое уже не привлекает такого общественного резонанса, уходит в область казуистической рутины, теряет ви-

димось спектакля, нередко становится важнее самого процесса первого уровня. Амнистия и помилование высшим лицом государства является высшим проявлением возможности такого обратного хода, чем по сути усиливается несправедливость и неравенство перед законом. Одного освободили по амнистии, а другого, отсидевшего десятилетие назад заставили отбыть наказание весь срок, поскольку тогда амнистия не объявлялась. Или одного президент помиловал, а другого, совершившего подобное преступление – нет.

В зависимости от потенциала вовлечённых сторон и политической конъюнктуры, одним делам даётся полный ход, а за возмездием следят, в то время как подобные же дела в иных условиях не привлекают к себе должного внимания и могут даже растаять как миражи. А между тем, их суть нередко будет гораздо важнее для декларируемой «стабильности» общественных отношений. Целью многих реальных судебных процессов, таким образом, становится легитимация ухода от ответственности, а не неотвратимость наказания. Более того, невозможность вынесения полноценного вердикта по ряду дел со временем может породить возможность скорее в изменении текущего права, чем в его применении в реальной жизни.

ГЛАВА 19. РАЗОЧАРОВАНИЕ В ГАРАНТИИ НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ.

Право на судебную защиту, являясь одним из основных прав человека, гарантирует людям защиту прав и свобод в судах.

Всеобщая декларация прав человека предусматривает, что каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными судами в случаях нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом.

Это право в большинстве случаев остается исключительно декларативным, потому что для того чтобы чего либо добиться в суде человеку прежде всего приходится бороться с самой судебной системой, которая всеми мерами пытается отбрыкиваться от какой-либо продуктивной деятельности.

Судебная система действует как удав, медленно и сильно сдавливая свою жертву. Причем ей все равно, является ли ее жертва пострадавшей стороной, или стороной защищающейся, и не важно гражданский иск или уголовный процесс.

Коммуникации с судом крайне затруднены, практически невозможны без адвокатов, которые превращают любое элементарное действие, подачу запроса или просьбы, в дорогостоящий неэффективный процесс.

Это вина системы или конкретных людей участвующих в ней? Вина в статусе системы как безаль-

тернативной, никем конструктивно не критикуемой и не реформируемой.

На соседней улице не может возникнуть частный суд, который бы имел какие-либо реальные полномочия. Человеку больше некуда обратиться за помощью, как в суд официальный, но в большинстве случаев вместо помощи он сталкивается с волокитой, непониманием, отсутствием обсуждения существования его дела.

Подав в суд, начав гражданский иск -- это словно выхватить у противника его кошелек и бросить вместе со своим на дно пруда – пусть никому не достанется. Потому что чаще всего большая часть денег обеих сторон уйдет на оплату адвокатов и прочие судебные издержки.

Это то, что касается административных исков и гражданского права, ну, а уголовное право прекрасно описано в мрачном фантазмагоричном романе Франца Кафки «Процесс» о тщетных попытках личности пройти бюрократические лабиринты абсурдной и антигуманной системы. Старший прокурор банка Йозеф К. обнаруживает, что попал под арест в день своего рождения. В его комнате появляются два незнакомца, которые сообщают ему об этом, бесцеремонно проведя обыск. К. подавлен, но не теряет надежды найти разумное объяснение случившемуся. Однако его заключения начинаются с того, что понимания и сочувствия он ни в ком не обрел, практически все его поверхностные знакомства оказываются бесполезными. Никто на пути борьбы не может составить ему компанию, и чем глубже он погружается в обстоятельства своего «дела», тем сильнее он ощущает свое одиночество и бессилие.

Последний год, отвоеванный у неумолимого рока, герой проживает в рамках судебных мероприятий, о которых толком никто ничего не знает. Вина не известна даже судьям, которые ведут его дело. Он виноват просто потому, что каждый из нас может быть в чём-то виноват. Абсурдность ситуации усугубляет то, что все, кроме него, уверены, что следствие – очень опасное и важное испытание в его жизни, которое может закончиться и смертью. Один он в упор не понимает, что происходит, и в чем выражается арест. Но обществу паникеров удастся заарканить его нервы: теперь он все больше не живет, а бежит по различным инстанциям, пытаюсь рационально контролировать происходящее, но так лишь окончательно запутывается в силках неведомого правосудия. Своей вины Йозеф так и не узнает даже тогда, когда его убивают по приговору «как собаку» — ножом в сердце.

Уголовный процесс действительно представляет собой мрачное театральное действие с предсказуемым финалом.

Судебная система четко дает понять, что настоящий враг человека, представляющий для него опасность это вовсе не обидчик, а сама система, которая засосет, сталкивающегося с ней и выплюнет ободранного, с весьма расшатанными нервами, и спасибо если живого.

Поразительно как люди всю жизнь позволяют себя мучить одним и тем же системам, одним и тем же политикам. Причем очевидно, что системы вредны и плохи, а политики глупы и злы, и приносят постоянный вред.

Это ощущают практически все, но судебная, как и политическая системы словно океан поглощают и топят любые попытки их изменить.

Автор не склонен винить людей, он обличает системы, ибо попав в этот бездонный океан правосудия, человек может либо мучительно научиться плавать, либо неизбежно утонуть. Системы не позволяют находиться в них тем, кто может их разрушить. Они практически сразу избавляются от таких.

Однако людей, составляющих систему винить нельзя, ибо, если бы мы с вами, дорогой читатель, оказались частью такой системы, мы либо приняли бы правила игры, либо система нас выбросила бы, нещадно перемолов и выплюнув.

Представьте, что завтра вы в мантии судьи ведете какой-нибудь процесс. Вы быстро войдете во вкус. Вам очень скоро покажется, что свет клином сошелся на вас, а если нет, то многочисленные жалобы на вас за излишнюю человечность помогут вам очень скоро освободиться от судейской мантии. И жалобы эти будут от ваших- коллег, других судей и обвинителей.

Автор утверждает, что в попытке обеспечить пресловутые принципы справедливости мы теряем основную цель существования системы правосудия, ибо нам нужно поставить основной целью благополучие, спокойствие, безопасность и удобство для членов общества, а не некую справедливость, в ущерб перечисленным благам. Но ведь справедливость и подразумевает все эти блага, не так ли? По крайней мере в принципе! О нет. Чаще всего справедливость требует жертвы. Восстановление справедливости нередко идет в разрез со спокойствием и

благополучием, требует дополнительных ресурсов, и практически не достижимо, потому что, как мы говорили, справедливость есть понятие относительное и изменчивое, и у каждого она своя.

Во многих случаях люди избегают пользование системой правосудия для защиты своих прав потому что по опыту знают, что им это выйдет боком.

Проблема состоит в том, что когда ваши права в обществе попираются - вам не к кому обратиться. Номинально существующие структуры крайне не приветливы и чаще всего ограничатся отпиской.

Причем даже если нечто положено вам по праву, усилия, требующиеся для получения необходимого, и низкая вероятность успешного итога заставят вас отказаться от затеи защищать свои права в суде. Примеров тому множество, и по сути, всякий, кто когда-либо сталкивался с необходимостью защиты своих прав, прекрасно знаком с этой проблемой.

Произошел серьезный сдвиг в сознании людей и понимании целей существования общественных институтов. В других областях общественного самосознания произошли колоссальные изменения. Например во многих юрисдикциях признаются однополые браки, при том, что некогда гомосексуализм карался тюремным заключением в соответствии с уголовными кодексами. Так что изменение отношения и к основным принципам правосудия необходимо, чтобы отразить то, как намерено жить современное общество.

Точно так же как в семейных и деловых отношениях хотелось бы, чтобы партнеры как можно меньше, мягко говоря, мешали друг другу, выяснением отношений и "компостированием мозгов", так

и в отношениях с судебной системой, хотелось бы, чтобы из громоздкого чудовища, с которым никто не хочет иметь дела, она превратилась в удобный и рациональный институт

Понятие «защиты» подразумевает существование «нападения». Иными словами, любое судебное разбирательство есть акт завуалированной агрессии против индивида, его естественных и личных прав и свобод. Однако в отличие от обычной агрессии эта санкционирована так называемым «общим интересом», находящим воплощение в институтах государства и права. Но именно этот источник агрессии, выраженный в праве, теперь предусматривает для своих жертв «гарантию защиты», выраженную в соответствующих установлениях. Этот фундаментальный парадокс на самом деле весьма зыбок, поскольку исторически мы наблюдаем наличие более-менее сильного института защиты и самой «презумпции невиновности» в аномально малом числе обществ и государств. Всё это зависит от равновесных форм отношений внутри социальной стратификации с одной стороны и политической организации с другой, и как только их звенья начинают колебаться, не говоря уже о большем, всякие гарантии «защиты» и «невиновности» рассыпаются в прах. Так развенчивается само по себе представление о «независимом» судопроизводстве, якобы автономном от вмешательства извне других центров силы и власти. Но даже в самой организации и характере функционирования судебной «защиты» виден целый ряд слабостей и несовершенств, устранить которые не представляется возможным без вмешательства в самую суть человеческой природы. Защита в суде зависит от целого

ряда факторов: материальных возможностей и связей, реальной публичности и поддержки того или иного дела, уровня задействованности общественных интересов и потребностей, идеологических предпочтений, предрассудков и предубеждений вкупе с уровнем ожиданий, организации самой судебной системы и уровня коррупции в обществе, стабильности государственных институтов, характера и направленности судов, в которых рассматривается дело, качества правоохранительных органов, обеспечивающих защиту и неприкосновенность самой «защиты», а не только «подзащитных», и наконец, реальной заинтересованности и профессионализма лиц, эту «защиту» осуществляющих в рамках каждой отдельно взятой правовой системы.

ГЛАВА 20. РАЗОЧАРОВАНИЕ В ПРАВЕ НА ЗАЩИТУ ОБВИНЯЕМОГО.

Когда человеку предъявляется обвинение, словно бы подразумевается, что все вокруг такие законопослушные, а вот он единственный такой виноватый.

Моральное право судить, если вообще такое право существует, может быть только при условии неотвратимости одинакового наказания для всех, совершающих преступление. А если речь идет о случае, когда попался и поэтому «ответь по всей строгости закона!», то это глубоко несправедливо даже в рамках общепринятого понятия о справедливости, уже не раз раскритикованного автором. К сожалению, вышесказанное не может быть принято, как аргумент защиты, типа: «А я чё?! Я ни чё! Вон смотрите они чё?! А им не чё! А мне-то вон чё!»

Вообще, обвиняемый заведомо находится в невыгодном положении, хотя декларативно в соответствии с презумпцией невиновности обязанность представить доказательства лежит на обвинении.

Склонность суда в сторону обвинения известна, и не только в таких судебных системах как Российская. Это очевидно из статистики вынесения обвинительных приговоров. Потому что если суд действительно процесс состязательный, то по крайней мере странно, что результат в более чем 90 процентах случаев оказывается в пользу обвинения, больше напоминая игру в одни ворота. Конечно, можно

утверждать, что обвинение просто не доводит до суда дела имеющие невысокий шанс вынесения обвинительного приговора, но это может и значить, что обвинение имеет гораздо больше ресурсов для сбора доказательств, чем защищающаяся сторона, и у неё гораздо меньше шансов добиться оправдания.

Статистика обвинительных приговоров высока по всем странам потому, что если бы система не давала высокого процента обвинений, прокуратуру обвинили бы в плохой подготовке к процессам, а значит и в плохой работе в целом.

Поэтому судьи, которые обычно работают в тесном контакте с прокуратурой, хорошо знакомы и даже дружны друг с другом, всегда предпочтут сторону своих коллег, чем адвокатов-защитников, которые хоть и тоже из цеха юристов, но всё же гораздо менее близки к судейскому корпусу.

Также обвиняемые, часто идя на сделку со следствием, признают свою вину и в этом случае у них нет возможности оправдательного приговора, но при этом подсудимому гарантируется не более двух третей от предусмотренного статьей наказания по правилам принятым в России. В других странах существуют подобные условия, хотя в некоторых доведение до суда обязательно.

Например, Федеральный конституционный суд Германии внёс ясность в распространенную практику так называемых сделок со следствием, когда подозреваемым в обмен на признание обещают более мягкий приговор. Подобные соглашения разрешены, однако подлежат строгим ограничениям.

В частности, запрещены договоренности, заключаемые неформально, вне рамок процесса или перед

его началом. Согласно данным опроса, который был представлен Федеральному конституционному суду, около 60 процентов немецких судей заключают более половины сделок неформально, а значит, нелегально. Отныне признание обвиняемого не освобождает судей от выяснения доказательств его вины, кроме того, предполагается тщательная проверка фактов, изложенных подозреваемыми, говорится в заключении Конституционного суда.

Основной причиной, которая толкает судей на сделки, является желание избежать утомительного сбора доказательств виновности подсудимых. Решением запретить неформальные сделки Конституционный суд укрепляет права подсудимых на честный процесс, давая им возможность "адекватно реагировать на превышение полномочий государственных институтов".

Наличие суда присяжных более модного в США вносит неопределенность в решения судов. Мы будем говорить подробнее о сделке со следствием.

Знаменитый российский адвокат Генрих Падва говорит следующее об отсутствии оправдательных приговоров:

«Может ли количество оправдательных приговоров быть единственным критерием качества правосудия? Не единственным, но одним из основных и очень важных. Дело в том, что предварительное следствие не может быть абсолютно безошибочным, а оправдательный приговор свидетельствует о должном критическом осмыслении итогов предварительного расследования и действующего контроля над ним. На суде, по существу, лежит обязанность вынести оправдательный приговор в случае,

если обвинение не доказано, к примеру, из-за недобросовестности или некомпетентности следствия. Отсутствие таких приговоров свидетельствует о том, что суды полностью солидарны с обвинительной властью, не осуществляют подлинный контроль над ее деятельностью, не умеют или не хотят вскрывать ошибочность выводов предварительного следствия. Такая работа судов становится, по сути дела, бессмысленной и вредной. Я не хочу сказать о том, что во всех случаях суды должны оправдывать обвиняемых. Но отсутствие или чрезвычайно малое число оправдательных приговоров свидетельствуют о ненадлежащей деятельности судов.»

Почему же так ценятся хорошие адвокаты и их услуги так высоко оплачиваются, если изначально кажется, что оправдаться - обреченная затея? Адвокаты ценятся потому, что без них впаяют так, что мало не покажется, чтоб неповадно было соваться в суд без адвоката.

Есть адвокаты, которых бесплатно предлагает государство, но качество их работы и эффективности оставляет желать лучшего. Предлагаемые государством адвокаты - это чаще всего полная фикция. Они скорее служат для того, чтобы соблюсти ритуал, как в старые времена приглашение священника перед казнью. Было странно полагать, что священник, выслушав последнюю исповедь, вышел бы вместе с казнимым на эшафот и потребовал его отпустить, потому что преступник, целуя крест, заявил о своей невиновности или искренне раскаялся!

Нет, священник был для соблюдения формальных приличий. Так и бесплатный адвокат. Причем такой адвокат будет скорее мешать защите, чем ей

помогать, потому что он тоже часть системы и не желает с ней ссориться.

А отказ от адвоката приведёт к полному фиаско, потому что цеховая солидарность потребует засадить смельчака по полной программе, не говоря уже о том, что обычный человек не сможет соперничать с судебной системой в ее способности оперировать юридическими терминами, ресурсами, опытом и владением законодательной базой. Это всё равно, что ребенку выходить на ковер против профессионального борца.

В принципе шансы у обвиняемого невелики выйти из дела оправданным, но даже если такое чудо случится, его финансовые и моральные потери в большинстве случаев не будут компенсированы.

Замечательная фраза патриарха адвокатуры Плевако: «За прокурором стоит закон, а за адвокатом — человек со своей судьбой, со своими чаяниями, и этот человек взбирается на адвоката, ищет у него защиты, и очень страшно поскользнуться с такой ношей».

Странно, что все граждане в потенциале могут оказаться на скамье подсудимых, но при этом никто не пытается всерьез позаботиться, чтобы в обществе существовали механизмы, спасительные для человека, против которого работает государственная судебная машина. Никто не хочет оказаться на месте подсудимого, но люди достаточно эффективно могут себя обманывать в том, что с ними-то это точно никогда не случится. А на худой конец они найдут «хорошего» адвоката, обратятся к шурину или ещё кому-то со связями в соответствующей инстанции, игнорируя тот факт, что по статистике получить

оправдательный договор практически невозможно. Хотя конечно, статистика не включает случаев когда уходят от ответственности с помощью коррупции. Но не во всех случаях это возможно. Например, в западных странах такая опция практически отсутствует. И вот тогда начинаешь жалеть, что нельзя просто взять взятку, как в других странах. Не так ли? Вот тогда приходит на ум, что может быть коррупция – это не так уж и плохо, и она является механизмом корректирующим тотально обвинительное правосудие. Автор вовсе не агитирует за дачу взяток, а просто указывает на то, что на личном уровне в странах где невозможно изменить свою судьбу с помощью взятки жестокая и бессмысленная система не оставляет человеку никаких шансов, чем становится еще более бесчеловечной.

Дело в том, что всякий раз, когда обвиняемый попадает в систему правосудия он становится скорее не обвиняемым, а жертвой, да жертвой этой самой системы, и еще не известно, кто страдает больше, те, кто пострадали от его преступлений, или он сам, от системы, призванной восстановить справедливость и наказать виноватого.

Адвокат Константин Добрынин пишет: «Адвокаты воспринимаются многими судьями как оппоненты и даже враги (ну хорошо – неприятели), с которыми надо пожестче, иногда в прямом смысле — физически. Картинки с вышвыриванием, как процессуальным, так и физическим, защитников из процесса уже никого не удивляют – ими полон YouTube.

Адвокатура же, по своему прямому предназначению важная и обязательная составляющая правосу-

дия, в такой системе координат, разумеется, не востребована и служит лишь раздражителем и помехой, которую надо устранить или нейтрализовать. Зато в такой системе координат больше востребованы «решалы» с адвокатским статусом или «верблюды», как мы называем тех «как бы коллег», основное предназначение которых что-то незаконно протащить в СИЗО или в карман следователя.»

Не говоря о том, что судебная «защита» не обеспечивает реальной безопасности ни лицам, ни организациям, к ней прибегающим, она также в реальности не гарантирует и безопасности самих обвиняемых. Судебная система исходит из формальных критериев оценки общественной опасности или угрозы в результате тех или иных предусмотренных законом воображаемых ситуаций. Следовательно, она реагирует постфактум, а не предотвращает, констатирует некий факт вместо того, чтобы действовать профилактически или предотвращать. Поэтому часто разбирательства в рамках судебной системы сродни действиям пожарных при возгорании: они скорее едут на пепелище и описывать происшествие в протоколе, чем предотвращают последствия, не говоря уже о причинах. А если принять во внимание, что к судебному вмешательству прибегают в основном в экстренных случаях, что его боятся часто больше, чем самих преступлений, и что информация, достигающая судов, по пути подвергается самым разнообразным махинациям, нетрудно догадаться, что обвинение на процессе будет не менее формализованным и опосредованным, чем сам процесс и законы его порождающие. Обвиняемый в таких условиях обречён на страдания в любом случае.

Он терроризируется либо открыто, либо подспудно. Давление на его «защиту» изначально велико, что побуждает её к поиску средств обойти возможные препятствия любой ценой, пусть даже принеся в жертву пресловутый принцип правды и справедливости. Цель процесса – выявить вину, а стремление доказать невиновность находится в руках «защиты», и никак не государства, которое всегда обвиняет. И чем сильнее государство, чем бесконтрольнее оно, тем меньше шанс на получение «защиты» или «снисхождения» для обвиняемого, который никогда, до самого конца процесса, не перестаёт быть фактически ни «подследственным», ни «подозреваемым», а самой настоящей жертвой системы правосудия.

ГЛАВА 21. РАЗОЧАРОВАНИЕ В ПРИНЦИПЕ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СТОРОН: СУДЕБНАЯ МАШИНА И МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК.

Стороны процесса всегда неравны. Либо обвинение обладает преимуществом в доступе к информации и административным ресурсом, либо защита имеет возможности использовать обходные пути для влияния на процесс или трансляции своей версии на подготовленную аудиторию. Кроме того, обе стороны всегда без колебаний используют любую возможность умалить значение аргументов и возможностей противоположной стороны, подорвать её авторитет и репутацию, посеять сомнение в компетентности. Другим уровнем противостояния становится поддержка со стороны судей, общества, государства, общественных организаций, СМИ и т.п. Массированные кампании способны подготовить общественное мнение в ту или другую сторону. Подчас в ходе одного и того же процесса есть возможности качать эти «качели» в обоих направлениях, с тем, чтобы создать именно ту самую, необходимую системе иллюзию «состязательности», заставить общество и индивидов поверить в то, что решение может «качнуться» в «непредсказуемом» направлении. Таким образом создаётся интрига, привлекается внимание, поддерживается вера в правовые институты и их эффективность, и главное —

безальтернативность, а также в пресловутое «торжество закона». В реальности, однако, соотношение сил на процессе есть всегда продукт взаимодействия и выстраивания отношений сторон, а состязание не есть война. Более того, если строго стремиться придерживаться буквы и духа принципа поиска истины и справедливости, любая «интрига» или «неопределённость» должны исчезнуть, а ажиотаж улечься. Но этого никогда не происходит.

Нужно сказать, сам факт обвинения ставит перед обвиняемым непростую задачу. Ему по сути дела необходимо за свой счет нанять команду, которая будет эффективно его защищать, то есть проводить действия сопоставимые с действиями следствия, с помощью которого его обвинили.

Что же, для соблюдения равновесия необходимо иметь государственную службу, которая не только бы осуществляла адвокатскую защиту в суде, но и проводила альтернативное следствие по сбору доказательств, способных помочь в оправдании обвиняемого?

Даже если сравнить траты на проведение следствия со средствами, выделяемыми государством на защиту обвиняемого, становится ясным, что вопиющее неравенство сил на лицо. В знаменитом фильме "Убить дракона", по подписанному драконом триста лет назад закону, тому, кто захочет с ним сразиться горожане могут оказывать помощь и никому за это ничего не будет угрожать. Ну, горожане во главе с бургомистром предоставляют рыцарю Ланселоту меч в виде тупого ножика для резки бумаги. Такой же тупой ножик предоставляется обвиняемому и для защиты от дракона правосудия.

Это горькая насмешка над несчастным. Если бы реально нужно было сохранить принцип состязательности сторон, то следовало бы на каждого следователя иметь антиследователя, который бы финансировался за счет государства, и, по крайней мере, с тем же рвением осуществлял бы сбор доказательств, призванных поддержать защиту обвиняемого. И чтобы у этого антиследователя были бы, по крайней мере, такие же широкие полномочия, как и у следователя, работающего на обвинение. Причем мандат антиследователя не должен был бы ограничиваться только расследованием конкретных обвинений против его подопечного, но у него должна быть возможность вести следствие против всех фигурантов процесса, включая самих следователей и судей. Вот тогда бы выявлялись все случаи коррупции и кумовства. причем, институт таких антиследователей должен быть совершенно отделенным от полиции, чтобы избежать случаи личной дружбы и неуставных связей.

Даже очень хороший адвокат ничего не может сделать без доказательств, и поэтому в большинстве случаев сложного судебного противостояния адвокату, на средства клиентов, приходится нанимать частных сыщиков и экспертов для сбора доказательств невиновности.

Слишком нерационально и неэффективно создавать антиследствие? Скорый суд - это гораздо эффективнее... Ну, а ставить к стенке без суда и следствия - вообще имеет молниеносный эффект! Только не надо морочить голову о принципах, которых якобы основывается правосудие. Не надо вообще

называть то, что мы имеем правосудием. Это *кривосудие* в чистом виде!

Если изложенное выше создание условий произвести антиследствие не имеет места, то тогда и не надо говорить о принципе состязательности сторон и о равенстве перед законом.

Ведь поймите, дорогой читатель, суд совершается только тогда, когда обвиняемый не признает свою вину, то есть утверждает, что он не виновен. Во всех других случаях суд не имеет смысла, если вина обвиняемым признаётся. И суд претендует на то, что судьи беспристрастны и в судебном процессе не склоняются в пользу ни одной из сторон, а основывают правосудие на фактах.

В древнейших законах Хаммурапи на обвинителе лежала ответственность и риск подвергнуться тому же наказанию, что грозило обвиняемому, если оказывалось, что он не виновен. Давайте сажать в тюрьму следователей, прокуроров и судей, в случае если окажется, что они осудили или даже просто пытались осудить невинного человека.

Мой читатель будет утверждать, что в большинстве случаев преступник не признаёт вины, потому что хочет уйти от наказания, а по настоящему он конечно же виновен. То есть читатель сразу лишает обвиняемого презумпции невиновности.

Но даже если это так, и речь идет о виновном преступнике. Вспомним роман. «Посторонний» французского писателя Альбера Камю, написанный в 1942.

Повествование ведёт 30-летний француз, живущий в колониальном Алжире. Имя его остается неизвестным, но фамилия вскользь упоминается —

Мерсо. Описаны три ключевых события в его жизни — смерть матери, убийство местного жителя и суд, ведущий к смертному приговору.

На суде Мерсо правдиво заявляет, что спустил курок пистолета «из-за солнца» его ослепившего, чем вызывает в зале смех. На присяжных производит наибольшее впечатление свидетельство о том, что Мерсо не плакал на похоронах своей матери, следовательно, человек он жестокосердный и не достойный того, чтобы жить.

Роман показывает, что страдание жертвы гораздо меньше страдания подсудимого. Жертва погибла мгновенно. Подсудимый опозорен и мучается длительным ожиданием смертной казни.

Мы можем оправдать что угодно. Человеческий разум так хитро устроен, что может оправдать любой даже самый не справедливый факт. Золотое этическое правило: «Не делай другому того, что не хотел бы, чтобы сделали тебе!»

Все участники судебной драмы люди, и никто не может с абсолютной уверенностью сказать, что не окажется на скамье подсудимых.

Сила не у людей, а в неравности системы. Судья или прокурор могут оказаться физически слабее подсудимых. Пока на стороне судьи система - он сильнее, но стоит ему быть лишённым статуса и оказаться на скамье подсудимых, и система работает против него.

Поддержание справедливости становится оправданием для содержания гигантской и разветвлённой системы, отличающейся нередко безразличием к человеческой жизни и её реалиям. Эта машина не отличается большим состраданием и пониманием

причин и следствий человеческих поступков, мотивации и выбора. Но главная ирония в том, что сама по себе она является ничем иным как отражением сублимации людьми своего собственного бегства от человеческой природы и стремления достичь целей за счёт ближних и нередко вопреки здравому смыслу и самой логике. Судебная система – воплощение всего этого – смоделирована так, чтобы пугать уже на этапе приближения к ней. Она напоминает языческий храм с магией и тайными залами, закрытыми для непосвящённых, идолами неприкосновенных божеств, святая святых, куда могут войти лишь имеющие право и принадлежащие к избранной касте. Юриспруденция стала новой кастой, стоящей выше самого закона и справедливости, поскольку в её жреческих руках находится само их отправление, выработка и применение. Большинство людей, причём вне зависимости от общественного или даже материального положения, попадают в зависимость от системы, и нередко их ничто не может спасти, если системе необходимо произвести показательное или образцовое представление для доказательства своего всемогущества и оправдания своего существования. Причём делается это также искусно, так, там и тогда, где необходимо дать импульс для дальнейшей экспансии огромной и разветвлённой системы, привлечь в неё под это новые материальные ресурсы. На разных уровнях машины её также можно использовать для достижения личных или групповых целей за счёт тех, кто не способен манипулировать своевременно или полноценно. Чем более совершенной является система, тем больше у неё возможностей для привлечения к «ответственности»

на основании гораздо большего числа условных норм и их формулировок. Судебная система может подменять само государство там, где оно стремится уйти в тень или боится слишком явственно расписаться в собственной несостоятельности. И особенно это касается сферы подавления частных интересов и потребностей индивида.

ГЛАВА 22. ТАРАБАРСКИЙ ЯЗЫК СУДОПРОИЗВОДСТВА.

- Обвиняемый! Почему вместо того, чтобы культурно объяснить, что вам неприятны нецензурные выражения, запах алкоголя, сигаретный дым, выпущенный вам в лицо, вы ударили пострадавшего, повалили на асфальт, пнули ногой и, подняв, сбросили с моста в реку?

- Я попытался объясниться культурно, но он попросил меня выражаться попроще...

Как становится очевидно из названия главы и приведенной шутки, речь пойдёт о том, что язык на котором ведётся судопроизводство не понятен населению.

Как получилось, что язык на котором решаются вопросы жизни и смерти, пожалуй, самый непонятный, витиеватый, изобилующий выражениями, значение которых практически не ясно подавляющему большинству людей?

Получается, в суде есть особая лексика, им так нравится, а против странности системы правосудия, как мы не раз уже установили, ничего сделать нельзя. Тем более по всем узким специализациям есть своя терминология (также в медицине, например). До судебного разбирательства человек, который был приглашён в суд, должен получить консультацию юриста/адвоката, который всё должен пояснить на более понятном языке, а на процессе, по всей ви-

димости, предполагается, что адвокат, как переводчик, будет переводить подзащитному. Юриспруденция – это ведь особая наука и она имеет право на свой профессиональный язык.

Но речь идёт не о специальной науке, а об общественном институте, претендующем на универсальность и общедоступность.

О каком равенстве всех перед законом может идти речь, если язык этих законов и язык судопроизводства непонятен подавляющему числу граждан?

С другой стороны, возникла мода на определение общеизвестных понятий, вообще не требующих этого. Например, в статье 1 Водного кодекса Российской Федерации определяется понятие "вода": по мнению законодателей, это "химическое соединение водорода и кислорода, существующее в жидком, твердом и газообразном состояниях". Чуть ниже дается определение "вод" во множественном числе: это "вся вода, находящаяся в водных объектах".

Приведённые примеры говорят о том, что законодатель нередко сам отступает от норм и требований юридического языка, которые считает обязательными. Почему это происходит?

Главная причина "размывания" юридического языка низкий уровень культуры самих законодателей, непонимание ими ценности юридического языка, неумение использовать все его "регистры".

Существует проблема и с переводом международных правовых актов, принятых Российским законодательством. Снятие искусственных идеологических барьеров существенно расширило круг международного общения России, что выразилось в подписании и ратификации целой серии важнейших

международноправовых документов. В свою очередь это поставило на повестку дня проблему правильного перевода на русский язык универсальных международных документов, заключенных на иностранных языках, их адекватного толкования и применения. Наиболее остро эта проблема встала при подготовке к ратификации Европейской конвенции о правах человека и основных свободах и других тесно связанных с ней документов.

Тот, кто хотя бы раз в жизни сталкивался с юридической документацией, наверняка заметил, насколько запутанным и непонятным может быть язык права. Громоздкие конструкции, витиеватые фразы, сложные формулировки и непонятные слова, кажется, создают всевозможные препятствия, чтобы утаить истинный смысл сообщения. Людям без юридического образования далеко не всегда удаётся понять, о чём идёт речь в документе, даже если он составлен на их родном языке. Можно представить себе, с какими трудностями сталкиваются переводчики, работающие в области юриспруденции...

Необходимо провести такую реформу юридического языка, чтобы каждый текст мог пройти тест на понимание десятилетним ребенком. Вот тогда можно будет говорить о формировании истинного правосознания.

То, что не понятно десятилетнему ребенку не понятно и основной части населения.

Люди научились скрывать свою безграмотность, но подвижники образования знают, что если опросить с пристрастием любого человека на предмет понимания даже общераспространенных слов, ока-

жется, что подавляющее большинство взрослых граждан не понимают их истинное значение.

О каком формировании правосознания идет речь, если люди, как говорится, «тупо не понимают»?

В других областях человеческой деятельности тоже существуют специализированные языки. Но ни одна эта сфера не проявляет узаконенной агрессии и мер подавления по отношению к человеку. Только система правосудия. Медицина и техника не призваны наказывать. Так что там, непонятную терминологию мы как-нибудь переживём.

А вот судебный процесс должен вестись на понятном языке.

Дело в том, что юристы не обсуждают вопросы квантовой физики неудобные для понимания обыкновенным человеком. Юридический язык обычно касается житейских ситуаций, но превращает их в абракадабру.

Эта проблема характерна и для других языков. И на английском, и на французском, и на немецком, и на иврите юридический язык разительно отличается от обычного. И особенно грустно, что юридическая терминология и речевые обороты претендуют на особую точность выражения мысли и отсутствие возможности разночтений, в то время, как, к сожалению, запутанность терминологии как раз способствует манипуляциям и лазейкам.

Как и полагается в системе, притязающей на величие и таинство, для ведения правового процесса, особенно публичного характера, требуется особое наречие, состоящее из терминов на секретном языке (как правило, латыни). Цель состоит в том, чтобы вызывать и поддерживать уважение и даже страх

перед самой системой, которая приобретает квазирелигиозный характер. Действительно, латынь используется либо в религии, либо в медицине: не потому ли юриспруденция стремится охватить в себе элементы культа и исцеления от преступных наклонностей?! Ясно одно: непосвящённым – а их подавляющее большинство суммарного населения планеты – без специальной подготовки определённого уровня не подступиться к бастионам юридической системы. И вот тут встаёт необходимость, часто являющаяся путём всё того же легального принуждения, иметь посредников между непосвящёнными и культом Закона. Термины, в которых эти отношения описываются, обрастают такими же табу, как и терминология криминального и процессуального характера. А ведь не секрет, что все эти термины потенциально легко перевести на любой из существующих языков, и тогда их суть и назначение станут понятны тому самому «непосвящённому» большинству. Но в том то всё и дело, что, будучи переведёнными, они лишатся той ауры секретности и величественности, которыми пользуются ныне. И возможно, в итоге окажется, что в доброй половине из них вообще нет никакой надобности, которую бы диктовала реальная действительность. И что многие из них самим своим существованием скорее препятствуют поиску истины и справедливости, нежели облегчают его.

ГЛАВА 23. ПОДМЕНА СУТИ ДЕЛА ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ФОРМАЛЬНОСТЯМИ.

Юристов во все времена справедливо обвиняли в крючкотворстве, игре понятиями, привычке привязываться к форме, избегая касаться содержания. Кажется ничто не может заставить юриста перейти к сути вопроса. Не даром ходит шутка: «В суде началось рассмотрение дела по существу. Существо заявило, что оно невиновно!» Скорее в суде будут судить некое существо, чем действительно примутся рассматривать дело по существу.

Кроме проблем с использованием языка, юридическая практика славится своим упорством подменять суть дела различными процессуальными и техническими вопросами.

Словно бы если кто-то посмеет сказать нечто действительно относящееся к делу, то судьи в мантиях превратятся в обычных людей и чары весомости и законности рассыпятся.

Поэтому часами юристы будут обсуждать что угодно, но только не суть проблемы, которая может быть сформулирована в трех простейших словах.

Например, возвращаясь к нашумевшему делу актёра Ефремова, который был обвинён в том, что в пьяном виде послужил причиной аварии со смертельным исходом водителя, с которым он столкнулся. Мы все целыми неделями наблюдали за процессом, но никто в зале суда не произнёс, а если и про-

изнёс, то был немедленно заткнут, а именно, то, что процесс был политический. Ефремов отличался популярными и дерзкими пародиями на власть, и власти был необходим показательный процесс, дискредитирующий и нейтрализующий противника.

А поскольку процесс политический и очень выгодный власти, по справедливости было бы необходимо назначить независимую следственную группу, которая бы устранила все сомнения, что его намерено не подставили, опоив снотворными, и спровоцировав аварию.

Таких совпадений не бывает. Всё произошло слишком удобно для властей.

Это ясно всем здравомыслящим людям. Но все делают вид, что обсуждать следует именно технические подробности и доказательства, которые безусловно, при участии определенных служб, могли быть виртуозно подделаны.

Автор вовсе не считает личность актёра-пьяницы привлекательной. Не добавляют шарма и его заявления, что юморил он против власти не от души, а за деньги. Однако, очень часто бывает очевидно, что нам скармливают инсинуации и что суть дела обсуждают какие-нибудь маргиналы-блогеры, но никак не в зале суда.

А мы вынуждены наблюдать схватку с предрешённым исходом между двумя негодьями: продажным актером пьяницей, который за деньги читал тексты, льющие воду на мельницу врагов России, и преступным государством, мстящим этому актёру и устраняющим его.

Итак, подводя итог - обсуждения в суде должны быть на языке понятном десятилетнему ребенку, и

обсуждать суть дела, которая всем очевидна, но никем не обсуждается. Должен задаваться вопрос почему произошло то или иное событие и почему именно сейчас, кому было выгодно довести это до суда, и не пытаются ли с помощью суда произвести расправу. Иначе, если изолировано обсуждать дело - то ничего не будет ясно, хотя, стоит взглянуть на разбираемое дело шире и может стать очевидно, что речь идет о предвзятом отношении и манипуляции.

Но самое страшное, что это происходит не только на громких процессах. Обычно даже у какого-нибудь мелкого судебного разбирательства с бабушкой-соседкой есть некая подноготная, которая всем очевидна, но вовсе не рассматривается в суде.

Казалось бы плюсом является то, что суд рассматривает только конкретное дело и не принимает во внимание никаких факторов, напрямую его не касающихся. Но ведь чаще всего именно в этих факторах и скрывается суть справедливого разбирательства. И если это не влияет на принятие решения, то ни о каком сбалансированном или, если хотите, справедливом решении не может быть и речи.

Нередко формальные аспекты процесса используются сторонами и вовлечёнными заинтересованными лицами с целью сокрытия или увода в сторону от реалий дела. Это осуществляется под прикрытием самых разных факторов, которые могут либо препятствовать правосудию как таковому, либо мешать отдельным сторонам процесса. Главным тогда является выиграть время для дальнейших манипуляций с информацией в разных формах, либо сокрытием или представлением новых свидетелей, и т.п. Затягивание или ускорение производства в та-

ких случаях могут служить стратегии как обвинения, так и защиты. В основном, однако, это поддерживает на плаву систему в целом, позволяя запутывать её функционирование, распределяя силы в самых разных направлениях одновременно. Под видом поиска приоритетов в расследовании система способна создать условия для выстраивания стратегии и тактики процесса под ту или иную из заинтересованных сторон, в зависимости от потенциала дела и характера представленных материалов. Кроме того, соблюдение либо несоблюдение отдельно взятых формальностей в разные сроки способствуют при определённых обстоятельствах усложнению ситуации подозреваемых, либо, наоборот, её разрешению. Рассмотрение сложных дел одновременно разными инстанциями способно вызвать конкуренцию, и это может повлиять на конечный совокупный результат. А изменение тех или иных параметров, формализованных в процессуальном законодательстве по ходу процесса также способно повлиять на эффективность и направленность рассмотрения.

ГЛАВА 24. ДАВЛЕНИЕ НА ПОДСЛЕДСТВЕННОГО И СДЕЛКИ СО СЛЕДСТВИЕМ.

Поскольку любой судебный процесс можно было бы назвать состязанием или даже поединком, в нём, как и на любой войне, все средства хороши. Особенно они могут быть эффективными как раз не на самом ринге, а за кулисами, где стороны готовятся к схватке, нередко не брезгуя допингами. К таковым в юридической практике очевидно относится многообразное давление на индивида, попавшего в поле зрения Фемиды. Поскольку с момента задержания правовой статус такого лица автоматически становится на порядок более уязвимым, чем до задержания, в ход пускается целый арсенал уловок с целью добиться тех или иных показаний, информации, а то и просто поведения, которое может посеять сомнения и выбить почву из под ног противоположной стороны процесса. Основные формы такой полулегальной терроризации могут быть психологическими, когда используются уязвимые стороны характера, ожидания и надежды, привязанности и связи подозреваемого. Другими способами могут быть юридические, когда определённые формы поведения в течение следствия и на процессе приветствуются и поощряются, а другие должны быть пресечены. Причём в ход идут средства нажима, формально предусмотренные в праве с иной целью – например

возможность по воле должностных лиц использования чего-то во благо либо против человека. Кроме того, также привлекаются и другие формы нажима, выглядящие как завуалированная сделка или даже подкуп (например, когда речь идёт об имущественных интересах человека). Режим содержания под стражей может не менее эффективно использоваться для регулирования воздействия, а угроза его улучшения и ухудшения не только во время следствия, но и даже после процесса способна в определённых обстоятельствах влиять на ход дела.

Следственные органы изначально ограждены практической неприкосновенностью для общества. Они защищены особым правовым порядком и подчинены тем инстанциям, которые надзирают за их деятельностью, исходя из внутрисистемных критериев, доступ к которым для обычных смертных столь же ограничен, как и доступ в судебнопроцессуальный мир отношений. По сути, лица, ведущие следствие, это такие же жрецы системы, как и юристы, обслуживающие процесс. Они неслучайно взаимодействуют между собой на регулярной и особо выверенной основе, формируя тот особый мир, куда в качестве жертвы попадает подозреваемый, и все остальные «подозреваемые», круг которых изначально неограничен. Следственные органы всегда манипулируют «подозрением», и нередко в целях весьма далёких от реального раскрытия того или иного преступления или продвижения того или иного дела. Нередко сводятся счёты, продвигаются личные или групповые интересы, используется служебное положение, перестраиваются общественные отношения на самых разных

уровнях. На данном уровне основной формой деятельности является сбор и обработка информации во всей возможной полноте, а это означает, что манипуляциям подвержен доступ, распределение такой информации, контакт с её носителями (как прямыми, так и опосредованными), а также трансляция информации (нередко выборочная и тенденциозная) на следующие уровни системы. Следственные органы могут вторгаться в сферу частной, семейной, общественной жизни, а также экономические отношения. Возможности для ограничения их влияния эфемерны, так как они всегда могут влиять на модификации текущего права с целью достижения требуемого уровня как защиты своей работы, так и иммунитета от преследования. Превышение ими своих полномочий нередко так же трудно доказать, поскольку они в разной форме контролируют сами себя, а доступ к внутрислужебной информации для посторонних лиц ограничен. Они могут перебрасывать в разные инстанции те или иные дела достаточно легко, если в тех или иных рамках системы те или иные необходимые им действия невозможны. Так они локально способны уходить от ответственности и «прятать концы в воду». Это же касается применяемого арсенала средств. Система действует явно по «принципу сообщающихся сосудов».

Безусловно, правоохранительные и следственные службы имеют значительные различия в разных странах, отражая национальные и культурные особенности тех или иных сообществ.

В одних странах полиция может вместо «здрасьте!» дать по уху или по почкам, в то время как в других они будут вести себя предельно вежливо.

Но не в этом суть. В большинстве стран население относится к правоохранительным органам с объяснимой опаской.

Что же касается уголовного следствия, то автор беседовал с теми, кто имел подобный опыт в США, Канаде, Германии, России, Новой Зеландии и Израиле и на основании собранных данных пришёл к следующим выводам.

В идеальной картине мира суды должны оценивать возможность использования результатов поиска улик в качестве доказательств по уголовному делу. Иными словами, смотреть, законно ли вели себя оперативники.

Человек, попадая в статус подозреваемого, нередко подвергается серьезному давлению, его запугивают, не объясняют четко его прав не давать свидетельств, которые могли бы его инкриминировать, и главное, полиция всех указанных стран легко и с удовольствием вводит подследственных в заблуждение, ибо следователям чуть ли ни на официальном уровне разрешено врать подследственному для того, чтобы выбить из него признания или обличительные сведения, которые могут быть использованы против его подельников.

Нередко поражает то, что следственные органы с рвением берутся не за те дела, которые действительно представляют общественную значимость и связаны с серьезными преступлениями, а за те, которые легче расследовать, чтобы быстрее отчитаться. Поэтому наиболее часто встречается история о том, как не ведающий ни о чем человек вызывает полицию, но из пострадавшего превращается в под-

следственного. Потому что, вот же он готовый - бери его голыми руками, и искать никого не надо.

Во многих случаях полицейские сами намеренно провоцируют совершение преступления.

В начале 2000-х полицейский, работавший под прикрытием стал организатором и руководителем террористической ячейки, в которую вошли молодые люди, исповедующие ислам. Они, с легкой руки полицейского, планировали захватить здание парламента и отрубить голову премьер-министру Канады.

Все члены ячейки были осуждены, но тогда в обществе поднялся вопрос насколько полиция может сама провоцировать на совершение преступления.

Другой пример от одной из литпомощниц, отзывавшейся на объявление о работе над этой книгой. Впрочем, автор слышал ее историю и раньше.

Женщину обобрал брачный аферист на сумму в полмиллиона долларов (отсудил у неё дом, доставшийся ей как вдове). Никакие жалобы не имели действия, и она обратилась к знакомому за советом, сказав ему в сердцах, что убила бы мерзавца бывшего мужа.

Тот передал её слова своему священнику и они вместе обратились в полицию. Полиция подослала своего агента под прикрытием, который позиционировал себя как наемный убийца. Женщина испугалась, но ей стали угрожать, что если она откажется, то сама чуть ли не станет жертвой.

Она пошла на встречу с псевдо-киллером, и тот записал разговор.

Женщина находилась под домашним арестом 4 года пока шел процесс, а потом провела еще 5 лет в тюрьме. Вышла на свободу без копейки денег. Женщина несколько раз от отчаяния пыталась покончить с собой, но осталась в живых и впоследствии написала обо всем этом книгу. История произошла в Канаде.

Неужели полицейские имеют широкий спектр возможностей давления на подозреваемых и могут ими пользоваться совершенно безнаказанно ?

У жертв давления и принуждения нет возможности записать разговор (в полицейском участке запись уже невозможна. При аресте все средства записи будут отобраны).

Есть, конечно, возможность жаловаться, но толку, обычно, мало. Вдумайтесь, простой человек должен жить своей жизнью, а не ставить целью своего существования победить систему, преследующую его, на его же деньги налогоплательщика. Полиция же ведь занимается борьбой с преступностью профессионально, и когда она ополчается против простого человека ей это не сложно и не затратно. Силы абсолютно не равны и поединок напоминает игру в одни ворота.

Еще одна история. У автора в приюте проживал бывший бездомный. Он хранил некоторые вещи, снимая место на складе. Однажды его там арестовали и обвинили в краже вещей у других собственников с этого склада, причем явно кража была инсценирована собственниками, чтобы получить страховку.

Итак, владельцы сами себя ограбили и требовали выплатить страховку за украденные картины их от-

ца, какого-то никому неизвестного индийского художника, застрахованные на 12 миллионов долларов. Еще пропало 200 турецких ковриков.

Если бы у экс-бомжа не было железного алиби, которое подтвердили все жители приюта, то в тюрьме оказался бы именно он, потому что полиции было удобно закрыть того, кто окажет наименьшее сопротивление и наименее защищен. Следователи приехали в приют и грозно спрашивали: «Зачем вы его покрываете?», но им пришлось уехать ни с чем.

Полиция сознательно ищет пути оказания давления на подследственного. Конечно на большой шкале ситуация становится лучше. В былые времена представители власти избивали, пытали и убивали иногда без особых причин и без суда и следствия.

Хотя все это воспринималось по-разному. Когда австралийских аборигенов в 19 веке посадили в тюрьму они не хотели оттуда уходить. У них впервые в жизни была крыша над головой... Но в остальных случаях тюрьма не вызывает большого восторга.

Скажем вас решат обвинить в чемнибудь. Вы откажетесь сознаваться. Следствие, не имея достаточно доказательств, поищет всё, что еще можно на вас накопать.

Кто бы вы ни были, дорогой читатель, всегда можно найти два - три направления, по которым было бы несложно обвинить вас в нарушении того или иного закона. И по совокупности вам покажут, что либо вы признаетесь в том, что им нужно, и вам дадут, скажем, условно; либо они, продолжая вас обвинять в том, в чем вы не хотите признаться, еще навешают на вас несколько других обвинений, на

основе налогового законодательства, например, в результате, чего, скажем, вас смогут посадить, а если докажут вину по основному делу (а мы обсуждали, что суды чаще всего выносят обвинительные приговоры), то еще и по этому делу получите по полной.

Например, женщине, которую обвиняли в подготовке заказного убийства, предлагали сделку со следствием, чуть ли ни на условиях, что ей зачтут домашний арест как условный срок. Но та считала, что её спровоцировали и даже вынудили пойти на сговор с подсадным киллером. Женщина хотела добиться правды и схлопотала реальный срок -- пять лет тюрьмы. Кстати, до сих пор, даже отбыв срок, она пытается добиваться правды, так что история ещё не закончилась.

Получается, что идти на сделку со следствием практически всегда выгоднее, чем защищаться в суде.

А сделка со следствием, это своего рода правосудие вне стен суда. О мере наказания принимается решение вовсе не судьей.

Вы скажете, чтобы начали под вас "копать", вы должны изначально стать интересны следственным органам. Для этого может быть масса независящих от вас причин. Допустим у них месячник по борьбе с чем-то или вы просто попались им на глаза, или кому-то перешли дорогу.

Какой нам видится выход из этого и есть ли он вообще? Нужно, по крайней мере, говорить об этом, писать книги, статьи. Окна Овертона существуют как в плохом смысле так и в хорошем, как постепенно навязываются обществу разрушительные

тенденции, так можно прививать тем же путем положительные.

Окно Овертона – это теория или концепция, с помощью которой в сознании общества можно насадить любую идею.

Изменение общественного сознания постепенно приводит к реформам. Ведь все-таки средневековые тюрьмы, пыточные и казни были хуже, чем та же система предлагает нам сейчас. Хотя у людей есть одна интересная черта - думать, что их никогда проблемы правосудия не коснутся. И это, в общем, верно. Многих это так никогда и не касается, во всяком случае напрямую. Но косвенно (через родственников и знакомых) коснется практически всех, хотя бы раз.

Итак сделка со следствием - беда или спасение? Например, в некоторых странах она не приветствуется и все дела должны решаться на судебном процессе

Но и там где она допускается, вообще, получается, что решение всё равно закрепляет судья, и, теоретически, он вовсе не обязан принимать условия сделки, хотя, практически, конечно, такого не бывает.

Когда ты не виновен, сделка со следствием -- абсурд. Но понятно, почему на это идут люди. Самая большая проблема - в растерянности людей. Люди в форме застают их врасплох. Сложная юридическая лексика является препятствием для понимания обычным человеком. Дурная слава этой системы пугает. С одной стороны, сделка со следствием как спасительный круг, с другой стороны, -- спасительный круг с дыркой.

В США суть сделки о признании вины (сделки с правосудием) заключается в признании вины и сотрудничестве со следствием со стороны обвиняемого в обмен на получение ряда льгот, касающихся наказания за совершенное преступление. Обвиняемому могут сократить срок тюремного заключения или переквалифицировать его деяние с более тяжкого на менее тяжкое. Также сторона обвинения может отказаться от дальнейшего расследования.

В России также применяются сделки с правосудием, официально это называется досудебным соглашением о сотрудничестве. Согласно п. 61 ст. 5 УПК РФ, оно представляет собой соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения.

Необходимым условием для заключения досудебного соглашения о сотрудничестве является активное содействие обвиняемого (подозреваемого) в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников, розыске имущества, добытого в результате преступления, и пр. Ходатайство о заключении сделки со следствием подается в письменном виде на имя прокурора, заявить его можно с момента начала уголовного преследования до объявления об окончании предварительного следствия.

Какие преимущества и недостатки есть у сделки со следствием?

Благодаря досудебному соглашению о сотрудничестве можно получить менее суровое наказание. Кроме того, сделка со следствием экономит сред-

ства обвиняемого, которые тому приходится тратить на адвоката. Дело, в рамках которого заключается соглашение, разрешается значительно быстрее.

Однако, так как суд, утверждая соглашение о сделке, никак не связан его условиями, в определенных случаях наказание может оказаться более суровым, а обвиняемому после вынесения приговора уже не разрешат отозвать свои признательные показания.

Таким образом, для обвиняемых, заключающих досудебное соглашение о сотрудничестве, выгода от сделки со следствием не всегда очевидна. По сути, такие сделки призваны побудить обвиняемых (подозреваемых) к более интенсивному сотрудничеству со стороной обвинения, за что им, в свою очередь, могут быть предоставлены определенные послабления при назначении наказания.

Неспособность добиться вовремя необходимых результатов по части сбора информации и выявления сути дела, вынуждает следствие использовать психологические средства давления на подсудимого. А ведь эта самая система гордится якобы достигнутой отстранённостью и беспристрастностью в организации и ведении дела. Эта система, декларирующая свою обезличенность, на самом деле, в части, касающейся именно следованию формальным сторонам процесса, обращается к манипуляциям с человеческим доверием, надеждами, интересами и потребностями. Повсюду в функционировании юридических отношений мы видим такого рода манипуляции, которые сродни элементарным сделкам на основе взаимной выгоды. Сделкам, представляющим из себя скорее экономические и

социально-психологические явления, чем юридические. Однако, когда речь заходит о коррупции в системе отправления правосудия, эти стороны в основном замалчиваются: как будто есть «хорошая» коррупция и «плохая» коррупция. Более того, в данном случае обслуживается изначально только одна сторона процесса: обвинение. Целью сделок является обвинить одного за счёт другого, простить одному то, что не прощается другому за счёт своевременного предательства этой первой стороны. Обществу, таким образом, посылается недвусмысленное дидактическое послание о том, что такая форма поведения поощряется и приветствуется. А «технике» подобных отношений, по сути, обучают на регулярной основе, как одному из критериев «профессионализма». Часто же, при этом, следствие ведётся именно и подчёркнуто заинтересованной стороной: ведущие «расследование», либо те, кто стоит за ними, стремятся своевременно «спрятать концы в воду» через регулирование поступающей информации. Доверие таким образом нарушается многократно и во всех направлениях.

ГЛАВА 25. ЖАЛКИЕ СПЕКТАКЛИ: ГЛАСНОСТЬ СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССОВ И ИЛЛЮЗИЯ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В ПРАВОСУДИИ

Главной целью декларирования гласности и открытости судебных процессов является придание легитимации судебным решениям. Вроде как бы народ краем глаза следит за каждым судом, и если что, мол поправит, или потребует справедливости. Но как часто такое случается? И существует ли механизм, чтобы народ (не являющийся стороной в процессе) мог бы вмешаться и потребовать восстановить справедливость? Видимо предполагается, что, если народу не понравится решение суда, он может выйти на улицы с транспарантами «Свободу, тому-то!» и власти прислушаются. Не очень эффективная, надо сказать, система.

Но кроме того, открытость судебного процесса - это фикция, ибо он открыт только до тех пор, пока суд не решит сделать часть документов или слушаний закрытыми для общества.

По мнению автора, главный вопрос решаемый на процессе должен быть не «кто виноват и как его наказать», а как всем вместе решить возникшую проблему, помочь пострадавшим, и предотвратить подобное в будущем. Дикое древнее желание мстить и наказывать не должно быть частью будущего по истине цивилизованного общества. Эмоци-

онально ангажированные мотивы не должны руководить процессом, а потому суд присяжных, как и суд по самой сути, совершенно нерелевантны.

Не важно, что произошло и кто виноват, и, тем более, не важно как его наказать. Все эти вопросы очень мало помогают устранить последствия совершенного преступления, если таковое имело место. Необходимо признать, наконец, что такие понятия, как справедливость слишком подвержены манипуляции и искажению.

Например, если речь идет об обвинении в убийстве, вопрос должен стоять как сделать так, чтобы тот, кто подозревается в убийстве не смог повторить подобного преступления, как защитить его потенциальных жертв, а не как наказать его и тем "исправить" чтобы он больше такого не делал. Можно, безусловно включить "исправление" в общий план действий, но оно будет включать не заключение его вместе с другими убийцами, где он сможет только укрепиться в своих наклонностях, а серьезную психологическую помощь и достойную изоляцию или наблюдение до тех пор, пока не появится уверенность, что этот индивид безопасен.

Современный же суд считает что «исправить» -- это значит наказать человека, посадить его в тюрьму и дать ему время на обдумывание своих поступков, якобы время человека вылечит от этой "болезни" убивать людей

По сути дела в судах идет обсуждение совершенно нерелевантных, несоответствующих интересам общества вещей.

Наказание очень редко в современном мире является фактором, которое значительным образом

влияет на поведение преступников и профилактику серьезных преступлений. Оно скорее пугает основную часть населения, которая, даже если её и не пугать, тяжелых преступлений совершать не будет.

Длительное заключение заставляет заключенного поменять образ жизни на столь долгий срок, что он будет воспринимать новую форму своего существования как данность необязательно уже связанную с совершенным преступлением. В большинстве случаев он не будет, как наивно полагает судья, насупленно сидеть на корточках в углу и каяться в содеянном.

Но как же защита от потенциальных жертв? Разве не надо оградить преступника от общества? Безусловно оградить, но без элемента наказания, чтобы при этом он мучился. Люди веками страдали от диких хищников. Они и сейчас, если допустить их в города, разорвут немало граждан. Но это не значит, что мы должны перестрелять всех хищников или наказывать их. Просто в современном мире хищники живут отдельно, где-то там в островках естественной природы, а граждане – отдельно. Опасного преступника необходимо надежно охранять, чтобы он не мог причинить дополнительный вред, но озлоблять его нечеловеческими условиями проживания – не самый лучший способ его исправить. И уж точно, сажать его с людьми неопасными для общества, используя опасность совместного с ним заключения в качестве истинного наказания для них, наказания, не прописанного в уголовном кодексе – подлость и преступление со стороны правосудия.

Суд не является укротителем преступников, а сам совершает преступления против людей и обще-

ства тем, что умножает и институционарует агрессию. Ибо любое наказание – агрессия, зло, порождающее зло.

Тюрьма не самая разумная форма изоляции. При существующих определенных формах слежения и контроля "виртуальная" тюрьма может быть гораздо эффективнее для не слишком опасных преступников.

Для чрезвычайно опасных преступников, безусловно, тюрьма может быть единственным решением, но опять же цель ее не заставить преступника страдать, а просто защитить общество от возможных опасных преступлений.

За счёт привлечения простых граждан к процессам в разной форме достигается декларируемая государством и обществом социализация в рамках существующей правовой модели. Однако реальность такого участия весьма неоднозначна. Прежде всего, люди, привлекаемые по разным причинам к процессу далеко не всегда не то, что заинтересованы в его сути, но даже индифферентны к происходящему. Они же транслируют фрагменты того, что поняли, далее, создавая долговременный кумулятивный эффект «испорченного телефона». Случайность при выборе и назначении присяжных также не выдерживает критики с точки зрения их понимания сути как системы и её функционирования, так и сути рассматриваемого дела. На самом деле, на процесс отбора влияют и со стороны защиты, и со стороны обвинения, которые уже репетируют поединок друг с другом на данном, казалось бы, ещё внесудебном этапе. Далее, заседания могут быть объявлены закрытыми в любой момент и без излишних объясне-

ний общественности: это означает, что гласность и открытость «дозируются», и даже аргументация за или против оных. Если прибавить к этому нажим на СМИ со стороны следственных или судебных органов, а также манипуляции самими СМИ имеющейся информацией на благо либо против того или иного процесса, становятся понятными и даже осязаемыми границы «дозволенного» в рамках рассмотрения того или иного дела. Да кроме того, само общество также склонно к ограничениям самого разного рода по отношению к подаче материалов судебно-процессуального характера. Общество осуществляет свою цензуру, вольную или невольную, в отношении как правды, так и справедливости. Наконец, решения всё равно выносит система, и вне зависимости от общественного мнения, но на основании обезличенного формального действующего права с его совершенно произвольными и условными формулировками.

ГЛАВА 26. РАЗОЧАРОВАНИЕ В ПРИНЦИПЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ СОБЛЮДЕНИЯ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ.

Решение гражданских судов нередко невозможно выполнить в силу того, что необходимую сумму не представляется возможным взыскать, потому что денег у проигравшей стороны просто нет или механизмы взыскания несовершенны и неповоротливы.

Нередко решения гражданских судов, таким образом, становятся чисто декларативными.

Что же касается приговоров по уголовным делам - два человека с идентичными приговорами могут иметь кардинально разные судьбы, в зависимости поданных апелляций и не только.

Условное наказание весьма отличается от настоящего. Поэтому при определенной ловкости защиты или желании суда смягчить приговор есть масса возможностей по сути превратить наказание в фарс.

С другой стороны существует немало способов избежать исполнения наказания так или иначе скрываясь от правоохранительных органов. Конечно с современными способами слежения с камерами, установленными повсюду, которые могут распознавать лица, это становится всё сложнее и сложнее, но, во-первых, не всех ищут с одинаковым усердием, а, во вторых, смена юрисдикции, отъезд в страну, с которой нет соглашений о экстрадиции, поз-

воляют по сути отменить решение суда, сделав его выполнение невозможным.

Автор встречал в Канаде осуждённого в России, которому, видимо, подкупом удалось по сути бежать из зала суда, причём без особых проблем, хотя он обвинялся в махинациях, похитивших у государства сотни миллионов долларов и ему грозил длительный срок.

Его выдали на руки отцу и велели транспортировать самостоятельно, то ли под домашний арест, то ли ещё куда. Вместо этого отец немедленно вывез его из России на территорию Белоруссии, откуда он благополучно добрался в Канаду, благо, кроме российского имел канадский паспорт.

Хорошо известен следующий случай: в 1977 году Роман Полански был обвинён в изнасиловании тринадцатилетней девочки фотомодели в доме актёра Джека Николсона в Лос-Анджелесе. Фотомодель, которую Полански пригласил якобы для съёмки для французского издания *Vogue*, вспоминала, что Полански дал ей шампанское и наркотик, после чего принудил её к оральному и анальному сексу. После ареста и предъявления обвинений Полански признал себя виновным в сексуальных отношениях с малолетней, чтобы посредством соглашения о признании вины смягчить обвинения, поскольку первоначально он обвинялся в изнасиловании ребёнка в возрасте до 14 лет с использованием алкоголя и наркотических веществ. До вынесения приговора и по условию соглашения между прокуратурой и адвокатами режиссёра Полански согласился на прохождение психиатрического обследования в течение трёх месяцев в госпитале для преступников при калифор-

нийской тюрьме города Чино. По возвращении из тюрьмы Полански был уведомлён адвокатом, что судья, рассматривавший его дело, сообщил ему, что изменил свою позицию и не намерен соглашаться с рекомендацией прокуратуры о вынесении Полански условного приговора без лишения свободы. Это стало нарушением договора, достигнутого адвокатами режиссёра с прокуратурой и ранее одобренного этим же судьёй, и 1 февраля 1978 года, непосредственно перед вынесением приговора, Полански бежал из США в Великобританию (в Лондон), а затем, чтобы избежать экстрадиции, — во Францию, жил он также на территории Швейцарии и Польши.

Вот уже сорок лет США пытаются добиться выдачи Поланского, что не мешало ему продолжать свою успешную режиссерскую деятельность.

При четком планировании преступления и просчете путей отхода можно не только избежать исполнения решений суда, но и сделать судебное преследование невозможным, в виду отсутствия обвиняемого в зоне юрисдикции или территории, имеющей соглашения о экстрадиции.

Причем чем более развивается виртуальная сфера, тем менее имеется необходимость физического присутствия на той или иной территории. То есть всё легче совершать преступления дистанционно, в одной стране, а жить в другой, заранее, убедившись, что между странами нет соглашения о выдаче преступников.

А на период карантина , связанного с коронавирусом, вообще всё население земли находилось не только заключенным в своих странах, без возмож-

ности пересекать границы, но и вообще нередко по сути под домашним арестом.

То есть, по сути стерлась разница между мерой пресечения в рамках уголовного дела и обычной жизнью всех остальных граждан.

Вынесенные вердикты должны исполняться неукоснительно, иначе суд превращается в шапито. Однако и здесь в системе предусмотрены фактические лазейки для того, чтобы не только затягивать с исполнением приговоров, но и переводить их в иную плоскость. Связано это может быть как с манипуляциями сроками уже осуществлённого «предварительного» заключения, так и с вовлечённостью осуждённого лица в юридические отношения помимо собственного решённого случая. Например, обвинённый может «сотрудничать» со следственными или пенитенциарными органами, пользоваться обширными связями или быть необходим широкому кругу заинтересованных сторон. Он может быть носителем информации большого значения, и т.п. Это означает, что его возможности для обжалования, смягчения приговора или даже перевода его в иную более мягкую плоскость экспоненциально возрастают. На осуждённых, с другой стороны, может оказываться давление при помощи как самой процедуры вынесения приговора, так и его содержания. По мере манипуляций с судебной системой в период вынесения судебного решения и после него (например, уменьшение наказания пенитенциарными органами по своему усмотрению), приговор на момент его вынесения часто теряет свою значимость как с правовой точки зрения, так и по отношению к обществу и государству.

ГЛАВА 27. НАСИЛИЕ В ТЮРЬМАХ КАК НЕ УСТАНОВЛЕННОЕ ЗАКОНОМ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ НАКАЗАНИЕ.

Если рассматривать отношение к свободе как источнику правонарушений и преступности, то можно прийти со временем к полному отрицанию ценности её как таковой, поскольку система будет отказывать индивиду как в свободе воли, так и выбора. Иными словами, преступность как форма перехода через общественно допустимые условные границы дозволенного (выраженные в законодательных нормах), и правонарушение, как отрицание в действии самих формулировок права, действующих в каждый данный момент исторического времени, будут соотносимы с категориями воли и выбора. Современная цивилизация, декларирующая и утверждающая свободу в качестве основополагающей своей ценности, на деле озабочена скорее не её реальным распространением, а изобретением всё новых и новых ограничений для её существования. Ограничение личной свободы того, кто принял по свободной воле и выбору «неправильное» с точки зрения общества или государства решение, является, таким образом, фундаментально приемлемой формой наказания. По мере того, насколько преступления и правонарушения оцениваются (опять же условно) как имеющие больший либо меньший потенциал опасности, вводятся ответные временные ограничения индивиду-

альной свободы в более или менее ограниченных условиях. Это создаёт условную и часто парадоксальную реальность пространственно-временного ограничения свободы. Однако сплошь и рядом мы видим, как многие серьёзные правонарушители и преступники отделяются небольшими, часто даже смехотворными сроками по сравнению с тяжестью содеянного, тогда как незначительные преступления приводят «оступившихся» к самым серьёзным последствиям. Кроме того, в современных условиях оказывается, что можно совершать грандиозные преступления даже не выходя из камеры при помощи простейших средств воздействия.

В большинстве стран не существует данных официальных исследований в отношении распространённости сексуального насилия и избиений в тюрьмах, и лишь немногие заключённые сообщают о том, что они подвергались сексуальным надругательствам и другим формам насилия. Однако, значительное число надзирателей признают, что отсутствие официальной информации о таких преступлениях не означает, что тюрьмы безопасны. Напротив, бывшие заключённые, работники тюрем и правозащитники во всем мире согласны с тем, что большинство жертв сексуального и прочего насилия скрывают подобные факты из-за чувства стыда, опасения возмездия, а иногда - просто потому, что не верят, что им может быть предоставлена помощь.

Находясь в тюрьме человек полностью находится под ответственностью государства. Что ж прекрасная иллюстрация того, как государство заботится о своих подопечных.

В 2012 г. Министерство юстиции США опубликовало отчет, по данным которого в 2008 г. в американских тюрьмах подверглось изнасилованию 209 400 человек, и это только по официальным данным! Чрезвычайно сложно оценить статистику по другим странам.

Многие тюрьмы имеют возможность предотвращать изнасилования путем принятия общих мер предосторожности для защиты своих заключенных. Например, частота изнасилований может быть снижена за счет территориального разделения потенциальных жертв и их вероятных насильников. То, что это не делается указывает на то, что система заинтересована в продолжении подобной практики в качестве устрашения, в качестве дополнительного наказания, не предусмотренного законом.

То, что стыдливо умалчивает и от чего открещивается «гуманистически-ориентированная» современная модель пенитенциарной системы, обычно с лихвой дополняется реалиями жизни в местах заключения. Насилие как в физической, так и, особенно в наше время, морально-психологической, широко распространено во всех странах мира. Закон отрицает право государства слишком сильно вторгаться в сферу личной неприкосновенности в ходе судебного разбирательства. Но этот принцип, во-первых, не относится к тому, что ему предшествует, ни тем более к последующему режиму организации жизни такой юридической «жертвы». Помимо этого, нередко насилие в тюрьмах возмещает недостатки в процессуальных формах ведения дела, а также «помогает» следствию добиться желаемого результата по части сбора информации либо наказания тех, чью

вину в судебных условиях будет трудно доказательно представить (так называемые пресс-хаты). Публика при этом хорошо осведомлена о существовании не просто насилия в тюрьмах, но его культуре и самых разных типах. Тюремное насилие, по сути, пропагандируется, смакуется в СМИ и кинопродукции, ему уделяется значительное внимание на телевидении. Это не случайно, поскольку система судопроизводства должна постоянно поддерживать в обществе свой имидж сурового сторожа воздаяния за совершение правонарушений. Это часть её доказательства собственной значимости, и самое главное, незаменимости. Это же является, в представлении сторонников такого подхода к интерпретации объективной действительности, хорошим способом профилактики самих правонарушений. Ведь подумать только: все «потенциальные преступники» - рядовые граждане — оказываются настолько затерроризированными со всех сторон, что уже и не помышляют о многом...

ГЛАВА 28. УСЛОВИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ И НАРУШЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ.

А не приходилось ли вам, дорогой читатель, сидеть в тюрьме? Автору пока не приходилось. Но в силу своего любопытства и развитого воображения он нередко обращался к этой теме, беседовал с бывшими сидельцами на трех континентах.

Современное международное право предусматривает новое измерение для злоупотреблений и унижения человеческого достоинства в рамках судебной и пенитенциарной системы: права человека. Если ранее каждое государство внутри собственной правовой модели, отражавшей общественную систему, выстраивало судопроизводство по собственным лекалам, и человек попадавший в её жернова, перемалывался лишь на её уровнях, то теперь добавились новые уровни, которые требуется «учитывать» в общей картине. Разумеется, что уровень гуманности систем несколько не претерпел изменений по сути, но форма более гуманного обращения с заключёнными должна быть соблюдена. В этой игре участвуют все вовлечённые (но отнюдь не всегда «заинтересованные» стороны). Вместе с тем, существование представлений о правах человека позволяет также манипулировать системой со всех сторон. Заключённые всё так же подвергаются унижениям и издевательствам, их лишают подчас удовле-

творения элементарных человеческих нужд, их обманывают, их доверием злоупотребляют и пренебрегают, а под предлогом разлада здоровья и психики подвергают ещё большим лишениям. Но при этом делается всё перечисленное с учётом возможных последствий в случае обнаружения подобных инцидентов. Это ещё один фундаментальный парадокс современного «цивилизованного» ведения дел в пенитенциарной системе. Вместе с тем, преступники, уличённые в действительных злодеяниях, не менее цинично, чем совершали до того свои преступления, пытаются использовать гуманитарную составляющую для смягчения наказания или даже ухода от него. Они без колебаний измышляют нарушения прав человека и мотивируют этим поддержку своим узко эгоистическим целям, направленным на уход от ответственности. Государственные или даже международные инспекционные органы обладают лишь ограниченными возможностями напрямую расследовать такие ситуации и расставлять точки над «и». Это особенно трудно в тех странах, где государство заинтересовано в намеренном ослаблении любых попыток ограничить его произвол или произвол отдельных высокопоставленных должностных лиц, а общество парализовано.

Какие-то из тюрем поражают своими роскошными условиями, на другие даже смотреть страшно. От таких контрастов у особо впечатлительных могут даже появиться мурашки от ужаса... И ведь в этом заключается ещё одна степень несправедливости, что тюремное заключение может означать совершенно разные вещи.

Тюрьма острова Бастой в Норвегии считается самой комфортабельной тюрьмой на планете. Там есть всё: пляжные зоны, футбольное поле, красивые пейзажи, лес, сельскохозяйственные угодья, магазины, библиотека, церковь, школа.

Тюрьма в городе Халден, Норвегия вторая по величине в Норвегии. Охранники здесь не носят оружия, а условия жизни мало чем отличаются от того, что человек может получить на свободе.

Некоторые считают, что заключенным, некоторые из которых являются насильниками и убийцами, такая роскошь не должна быть позволительна. Однако примечательно, что в Норвегии самый низкий процент повторно совершённых преступлений!

Среднестатистический СИЗО в России – это переполненные камеры, недостаток дневного света и свежего воздуха, сырость, холод, неогороженный туалет. Условия в следственных изоляторах бесчеловечные и унижающие человеческое достоинство, а ведь речь идет о следственных изоляторах, где содержатся лица, чья вина еще не доказана в суде!

Тюрьма в Сальвадоре считается одной из самых опасных тюрем мира. В клетках обычно сидят более 30 человек. Спать негде, поэтому заключенные снимают с себя одежду и делают из них гамаки.

Гражданская тюрьма на Гаити постоянно переполнена. Одна из самых грязных тюрем. В 2016 году отсюда во время беспорядков сбежали 174 заключенных.

А в тюрьме Маула в Лилонгве, Малави В 2015 году в одну камеру, рассчитанную на 60 человек, поместили 200. Один туалет приходился на 120 человек, одна раковина — на 900!

В тюрьме Эвин, в Тегеране часто не кормят совсем или не докладывают еду. Медицинской помощи просто не существует. Все это тщательно скрывается. Когда бывший начальник тюрьмы заявил о нехватке медикаментов, его уволили.

Тюрьма города Кесон-Сити в Филиппинах представляет собой жуткое зрелище. Заключенные вынуждены бороться за каждый сантиметр свободного пространства, воду и еду. Тут спят на цементном полу по очереди и делают гамаки из одежды.

Чем больше в обществе провозглашается следование идеалам свободы с одной стороны, и умножаются законы о правонарушениях и наказаниях, с другой, тем большее число людей потенциально имеют шанс попасть за решётку, пусть даже по совершенно абсурдному с точки зрения здравого смысла обвинению. Это приводит к тому, что постоянно возрастает потребность в совершенствовании и умножении мест лишения свободы для всех категорий заключённых. По сути распространение таких мест есть рефлексия на экспансию правовых норм регулирования человеческих отношений. Так несвобода становится реальностью при воплощении идеалов свободы. А по мере того, как уровень морали с одной стороны, и уровень порога приемлемости с другой понижаются, количество норм, заступающих на их место, экспоненциально возрастает. В итоге в разбалансированных обществах места лишения свободы переполняются. Если количество заключённых с тяжёлыми составами преступлений, и соответственно, длинными сроками заключения, перевешивает, такая переполненность становится уже хронической, и как нельзя лучше свидетельствует о

реальном уровне как свободы, так и правосознания в том или ином обществе. Это приводит к многообразным последствиям. С одной стороны, необходимо «разгрузить» тюрьмы и колонии. С другой стороны – не допустить резкого изменения криминальной обстановки. И здесь возникает ситуация, когда по умолчанию возможно допущение преступности под эгидой пенитенциарной системы и с санкции правоохранительных органов. Отношения внутри таких мест специально регулируются таким образом, чтобы стимулировать выполнение самими заключёнными того, что хотела бы обойти система. Условия содержания регулируются таким же способом. Государству невыгодно много тратиться на возрастающее число заключённых. Кроме того, возможности некоей «самоокупаемости» таких мест ограничены. Тюрьмы и колонии повисают тяжёлым бременем на плечи налогоплательщиков, многие из которых, к тому же, рискуют всегда туда попасть.

ГЛАВА 29. НИГИЛИЗМ ЗАКЛЮЧЕННЫХ: ИСПРАВИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА ШТАМПУЕТ НОВЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

- Для чего вы живёте, что полезного вы делаете для общества? - спросил судья у рецидивиста. - Как "что делаю"? Вы меня удивляете, ваша честь! Я даю работу полиции и суду!

Реализация судебных решений об осуждении приводит к парадоксальному эффекту: вместо того, чтобы утверждать справедливость и правду, оно на самом деле сеет неверие и сомнение. Не только представители общества, вовлечённые на разных уровнях в процесс, но прежде всего сами стороны процесса – потерпевший и обвиняемый – в ходе слушаний проходят в буквальном смысле через адские муки. Поединки сторон вскрывают то, что многие хотели бы скрыть, и часто в весьма неприглядной форме, стремясь воздействовать на суд и общественную мораль гораздо более интенсивно, чем стараясь утвердить истину. Более того, в ход пускаются недомолвки или нападки, ложь с обеих сторон и разного рода злокачественные манипуляции. Когда же обвиняемые становятся заключёнными, то, если они до этого не были убеждёнными и хладнокровными преступниками или маньяками, они оказываются в роли жертвы глубочайшего разочарования всем и вся. Заключённые оказываются вычеркнутыми принудительно из жизни во всех формах, а

если им оставляются лакуны, то они строго лимитированы. Это уродует личность всё более и более. Многие неспособны справиться с потерей веры во всё, что когда-то воспринималось как само собой разумеющееся. Аморализм и даже антиморализм тюремной среды является большим вызовом мотивации и моральной стойкости для любого, кто попал за решётку. И система не просто понимает это – она замешана на этом, проповедует это, утверждает, ревностно следит за тем, чтобы деморализация стала максимально полной. Если же система формально предусматривает некие формы альтернативного отношения к своим жертвам – заключённым, - то особо изощрённо использует их для того, чтобы испытывать терпение и постоянно, только в иной форме, намекает им на беспросветную обречённость их существования. Куда бы они не пошли...

Культура преступности насаждается и распространяется в местах лишения свободы. Они далеко не всегда могут быть названы «исправительными учреждениями» в хорошем смысле слова. Ведь в реальности их задача – терроризировать вовне и внутри одновременно. Они распространяют страх перед государством и правом в обществе, и одновременно воспитывают в страхе ненависть и девиации у тех, кто по воле судьбы попал туда. В тюрьмах и колониях вовсе не поощряются такие формы отношений, которые способствуют правовому развитию и моральному совершенствованию. Они скорее изолируют – но опять же лишь на время, поскольку манипуляции со сроками заключения и тяжестью в оценке правонарушений приводят в итоге к тому, что лица преступные, получив новую подпитку, регу-

лярно вновь вливаются в общество, по сути ещё больше совершенствуя сферу правонарушений, и способствуя её экспансии. Помимо этого, данная система стимулирует девиантное поведение и со стороны служащих пенитенциарной системы, провоцируя их нередко на исправление упущений правоохранительных и судебных органов подручными средствами, что либо санкционируется текущим правом латентно, либо не санкционируется вовсе. В итоге, грань правоохранения и нарушения становится лабильной и зыбкой. Искушение перейти нечётко прописанную черту весьма велико. Многие люди без криминального прошлого, таким образом, попав между описанными молотом и наковальней, социализируются в преступном релятивизме, а их пороги терпимости размываются.

Согласное Дороти Робертс, сегодняшняя система жестокого наказания восходит к рабству и расовому капиталистическому режиму, на который она опиралась и поддерживала. Мы можем представить и построить более гуманное и демократическое общество, которое больше не полагается на клетки для удовлетворения человеческих потребностей и решения социальных проблем.

Отмена тюрем, по мнению МакЛеода, включает в себя позитивную повестку дня, которая переосмысливает то, как общество может решать социальные проблемы в отсутствие тюрем, используя такие методы, как декриминализация и улучшение социального обеспечения .

ГЛАВА 30. ПРОБЛЕМЫ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ УСЛОВНО.

Условность наказания в любом случае является мерой пресечения, поскольку оно препятствует нормальной жизнедеятельности того, кто под него подпадает. На самом деле, практика применения условных наказаний красноречиво свидетельствует, что во многих случаях изоляция в специальных местах лишения свободы вовсе не требуется для того, чтобы надёжно пресечь социальную активность индивида. Следовательно, и всё то, что нагромождается на феномен их существования, включая уродливую тюремную субкультуру, может при определённых условиях вовсе прекратить существовать, а дидактический эффект в обществе будет тем не менее достигнут ничуть не меньший. Условные наказания также более гуманны как по форме, так и по содержанию. Они не допускают эксцессов в обращении с личной свободой по части её терроризации. А срок заключения и испытания соотносимы в той же мере, как искушение побега или нарушения условий задержания. Посыл обществу по поводу содержания преступника тем не менее всё равно отправляется недвусмысленный. Тем не менее, для осуждённого в современных условиях условное наказание всё равно представляет проблему, так как это зарегистрированное правонарушение, которое не должно повторяться под страхом ужесточения и наказания.

Более того, реакция общества и государственных органов на условную меру пресечения не менее однозначна, чем на конвенциональные формы наказания. Вопрос остаётся: что же в итоге есть «условное наказание»: это форма реабилитации, возмездия или же пресечения? И ответ на него зависит индивидуально от потенциала реальной вины субъекта, которую всегда сложно определить однозначно. Непонятно, какие сроки для подобных приговоров более приемлемы с точки зрения эффективности, и как предотвратить рецидивы криминальной активности, т.е. как лучше структурировать наблюдение за осуждёнными, чтобы гарантировать их нормализацию. Наконец, важно действительно разграничить, где кончается психологическое заболевание и начинается криминальная склонность. Современная практика требующая контактов жертв с осуждёнными подвергается существенной и небезосновательной критике. Практически каждый четвёртый из тех, кто сегодня совершает серьёзные преступления, фактически отделяется «слишком мягко».

Условно досрочное освобождение лиц совершивших преступления зависит от целого ряда факторов, предусмотренных в законодательстве, которые можно сфокусировать на попытке дать шанс преступнику, осуждённому на срок пребывания в заключении проявить себя с «лучшей стороны» на свободе, после того, как в заключении он уже продемонстрировал к этому склонность. Современное право предусматривает, в первую очередь, оценку личности осуждённого с точки зрения его психологических склонностей и оценивает его поведение и мотивацию в долгосрочном плане. Для того, чтобы это отслежи-

вать можно применять только ограниченно работающие средства, основанные на непосредственном наблюдении и тестировании. Оба средства имеют известные границы, связанные с угрозой манипуляции ими при условии знания преступником механизмов того, как они работают, и как будут в их рамках выстраиваться ожидания соответствующих должностных лиц и инстанций, ответственных за вынесение конечного решения. Так или иначе, лицо должно отбыть определённую часть срока, и это вне возможности обжалования приговора именно с позиций психологических факторов либо состояния здоровья. Система предусматривает, что лицо, притязующее на досрочное освобождение, должно совершить ряд действий во время первичного отбывания приговора, которые бы продемонстрировали его стремление измениться (как например, программы реабилитации или образования). Тем не менее, система всегда обезличена в основе, и те программы, которые хороши для одних, могут оказаться неэффективными для других, а их результаты в итоге не окажутся репрезентативными. Фактор риска при досрочном освобождении всегда велик, особенно в случае с латентными серьёзными психическими расстройствами (например, паранойя и шизофрения). Это подвергает опасности как общество, так и самих осуждённых, и даже жертв произошедших уже правонарушений. Особую опасность может представлять попытка досрочного освобождения фактических рецидивистов. Поэтому сохраняется проблема, как определить средний приемлемый испытательный срок для каждого конкретного осуждённого, с тем, чтобы гарантировать отсутствие рецидивов.

ГЛАВА 31. КЛЕЙМО УГОЛОВНОГО ПРОШЛОГО: ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ БЫВШИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ОБЩЕСТВЕ.

Когда человек покидает места лишения свободы, то в зависимости от тяжести совершённого и характера общественного мнения там, куда человек отправляется, может выстраиваться логика его отношений со внешней средой, от которой будет зависеть успешность адаптации. Любопытно отметить, что на самом деле люди применяют к бывшим заключённым тот же базовый набор предрассудков и предубеждений, который характеризует их отношение к любому другому человеку, который выбивается за грани общепринятого. Пресловутая «нормальность» всегда окружена надёжной защитой предрассудков и предубеждений, формирующих базу для предвзятых мнений и основанных на них поступках. Логика таких поступков, обращённая в систему, нередко приводит к новой форме изоляции теперь уже не осуждённого, а обречённого, не заключённого, а бойкотируемого или, ещё хуже, гонимого. Таким образом получается, что в реальности самым худшим для человека становится, иронически, не приговор и отбытие срока, а именно то, что начинается после выхода «на свободу». Людей с криминальным прошлым автоматически воспринимают как девиантов, склонных к насилию. Их подозревают в первую очередь, либо вообще не подпускают к тому, что по

расхожему мнению, может «спровоцировать» нежелательную реакцию. Однако реакция на разные виды криминального прошлого может всё же отличаться. Например, тех кто попадал под ювенальное правосудие не станут так осуждать в быту, как тех, кто имел неосторожность быть осуждённым за сексуальные проступки. Целый ряд профессий практически исключаются для бывшего заключённого (например, военная или полицейская служба, медицина и образование, и т.п.) Наконец, для человека может быть ограничено даже право передвижения, не только в границах собственной страны, но и за рубежом, так как любая возможность доступа местных инстанций к информации криминального характера может повлечь за собой произвольный отказ во въезде.

Главной и первоочередной проблемой для любого, кто выходит из мест заключения, становится тот факт, что в реальности наказание не прекращается с завершением заключения, а само заключение переходит в новую форму. Эта форма имеет скорее латентный характер: она морально-психологическая и институциональная. Общество, видя за человеком «шлейф» правонарушителя, начинает подвергать его самым разным формам остракизма или даже откровенно преследовать, игнорировать, лишать доступа к жизненно важным ресурсам и возможностям социального и экономического подъёма. По сути, изоляция продолжается, и ей не видно ни конца ни края. Кроме того, с течением времени, прошедшего между задержанием и освобождением, человек как бы затормаживается в развитии, в то время как жизнь уходит вперёд. Изоляция от общества, осо-

бенно если она долговременная, отбивает у человека позитивные навыки общения и реакции на общественные отношения, если они и были, и заменяет на комплексы, которые переходят в сферу непоправимых. Способность реагировать на вызовы среды и «выживать». Таким образом, значительно сужаются. Человек не может найти приемлемое жильё и место работы, сосуществовать в коллективе бесконфликтно, находить общий язык и интересы. Его потребности и мотивация радикально разбалансированы, а культурные стереотипы нередко подорваны не менее, чем физическое и психическое здоровье. Трагедия в том, что подчас выбора нет: остаётся только «линия наименьшего сопротивления» в виде возврата в привычную до преступления и наказания сферу приложения сил. Часто эта сфера, опять таки, оказывается преступной. Общественные и государственные институты контроля за поведением освобождённых из заключения нередко проявляют индифферентность и формализм в обращении с ним. Должностные лица не только показывают поверхностную квалификацию, но и по сути не считают нужным проявлять серьёзный интерес к таким людям, и лишь занимаются мониторингом их поведения в ежедневной жизни, а не сложными вопросами реальной поддержки или даже психотренинга. Семейные отношения бывших преступников, если они вообще и были, подвергаются вызову со всех сторон. Человека унижают и оскорбляют, его бросают на произвол судьбы, сторонятся и даже боятся. Самое худшее, когда его изолируют от семьи и детей и строго следят за тем, чтобы он не приближался к ним. Всё перечисленное никак не способствует за-

являемой «реинтеграции», которой якобы существующая система «способствует». Фактически, она провоцирует самыми разными способами тот самый рецидивизм и негуманность. От которых должна по идее спасать.

ГЛАВА 32. СМЕРТНАЯ КАЗНЬ, УБИЙСТВО ГРАЖДАН ПОЛИЦЕЙСКИМИ И ПРАВО НА ЖИЗНЬ.

Согласно официальной статистике, ежегодно жертвами полицейских в США становится более 1000 человек. Этот показатель - самый высокий в мире, и не снижается вот уже несколько десятилетий.

По данным на сентябрь 2016 года, в 60 странах мира около 22 500 человек ожидали приведения в исполнение смертного приговора. Наибольшее число «ожидающих», примерно 2500, находилось в тюрьмах США. В среднем ежегодно в мире смертной казни подвергались от 1000 до 1500 человек.

Прежде всего, необходимо отметить что в современном гуманитарном и конституционном праве чётко определяется фундаментальность права на жизнь. Это подразумевает, что ни при каких обстоятельствах государственные органы власти, в том числе в судебном порядке, не должны отбирать у человека это право. Особенно речь идёт о тех случаях, когда смертная казнь в разбалансированных государствах и обществах может использоваться для сведения личных счетов, утверждения политических или экономических интересов, защиты тех, кто в реальности нарушает принцип верховенства права за счёт их беспомощных жертв. Двадцатый век убедительно продемонстрировал широчайшее разнообразие способов от имени государства и общества использовать

смертную казнь против того и другого, но главное и основное – против человеческой личности. Но даже в развитых демократических обществах не может быть абсолютной гарантии того, что то или иное лицо не осуждается на смертную казнь по ошибке, и что через исполнение её не уничтожаются улики, не уходит в сторону от реальных фактов внимание расследования, не сеются ложные представления на долгие годы в умах публики. Если ранее смертная казнь была также общественно-полезным и значимым шоу, которое привлекало внимание толп, то теперь ту же роль исполняет симуляция в виде СМИ и кино. Вместе с тем, если провести беспристрастное расследование, скорее всего выяснится, что массовой поддержки смертной казни в обществе нет и быть не может, а если она в определённый момент прослеживается, то это скорее результат плохого положения вещей либо нагнетания параноидальной истерии в СМИ, чем реальность долговременного и устойчивого характера. Ведь не секрет, что государственные органы даже в лучшие времена не могут гарантировать, что материально-правовые и процессуальные процедуры в ходе расследований не нарушались, а также не могут доказать, что сам институт смертной казни действительно имеет только узконаправленную цель достижения сдерживания и возмездия за реальные преступления. Всем известно, как высока вероятность задержек и проволочек в рассмотрении либо исполнении, как велика вероятность произвола заинтересованных сторон и инстанций, и насколько, в конечном итоге, зыбок и амбивалентен результат для массового сознания.

ГЛАВА 33. ПРАВОСУДИЕ БУДУЩЕГО.

Говоря об отправлении правосудия в будущем многие подразумевают применение искусственного интеллекта и виртуализацию судебных процессов. Но это будет означать всего лишь, что мы перенесём все недостатки правосудия, обсужденные в этой книге на новый технологический уровень, не устранив того, что превращает правосудие из стержня и опоры общества, в развращающую и разочаровывающую инстанцию, каковой оно является на сегодняшний день.

Ученые из Джорджтаунского университета в Вашингтоне заявили, что внедрение нейросетей в судебный процесс лишь ускорит рассмотрение дела, но никак не повлияет на справедливость решения.

Отмечается, что нейросеть будет учитывать все обстоятельства на предварительных слушаниях — личность подозреваемого, его возможности, а также наличие или отсутствие криминального прошлого при освобождении до суда под залог.

Однако свойственная людям предвзятость будет скопирована автоматической системой.

Беспристрастный робот-судья способен отправлять правосудие лучше человека и в недалеком будущем может его заменить. Такое мнение высказал президент Федеральной палаты адвокатов РФ Юрий Пилипенко на открытии IX Московской юридической недели.

Алгоритм, принимающий судебные решения, возможен уже сейчас. «В век цифровых технологий важно, чтобы судьи осознали это как свою собственную проблему. Быть вытесненными из профессии искусственным интеллектом – не самая лучшая участь», – заметил Пилипенко. Также президент Федеральной палаты адвокатов назвал серьезной проблемой распространение среди адвокатов принципов волевой защиты, игнорирующей нормы права и угрожающей правопорядку. Пилипенко добавил, что «адвокатская деятельность никогда не была приоритетной для государства, добиться признания нашей профессии всегда удавалось и удастся с большим трудом, так как адвокатура, как правило, противостоит силе государства». По его словам, сейчас адвокатам тяжело работать из-за состояния судебной системы и практики применения законов. Кроме того, суд редко выносит оправдательные приговоры по уголовным делам, а в гражданско-правовых спорах с участием государства часто занимает сторону последнего. Из-за этого некоторые адвокаты готовы препираться с судом, обострять обстановку в процессе. Сам Пилипенко считает, что это неправильное решение и что следует сохранять достоинство, даже зная о незаконности и необоснованности решения суда. Пилипенко призывает к конструктивному диалогу представителей адвокатуры, научной общественности и суда. Подводя итоги доклада, президент ФПА сказал: «Давайте сделаем так, чтобы перемены, которых все мы хотим, были осознанными, направленными на пользу страны и ни в коем случае не нарушали бы ни баланс интере-

сов между гражданином и государством, ни баланс интересов между защитой и правосудием».

В США также ведется диалог о будущем правосудия. Исполнительный директор Службы судов и трибуналов Сьюзан Акланд-Худ напоминает, что «наши процессы не должны быть такими же старыми, как наши принципы».

Но дело в том, что сами принципы, которыми так гордятся юристы превратились в современном обществе в катастрофический фарс.

Систему правосудия реформировать невозможно. Необходимо смоделировать альтернативную систему, выполняющую регулирующие функции в обществе будущего. Звучит настолько же утопично и революционно, как переход к коммунизму или анархизму, и, создание альтернативы правосудию не представляется возможным без полной смены общественного строя, которая обычно ведет к нежелательным катастрофам.

Но это не значит, что можно обсуждать подобные возможности, моделировать, и даже проводить эксперименты с отдельно взятыми общинами, желающими попытаться изменить существующее положение.

Между прочим во всех системах предпринимаются попытки обходиться непосредственно без судебных слушаний, путем предварительных внесудебных переговоров и попыток договориться без суда. Причем эти механизмы давно отработаны и широко применяются.

Необходимо рассмотреть и смоделировать следующие возможности, в качестве альтернативы существующим системам.

Интересно, как Интернет предлагает альтернативы судебной системе. Например, во всемирной платежной системе PayPal, а также аукционной площадке Ebay существует механизм урегулирования диспутов, и по сути он эффективно заменяет в большинстве случаев необходимость обращения в суд. Можно поспорить о справедливости и скорости их решений, однако удобство и простота неоспоримы.

Сайты для фрилансеров исключают возможность не заплатить за работу, потому что заказчик вносит депозит на сайт, до того как исполнитель приступает к работе. Если возникают диспуты, они опять же разрешаются администрацией сайта.

Использование таких механизмов должно расширяться и на другие сферы. И как раз здесь государство и могло бы сыграть прекрасную регулируемую роль, принимая на себя похожие функции. (Подобные попытки осуществляются но как всегда неуклюже и неэффективно).

Не следует создавать систем, предполагающих возможность невыполнение контракта, и на мелком уровне интернет площадок такие механизмы существуют и действуют уже давно.

По сути они разгружают в значительной степени судебную систему и снижают уровень не выполнения обязательств до практически нулевого. Обратите внимание, что при решении диспутов такого рода нет места адвокатам и непонятной юридической лексике.

Если пофантазировать, можно перенести подобные механизмы и на любые другие виды деятельности и области права. Еще примечательно, что при

решении диспутов на таких площадках нет понятия юрисдикции. Где бы не находились вы и ваш партнер – диспут решается на сайте, которым вы приняли решение воспользоваться. Необходимо создавать системы, где от доброй или злой воли человека ничего не зависит. Не соблазняя человека поступать против справедливости и совести, мы сделаем людей лучше. Если обмануть невозможно, то и совершать сальто-мортале с собственной совестью не приходится. Это касается и автоматического сбора налогов с финансовых транзакций, а не с индивидов и прочие автоматизированные системы, не требующие от граждан проявления сознательности и честности.

Что же касается уголовной сферы, необходимо вывести подавляющее число преступлений (уж во всяком случае имущественных) из уголовной сферы в административную. За финансовый вред нужно стараться взымать финансовую компенсацию, а не сажать человека в тюрьму.

Что же касается серьезных преступлений, необходимо направлять усилия на предотвращение совершения подобного в будущем, на эффективную компенсацию жертвам, а не наказание виновного. Если обвиняемый с высокой степенью вероятности может причинить вред в будущем – необходимо оградить от него общество, однако с минимальным поражением его в правах и ограничением его свободы, насколько это возможно. Тогда цена судебной ошибки не будет более так высока. А понятие «справедливое наказание» должно отойти в прошлое.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Главная ошибка всех реформаторов и оппозиционеров, критикующих существующие системы в своих странах, это иллюзия того, что якобы в других государствах дела обстоят лучше, и даже если это так, то, что определёнными реформами, копирующими практику других стран можно достигнуть положительных перемен.

Когда их допускают до власти и эти реформы совершаются, как водится, становится гораздо хуже.

Дело в том, что мироздание заведомо дурно сработано в самых своих основах и кардинально исправить в нем ничего нельзя. Это касается и социального устройства. Иногда, убирая тиранов, оказывается, что в том или ином государстве тирания была неслучайна, и негативные факторы, связанные с ней, были гораздо менее болезненны, чем проявившиеся в её отсутствие.

Критики часто бывают правы в своей критике, но стоит им перестать критиковать и начать предлагать решения – как тут же они попадают впросак. Критика всегда будет успешна из-за несовершенства устройства нашего мира, а предложения изменить и улучшить всегда будут казаться наивными и даже вредными, опять же от того, что в этом мире невозможно создать ничего совершенного.

Хуже того, критиков могут поддержать люди во все не желающие исправления системы, а имеющие

циничные намерения ее разрушить и использовать это в своих корыстных целях. Чаше всего так и происходит. Вслед за идейными разрушителями старого обычно приходят злые и умелые корыстолюбцы.

Основная ошибка полагать, что где-то в этом мире есть нечто совершенное, а в других местах его нет. Поэтому в нашей книге мы критикуем правосудие не в какой-то отдельно взятой стране, а вообще. Если бы реформаторы говорили об общечеловеческих проблемах – они были бы ближе к истине, но дальше от народа... Ведь их действия в конечном счете этому самому народу могут выйти очень даже боком.

Но не будем забывать, что, если у нас нет решения проблемы, то это вовсе не означает, что нет проблемы, которую так или иначе надо решать.

БЛАГОДАРНОСТИ.

Хотелось бы поблагодарить всех, кто участвовал и помогал в работе над книгой. Авторы выражают сердечную благодарность консультантам и ассистентам: политологу Владиславу Мартыновичу, психологу-юристу Натальи Крохе, психологу Светлане Николаевой, журналистике Анне Подшиваловой, философу Елене Тимченко, студентке-юристу Софье Колотыгиной.